ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР

А. ТЮРИН

ПАДЕНИЕ С ЗЕМЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Солнечная система заселена модифицированными для жизни в космосе людьми. Однако они сталкиваются с другой формой жизни, хищной и паразитической, способной остановить космическую экспансию человечества.

- Александр ТЮРИН. КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА: МЕРКУРИЙ
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРУДОДНИ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БЕСНОВАТОСТЬ
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЭКЗОРЦИЗМ
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

Александр ТЮРИН. КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА: МЕРКУРИЙ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

"Техносфера, создаваемая как спасательный круг для человечества, освободила землян от необходимости качественного мышления, и они удовлетворились потребительством и разного сорта догматикой. В то время как человек земного типа (в просторечии "слизняк") тонул во мраке дебильности, на просторах Солнечной системы разворачивалась космократия в кастовой форме. Космократия той поры означала, что статус человека зависит от удачности его взаимодействия с космосом, мощь же касты обеспечивает ему необходимую техническую поддержку".

Благочестивый Сатурн Кольцович

"Осмысление Космики". Прозерпинск, 2378 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРУДОДНИ

1

Если вы созрели для какого-нибудь гнусного преступления, вроде разбоя или набега, то поторопитесь взять билет на Меркурий, на его ночную сторону. Здесь будут созданы все условия для проявления самых дурных ваших качеств.

Во-первых, атмосфера, особо располагающая к криминальным поступкам. Вместо солнца и даже луны на небе солетта (похожая на настоящее светило, как канализация на канал). Плюс пыль столбом.

Во-вторых, ненавязчивая сила тяжести, благоприятствующая быстрому бегу, прыжкам, скачкам и броскам.

В-третьих, четыре службы охраны, каждая из которых кого-то любит, а кого-то лупит. Соответственно меркурианцы делят стражей порядка на "мою милицию" и "полицаев".

Бьет копытом в стойле бравая War-Охрана, wохровцы, у концерна "Мираж". Корпорацией "Комбинация" тоже выпестована шеренга бойцов – триста тридцать три богатыря Службы Безопасности, в просторечии «комбинашки». В ассоциации старателей произрастают внушительные дяди размером со шкаф, которые любят себя именовать «шерифами». И, наконец, у властей префектуры имеется в загашнике какая-никакая милиция, имя которой полиция. На вид она пыльная, по части технического оснащения так себе, но зато с огнедышащим змеем, с Горынычем, на кокардах.

Так что творите, урки, свое темное дело во мгле Меркурия, а натворивши кликайте свою милицию и кидайтесь ей на шею. Она и станет вас отбивать от полицаев, которые в свою очередь будут стараться, чтобы вы провели внеочередной отпуск там, где под лучами солнышка плавится металл. Или немного повисели на виселице. У нас, кстати, виселица – ввиду малой силы тяжести – совмещена с центрифугой. Своя же милиция, если отобьет, накажет вас любя, даст вам срок условно в виде перевода на нижеоплачиваемую работу. Поручит вам, например, отстреливать одичавших от неудачного программирования кибертараканов. Или расчленять домики из квазиживого полипептидного пластика, которые еще нередко поглощают спящих своих жильцов и даже нападают на прохожих в глухих уголках города (где крики недолго мечутся среди слепых, но прожорливых стен).

Однако. Если, совершив разбой и отделавшись легким испугом, вы решили сорваться с солнечного (наполовину) Меркурия, вам придется несколько разочароваться. Ведь ваши денежные сбережения, образованные неустанным грабежом, и

зажатые теперь в кулачке, будут посрамлены ценой на обратный билет в космос. «Мираж» и «Комбинация», владеющие на пару космопортами, постарались, чтобы для очень многих Меркурий стал конечной остановкой.

Так что придется вам от неуемной тоски полностью истощить мошну где-нибудь в угарном Афродизианске или орбитальном ночном клубе Хунахуна (по-народному, шмаролете).

Это, конечно, поможет вам забыться. И сузить поле сознания. Или его расширить. При удачном раскладе вы забудете даже, как вас зовут, и потом уже никогда не вспомните. А что вы хотите, после того, как пара мечущих молнии мутанток займется вашим отдыхом. Длинные когти «кисок», пропитанные зажигательными гормонами, воткнутся в вашу кровеносную систему. Сильные пальцы прижмут ваши артерии, чтобы организм стал выделять пептиды предсмертного кайфа. И вправду, радость может для вас оказаться последней на этом свете. А от возбудительных разрядов ваше срамное место станет напоминать яичницу с недожаренной колбаской.

Если же вы, уцелев после межсексуальных сражений, решили стать кристально честным образцовым гражданином и подумали, что "своя" милиция вам больше не понадобится – то как бы не пришлось раскаяться. Уже через недельку вы будете с плачем размазывать сопли по лицу и усиленно выделять бензол в сжатом пространстве тюремной камеры. Трудно на Меркурии не совершить чего-нибудь откровенно дурного.

Во-первых, люди здесь в огромном большинстве инкубаторские "номерки", не знающие папско-мамской ласки. И вдобавок, как изящно выражаются в газетах – с модифицированной генетикой. "Номерков" присылает сюда своими путевками министерство кадров. Конечно, доведя вначале до периода половой зрелости в каком-нибудь из питомников на Марсе или Ганимеде и записав в одну из каст: воинов, то есть кшатриев, ученых-брахманов, техников или торгашей (старатели сюда тоже относятся). Само собой, чтобы угодить в брахманы надо очень постараться. Генов мудрости, увы и ах, так до сих пор никто не нашел и не синтезировал, но все же – большинство живчиков, впоследствии становящихся брахманами, вытаскивается за хвостик из холодильника с надписью "нобелевские лауреаты, в уборную не выливать".

Сказанное, естественно, не означает, что "номерки" ничего не знают о хороших манерах – в некоторых питомниках хорошо дрессируют и даже танцам в невесомости обучают. Или, что выпускникам инкубатора некуда энергию девать. Скорее наоборот. Просто ребята не любят скучать, ковыряя в носу. Ну, и

семейные связи их, естественно, не гнетут. Они мало кого в Космике гнетут. Производство молоди поставлено на конвейер. Ну, а секс с похотью? Это в Космике осталось, также как и деление на баб и мужиков – здесь мы отстали от Земли и наши генные инженеры к проблеме пола еще только подбираются. Если ты боишься случайных дам, то не пожалей в магазине пять кило гафняшек (это у нас валюта такая, основанная на гафниевом стандарте) и получишь биороботессу марки НФ, то есть популярную «Невесту Франкенштейна». Начинка у нее – кибернетическая, а обшивка – квазиживая органика, иногда кожно-жировой трансплантат с трупаков. Поет в любой тональности, танцует диско, рассказывает сплетни и сказки, а еще можно выбрать любую позу из двадцати, имеющихся в ее арсенале. Если ты собрался в поход и трактор у тебя маленький, то можно разделить ее на модули. И взять с собой только самый необходимый кусок.

Во-вторых, хватает на Меркурии стихийных мутантов (муташек, мутных), которые добираются до этой планеты-ловушки самоходом или зарождаются непосредственно здесь. А они люди, вернее нелюди, с прибабахом. Одному, для пополнения запаса гормонов, надо кровушки стакан, другому для хорошего пищеварения срочно требуется сырое человечье мясо, третьему, чтобы расти большим до трех метров, не хватает только супчика наваристого из чужих гипофизов.

Конечно, в отличие от обитавших на Земле в течение веков психомутантов-садистов, наши муташки не получают от своих действий удовольствия, а лишь удовлетворяют потребности физиологии. Но вам от этого вряд ли легче будет, когда крепкие кривые зубы с хрустом вопьются в ваш затылок.

И в-последних, жизнь на Меркурии сложная насыщенная. Открыл не вовремя дверь шлюза и выдуло твоего товарища из сортира прямо в космос. Или ударил какую-нибудь малосимпатичную мордашку, а мордовладелец улетит со второй космической скоростью. Потом объясняй прокурору, что противник случайно поймал гравитационную волну, которую Солнце нам презентовало.

Еще Ярило поглаживает протонными протуберанцами, отчего по всем рудным жилам жуткие токи пробегают, а заряженная пыль облепляет тебя, превращая в живой мамаев курган. Заденешь ты какой-нибудь невзрачный камушек и вдруг зашарахают молнии, из-за которых публика вокруг превращается в фирменные котлеты по-меркурианski.

А чего стоят старатели? Поедут, например, на пару копать минералы; вернется домой один и начнет байки травить про то,

как попали они в аномальную зону. Дескать, все события там из ряда вон. Чайник на нагревателе студеным остается, кипит же почему-то аквариум с рыбками. Набиваешь ты, допустим, свой "черный ящик", но в пузе по-прежнему голодно и тоскливо, а сытость, стул, понос и прочие последствия еды приходят вместо тебя к твоему товарищу. Даже бывает, садишься на табуретку и бьешься затылком оземь, потому что мебель эта на время меркнет и становится лишь виртуальной. Потом долго разыскиваемая табуретка, побыв в виртуальности, вдруг актуализируется и падает на голову твоего товарища. Ну и не всякая голова выдерживает. Даже если в каске.

Приходится средневековыми методами дознания пользоваться, детектором лжи, снадобьями, что шарахают по синапсам и, само собой, нутряным чутьем, позволяющим четко уяснить, где злой дух полтергейст накуролесил, а где урка пытается лапшу на моих ушах развесить.

Ну ладно, настал черед мне собственную историю плести. Заранее только об одном известить хочу – будет круто.

2

Я – Терентий К123, место слияния родительских гамет, пре– и посленатального взращивания – инкубатор "Мамальфея", Ганимед, префектура Юпитер. Шестнадцати годов натурализован кастой кшатриев (воинов). Обучался и дрессировался в полицейской академии, Бредбериево, префектура Марс. Служил в транспортной полиции префектуры Астероиды, отряд "борзые". Три года тому, как спроважен в префектурную полицию Меркурия – за чрезмерное "оборзение". Дорос до зарубки "лейтенант", но, несмотря на протекцию карьерной машины (это компьютер, который ведет счет моим достижениям), распрямить коленки и сделаться повыше не удается. Приминает меня грузное начальство.

Атавизмов нет. Психопатологии, такие как политическая активность и тяга к абстрактному искусству, не замечены. К проявлениям стадных инстинктов, вроде участия в культовых движениях, требующих высшей справедливости, не склонен. Когда хорошее настроение, то верю, что космос – воплощение высшей разумной воли; выходит, близок я к космотеизму. Генетические модификации: тепловое зрение, электрорецепторы, система выведения радиоактивных изотопов из организма (вместе, пардон, с мочой). Кибернетическая вставка: стандартный черепной биоинтерфейс типа Анима, отвечающий за контроль жизнедеятельности, телеметрию и преобразование мыслеусилий в оптоэлектронные сигналы, понятные техническим системам.

Квартира или, как еще выражаются, жизнесфера, на пятой платформе мобильного города Скиапарелли, столицы префектуры Меркурий. Для невежественных марсиан объясняю популярно – на нашей планете все живое старается двигаться, чтобы не попасть утром на солнышко. (Между закатом и восходом укладывается примерно девять базовых месяцев.) Платформы, на которых разместился город, трогаются в путь три раза за меркурианскую ночь. Таким образом, движимость всего на Меркурии означает отсутствие недвижимости. Кроме того, когда город переползает с места на место, вы частенько падаете с койки и проливаете суп, если же в этот неспокойный период гуляете по улице, то чувствуете себя как вошь на гребешке.

В один из таких "гребешковых" дней мучительно шел я на службу, петляя между помойных бачков, из которых доносилось чье-то унылое чавканье. Вяло подсвечивали путь тепловые панели. Наша меркурианская псевдолуна, та самая солетта, застряла на ремонте, поэтому золотистый колобок не пытался

озарять дорогу сквозь плексигласовое городское небо.

Марсианам поясню: от нашего колобка куда больше толку, чем от ваших Фобосов с Деймосами. Псевдолуна – это растаявшая комета, покрытая диамантоидной пленкой, которая удерживает жидкость от расплескивания и заодно отражает солнечные лучи нам, простым скиапарелльцам, не избалованным загаром. Правда, бывает, что вода, прорвавшись из-за сильной конвекции или метеоритного удара, ледяным болидом шлепается на меркурианские головы. Говорят, в глубине этого летучего аквариума скрываются гидромутанты (человекорыбы – потомки строителей солетты), которые умеют метать большую красную икру.

Мой трудодень начался с битвы двух разновидностей скиапарелльских мутантов. Случилось это в центре сомнительных увеселений по имени "Свободу мутным", неподалеку от мусорозавода, где муташки зарабатывают себе на пропитание и пропивание. Для затравки отличилась одна мелкая ворюга – оразумленная помесь обезьяны с крысой, так называемая «карманная сволочь». Тварь юркая резкая и наркоманствующая. Полазала она по котомкам честных тружеников и высосала все запасы водки гемоглобиновки. Безвинно пострадавшие муташки надышались с горя аккумуляторной жидкости и пошли стенка на стенку на другую группу, которая перекололась от какого-то своего горя токсином ботулизма.

Взял я всю смену ОПОНа, десять ментов, построил их в шеренгу, поприветствовал: "Всем недоброго утречка". И стройной колонной направил на место происшествия. Там аж двести монстров мочат друг друга – в кабаке и на прилегающих улочках. Из-за пониженной силы тяжести туши летают, бьются об стекла и стены, как шмели.

Ну, что остается? Ать-два и вперед. И колонна шагнула в это месиво. Мои баллоны с отравляющими и прованивающими газами сразу были оторваны. Помню, еще на руки посмотрел – остались ли в суставах. И ментов своих я вскоре перестал различать. Электрошоковую дубинку размочалили об мою же спину – только антисиловой жилет спас от шока, комы и размозжения костей. Несмотря на все, рекомендую эту жилетку, она ладненькая: титановые пружинки толщиной в несколько атомов запечены в силиконовый поролон.

Затем я несколько раз взлетал вместе с мухами вверх и шмякался оземь, как кокосовый орех с пальмы. Когда я рухнул окончательно, монстры-слонопотамы стали меня радостно утаптывать. Жилет уже плохо помогал от побоев, приближался торжественный момент размазывания лейтенанта по мостовой,

еще немного – и удалось бы спасти одни сапоги. (Их затем бы торжественно с салютом и оркестром похоронили в лавке вторсырья.)

Да вдруг в эту петрушку угодило не с того ни с сего пяток фемок, PFM (progressive female-mutant), которым такие гены в инкубаторе добавляют, что делаются они плоские, мужененавистницы, фригидины и какие-то жуткие. Не внешне, конечно. Рожицы и фигурки у них как раз аккуратные. Они тетки жуткие по своим умениям, которые сродни знаменитым меркурианским полтергейстам.

Кто-то из муташек, перебравших токсина ботулизма, завидев эту самую PFM, затрубил, что у него гондурас зачесался на фемские прелести и он их немедля испробует. Едва мутный потянулся к прогресс-деве своими граблями, как, ни с того ни с сего возникло четверо ее товарок. Похоже, из пневмопровода или канализации выскочили, внезапно, как выигрыш в лотерее. Не сгрудились фемки, а встали в некую комбинацию и пошли косить вражескую толпу. Эти девки так принялись кружиться, что бить их всегда было не с руки – они или с левого бока или сзади. Что самое интересное – фемки-то никого конкретно не лупили, не напирали, скорее даже уклонялись. Однако муташки словно подставлялись под удар и выстраивались так, что валились и укатывались кучей.

Остальные мутанты, заметив поверженных своих коллег, скопом – без деления на ботулистов и аккумуляторщиков – рванулись мстить фемкам. Впрочем, от этого только возникла свалка и давка, а прогресс-девки расчистили себе тропу, скосив всех противодействующих, и организованно покинули сцену в неизвестном направлении.

После чего дерущиеся морально-психологически поникли, пустив слюни и сопли, дали себя разогнать и даже частично загрузить в арестантские фургоны. Кряхтя от полученных побоев, но глядя орлом, я вернулся в контору. Едва собрался в баню, размягчить радиоизотопным паром синяки и шишки, однако известие нехорошее из штаб-квартиры концерна «Комбинация» меня застопорило. Пропал без следа и вести член их совета директоров, некто Медб К845.

Видеозапись зафиксировала в его апартаментах некий вихрь, секундное дело, раз и нет, и вместе с ним исчез директор.

Эксперты, приехавшие со мной на место злоключения, анализировали эту улику со всех сторон. Получалось, что вихрь имел источник сильной гравитации где-то внутри. Впрочем, на память от улики лишь слабая ионизация воздуха.

– У меня впечатление создалось, – признался мне один из

экспертов в старомодных очёчках на крючковатом носике, – что произошел маленький коллапс пространства-времени.

Но впечатление впечатлением, а мне полагается организационные меры принять, соответствующие данному моменту.

Опросил я возможных свидетелей, проверил движение транспортных средств – вроде все чисто, никого в ковре не выносили. Зашел директор после обеда в свои апартаменты и будто испарился – окон там нет, через единственную дверь вообще никто не выходил. Ну, просто Бермудский треугольник в одной отдельно взятой квартире. Единственная зацепка – на потолке и стенах остались вмятины с контурами человека, будто директора швыряло и подбрасывало.

Надо было разбираться с тем, кому этот самый директор был выгоден, кому невыгоден, кого обидел, надул, задел своим руководством. Но тут комбинашки стали показывать мне на дверь. Ясно, что Служба Безопасности концерна использовала меня в качестве клерка-регистратора, и «давай – до свиданья». Дальше они сами в узкосемейном кругу разбираться будут. Оно и понятно, «Комбинация» – контора таинственная, с капиталом ещё от земных вампиров-ротшильдов. Концерн этот первым занялся добычей и переработкой меркурианских минералов, разросся, разжирел уже лет двадцать назад.

Но потом люди из центрального управления расследований (ЦУР) – только цурипопикам и удалось внедриться в «Комбинацию» – разоблачили концерн до полной срамоты. Выяснилось, что его менеджеры – сплошь кибернаркоманы, приватизируют в свой карман доходы, прибыль выводят на оффшорные астероиды, не платят налоги. В общем, кого надо прижали с треском к ногтю. Больше того, в противовес «Комбинации» была запущена на Меркурий корпорация «Мираж», основанная знаменитым венчурным капиталистом Симом Симсоном – он до сих пор ею управляет, ведь нейрональные связи его мозга были оцифрованы незадолго до его кончины и превращены в ИскИн. Только вот «Мираж» и «Комбинация» не стали цивилизованно соревноваться, а занялись нескончаемой чередой сговоров и разборок. В «Мираж» пролезли агенты «Комбинации», в потемках «Комбинации» завелись шпионы «Миража». Потом разведчиков-лазутчиков перевербовывали и переперевербовывали, отчего они, в конце концов, переставали соображать, на кого работают.

Эти агенты постоянно кого-то кончали, мочили, гасили. Не всегда того, кого надо, но очень квалифицированно – с помощью квазиживого галстука-самодава, сосиски запрограммированной

на взрыв в желудке, дрессированных вирусов или настольной лампы гамма-излучения. Потом правительству, то бишь, Совету Генеральных Уполномоченных, это всё надоело и оно подняло шлагбаум для старательских артелей, которые стали расторопно уводить самые лакомые кусочки из-под носов увальней-гигантов. Тогда к тихим «кабинетным» ликвидациям добавился яркий разговор на языке плазмобоев и лазерных резаков. Наконец, этот слишком густой коктейль был разбавлен префектурными органами власти, которые стали исполнять партию ингибитора.

Не успел я как следует обнюхать место умыкания директора и едва уложил в пакетик осколки с потолка, как меня уже стали выпроваживать – конечно, стилем, принятым в приличных домах, без пинков в зад. Униженный, но не оскорбленный, я отбыл в управление полиции, где собрался заняться электронным сыском, однако...

Из долины Вечного Отдыха (ее раньше по научному звали долина Симеиз) с прииска, принадлежащего «Миражу», пробилась через спутниковый ретранслятор дурная весть. На караван тягачей, тянущих в Скиапарелли гафниевую руду с того самого прииска, налетели гангстеры-разбойники в юрких старательских вездеходах и увели прицепы с ценным минералом. Все водители и охранники стали бледными трупами с дырками посреди. А случился разбой в той самой долине на пол ста километров южнее прииска. В этой местности лишь старательские кибитки кочуют – считай, что Дикая Степь и Гуляй-Поле. Такие вот нерадостные сведения мне передал начальник отдела по борьбе с разбоями, майор В. Зубов, то есть мой командир.

– Бери, – приказал он мне, – ОПОН, дюжину голов, и дуй туда на трех вездеходах.

– У нас же планетолеты есть, которыми можно и на разведку слетать, и всю группу в долину забросить.

– Уже слетали, сверху ничего не видно. Там повертеться надо, посовать нос, а вездеходы с помощью планетолетов мы забрасывать туда не будем, слишком жирно.

Он протянул мне список моих соратников.

– Кого вы мне, шеф, даете? Вот именно, дюжина «голов», тут все с помятым телом и отбитыми мозгами. Потоптали их в последней драке. Им сейчас в попу клизму, в рот манную кашу, а не в поход.

– Ты людьми не разбрасывайся, Терентий. Из инкубаторов никого лучше не присылают. Однако, даже ты до лейтенанта дослужился. Знаю я вашего папу – это техник-онанист, который в «Мамальфее» заведует холодильниками со спермяками.

Все ясно. Дело с разбоем в долине – темное и жареным

пахнет. А номерки – это, в первую очередь, расходный материал.

– Когда?

– Час на сборы и отправка с пятого ангара.

Собирался я с резвостью воробья, выклевывающего зернышки еды из конской какашки, поэтому полчаса у меня в заначке осталось. Хотел было немного оттянуться напоследок с помощью какой-нибудь кайфовой виртуалки, вроде «Козла в огороде». Уже залез в двигательный имитатор. Но задумался.

Из «Комбинации» я убежал, поджав хвост, со смиренным скулежом. Но что тогда делать со своими понятиями о чести? Ведь мамальфейцы, как и прочие порождения Ганимеда, никогда не сдаются. Так принято считать, по крайней мере.

И тогда я разбудил свою кибернетическую оболочку, Терешку Малого, который возник на экранах хайратника так близко от сетчатки глаза, что показался совсем живым. Мы с ним вместе росли, вместе в Академии учились, так сказать, за одной партой, вместе расследованиями занимались. После Великой Санации, когда кибероболочки были лишены самостоятельности и права командовать, многие отказались от возни с ними, да и стерли их, ну, а я привык к Терешке Малому, как к щенку. Или брату. Или всё-таки щенку.

Ну, и полетели мы вместе с Терешкой по кибернетическим каналам. Он умело парил над информационными просторами и ландшафтами данных. Проносились по светящимся коммуникационным магистралям, через ажурные порталы интерфейсов, пронизывали пирамиды данных, типов и классов, пролетали над энтропийными болотами устаревших программ. «Комбинация» предстала этакой неприступной крепостью, но Терешка высмотрел щель, в которую мы протиснулись и угодили прямо в файлы персоналий, напоминающие клубки медлительных змей. Они защищались от хака, шипели и пытались укусить. Но Терешка схватил одну из них за хвост, выхватил из клубка и стал выдавливать из нее информацию.

Вот они, сведения на пропавшего Медб К845. Последние три месяца зарплату директору не выдавали, лишь пособие по болезни. Дальше больше, оказывается, целые полгода валялся означенный директор в больничной капсуле с каким-то воспалением мозга. А потом пошла информация, что уже год как кантовался он на пенсии, являясь лишь консультантом, а звание директор, стало быть, имело смысл почетного титула. Кто-то меняет данные прямо на лету.

Тут забибикал будильник, настоящий, антикварный, значит, мне пора в ангар. Можно быть уверенным, что когда вернусь обратно в Скиапарелли (если вернусь в достаточно свежем виде),

Медб К845 информационно прекратит существовать или окажется в числе полумифических отцов-основателей концерна «Комбинация». У нас в полиции этот дикий процесс называется «стиркой». Но я не мог поручить Терешке Малому слежку и самостоятельную фиксацию событий – если он попадется за этим делом, то согласно закону о Санации его самого сотрут, а мне сунут срок.

Я, конечно, перед ангаром заглянул к В. Зубову, начал ворковать про «стирку», но он только порадовался этому и, облаяв меня по-собачьи, обвыв по-волчьи да обкаркав по-птичьи, велел скрыться с глаз.

Что ж. Скафандр на мне, поверх его антисиловой жилет для противодействия в разумных пределах буйной кинетике, вредному лучу и разгулявшейся плазме. Хайратник как всегда украшает драгоценным венцом мою тыкву. В нем заканчиваются визуальные и слуховые каналы от всяких локаторов. С ним я знаю, что делается впереди и сзади, сверху и снизу, куда идти и куда стрелять. Правда, все знания лежат в пределах проникающих способностей аппаратуры слежения. Анима успокоительно вещает, что пока с составом крови все более-менее, железы внутренней секреции знают меру, АТФки хватает и иммунный ответ адекватный.

Впрочем, при всех этих дружках-аппаратах, в пылевой подушке, окутывающей нашу родную меркурщину, остаешься как бы наедине с самим собой. Радиоволны не всегда ее пронизывают, ведь вихрят и пучат эту суку заряженную ветры электрические да магнитные. Атмосфера молчания очень угнетает, особенно когда под ногами почва бесится в солнечный отлив. Поэтому, если свершится с нами в походе что-то препротивное, управление полиции узнает про это и опубликует официальный некролог («опять ушли от нас лучшие»), когда мы уже благополучно испаримся на солнечной стороне планеты. Вернее, сублимируемся во вполне питательный порошок – останется только развести нас в воде и добавить соли по вкусу.

Выбралось из ангара на меркурианскую землю три жуковидных вездехода с широкими-колесами – почва-то зело поганая, трухлявая и скользкая из-за того, что нагазирована гелием. Поэтому, если желаешь гулять пешком, надевай большие мокроступы. А у терминатора мать-земля становится коварна, как змея. Там много озер расплавленного свинца, слегка прикрытых корочками, бултыхающимися с боку на бок, как завещал великий Бенар. Долина Вечного Отдыха, между прочим, пришла с солнечной стороны всего месяц назад.

Половина маршрута проходила по плоскогорью Большая

Задница, которая действительно состояла из двух выпуклых половинок с расщелиной посредине.

Место-то вроде безопасное. Относительно безопасное – это самый большой комплимент для меркурианского места. Я восседал в средней машине, как и полагается командиру. Правым оком наблюдал за индикаторами работы бортовых систем, которые строили голубые, зеленые, карие глазки. Заодно смотрел тоскливые передачи, показываемые мониторами наружного обзора – за бортом вездехода было совсем неинтересно. Левой же зеницей участвовал в спасении принцессы, то бишь торчал от наркомпьютерного мультика.

Не обошлось, правда, без момента неопределенности, когда мы пересекли ту самую канавку, без которой имени Большая Задница не существовало бы вовсе. Тут и мониторы наблюдения, и навигационные приборы зарябили-заколбасили. А показания лага-счислителя пути стали отличаться от данных ориентирования по карте сразу на десяток километров.

Ну, ладно – это, считай, Меркурий зевнул. Едем дальше, от забортного пейзажа сладостная дремота одолевает, и вдруг вездеход затрясло, забросало с бока на бок.

– Выпускайте «плавники», – гаркнул я всем машинам. И насосы на каждом вездеходе быстренько отжали четыре стабилизатора с большими ластами на концах. – Мухин, ты у нас ветеран и предпенсионер. Откуда сейчас солнечный отлив, если ему далеко не время?

– Может, это гравитационная волна? – предполагает сержант Мухин К765 (в инкубаторах частенько в поисках оригинального идентификатора путают имя с фамилией).

– Грамотный ответ. Это ты какому-нибудь марсианину порасскажи.

Тут перестала поступать телеметрия от первой машины. Никаких там сигналов тревоги, криков, просто – раз и отрубило. Я мигом нырнул в скафандр, затем в шлюз и на мокроступах почесал к переднему вездеходу. А переднего-то и нет. То есть, сочного томатного цвета отливка – всё, что осталось на память.

Четверым парням – моментальный карачун, мне грусть-тоска, а еще объяснительную надо мучительно сочинять для начальства. Напишу, наверное, что залетел сюда мощный электромагнитный вихрь с Солнца, навеял э.д.с. индукции в рудную жилу, и как наполз вездеход на нее брюхом, случился пробойный разряд плюс разогрев токами Фуко.

Ну, хорошо, а керамика под днищем толщиной в ладонь – на что? Но может ее расколошматило? Тут же всё время такая трясучка. Или, может, разряд случился какой-то нестандартный?..

Эх, на мое место какого-нибудь академика завалящего – было бы ему раздолье нести околесицу...

А мне бы для начала вернуться назад. Расстояния до второго вездехода было двадцать метров, но я отсчитал все тридцать шагов и ничего не нашел. Когда ж успела испариться командирская машина с бортовым номером 20321? Мать мою Мамальфею за ногу – никаких вмятин на грунте, одна первородная труха. А, чуть не забыл – следы своих геройских мокроступов я тоже перестал различать. Но позвольте.

Заторопился я дальше, туда, где должен стоять третий вездеход. И опять пусто. Борт номер 81015 словно подвергся сухой возгонке. Плюс местность совершенно неузнаваемая, также как мордашки серийно клонированных шлюшек из потемок Афродизианска. Поземка, что ли, все выровняла? Какая к бесу поземка, даже уборщица со шваброй не смог бы так чисто замести. Пожалуй, у местности нет общего рисунка, она словно выложена из одинаковых квадратиков. Словно там и сям стоят зеркала и плодят отражения. Похоже, влип я в аномалию...

"Словно", "что ли", "похоже" и прочие вероятия, от которых сейчас только тошнит. А если без них, напрямки, если все как есть? В этом случае жизнь моя закончится полным поражением через пару часов. Да, прокладка у скафандра знатная – органическая, квазиживая, заботится о постоянной температуре, будто ей самой это надо. Впрочем, ей самой по воле изобретателей, это тоже требуется. Заодно она газы и, пардон, жидкости поглощает, вернее питается ими. В общем, мы с ней кооперируемся, взаимно удовлетворяя потребности.

Однако большую нужду в скафандре справлять запрещено, режим благоприятствования разве что поносу обеспечен. И замороженного кислорода у меня всего одна плитка, кто же знал, что надо запасаться.

Попробовал связаться со спутником-ретранслятором. И удалось, удалось! В. Зубов на связи... Но плохой, вредный В. Зубов. Он как будто бормочет чепуху спросонья. Родной начальник говорит, что никого он в Долину Вечного Отдыха не посылал и зачем такой-сякой разыгрываешь его без нужды!

После чего советует связаться с аварийной службой и отключается. Если это не происки предателя В. Зубова и не бред В. Зубова-наркомана, тогда надо признаться, что эфир занял В. Зубов не первой свежести, бесполезный, как будто двухдневной давности.

Включил я аварийный маячок и собрался помирать именно так, как давно уже спланировал.

Фильтр-насос начинает подсасывать из меркушиной

атмосферы инертные газы, постепенно замещая убывающий процент кислорода – так, чтобы в один, надеюсь, прекрасный момент, мой дыхательный центр просто отключился. Анима же потихоньку творит «отходную», то есть стимулирует выпуск внутренних морфинов, от которых наступает предсмертный кайф.

Потом я перестал понимать, это мультик или мое затухающее воображение рисует само. Да только я с некой принцессой Амалией отправился верхом на больших золотистых стафилококках в далекий северный край, где большой, размером с полюс, простуженный колдун распускает на всю планету разумные ядовитые сопли. А потом они меня обложили со всех сторон и стали… Меня не стошнило лишь оттого, что принялся кто-то по моим щекам лупить. Тьфу, вовремя предсмертный бред оборвался.

Нашел себя уже внутри вездехода. Надо мной склонялся Мухин, жующий пенистую жвачку. Изо рта его стайками выскакивали пузырьки. Всегда запрещаю ему это делать, потому что противно.

– Слушай, Мухин, ты, во-первых, сполосни руки, прежде чем кого-то бить, а то жирные. Во-вторых, воли конечностям не давай, поскольку я твой вполне легитимный командир. В-третьих, где вы меня нашли и почему не торопились?

– Мы тебя и не искали, командир. В котелок, оставшийся от первого вездехода, лазали, но там только выпаренные наши ребята. Потом какой-то вихрь заметили. А когда разворачиваться стали, чуть на тебя не наехали. Твое тело безмолвное ровно на месте этой крутящейся дрисни и лежало. Мы все на колени попадали от благоговения.

Что из этого следует. Что я исчез, но ожил. Может, этот вихрь меня расчленил, а затем снова слепил? А если при этом пара деталей стала лишней или наоборот появилось что-то новенькое. Тот ли я, что был ранее? Могу ли я теперь доверять самому себе? Постойте, но и Медб К845 тоже исчез в похожем вихре.

Потрясения долго пережевываются, если жизнь в целом спокойная. А на беспокойном Меркурии одно и то же переживание долго жевать не придется.

Впрочем, планетка Меркурий – вредная, но маленькая. Потому на следующий день мы уже вклинились в Долину Вечного Отдыха с севера, въехали туда, где мало кто знаком с хорошими манерами. Здесь справа и слева по борту частенько оставались старатели с их кибитками. С их гнутыми и грязными добывающими установками, всякими там бурами, экскаваторами и прочими замурзанными ковырялками, на которые тошно смотреть. Эти ребята поторопились сюда, едва долина выскочила

с солнечной стороны, а уж за ними вынуждена была поспешить компания «Мираж». Немногие старатели пользовались для получения энергии ядерными твердотопливными установками с двойным контуром, у большинства – неприличные одноконтурные реакторы с газовой активной зоной и турбиной прямого действия. Поэтому, то там, то сям вырывался ледяным гейзером урановый пар избыточного давления.

Так что радиация здесь имелась – будь нездоров. Впрочем, не было тут слизняков с Земли, что от каждого лишнего нейтрона обделываются со страху. Здесь одни лишь крепкие ребята, которые, справляя малую нужду, всю радиацию из себя выводят.

А еще у них всех имелись плазмобои размером с трехфунтовую пушку. Нелицензионные, конечно. Но чтобы наложить штраф, надо отнять у нарушителя пушку и добраться с ней до Скиапарелли. Причем, в живом виде. Сами понимаете, местная публика не была расположена к задушевным беседам с неприятными людьми вроде нас.

Потом мы наткнулись на одного типа, которого местные признавали шерифом. Физиономия так называемого шерифа мне показалась знакомой, не пришлось даже его персон-карту в идентификатор запускать. Анима растормошила лежалые пласты длинномолекулярной памяти где-то в подкорке, и я всё вспомнил.

У нас в Скиапарелли этот толстозадый в каталажке посидел за «тягу к справедливости» – запускал социально-активные пузыри с управляемой пленкой поверхностного натяжения, которые, пока летели, звуковыми волнами костерили крупные концерны, обирающие мелких старателей. Анискин Т890 из касты техников.

Первым делом он нам заявил, что его интересуют только разборки между старателями, а на караваны с гафнием от «Миража» ему плевать. Пришлось обложить его со всех сторон. Замерили мощность его реактора – выше допустимой. Схема радиационной защиты нестандартная и нелицензионная. Умелец Мухин еще подбросил Анискину пару наркомультяшек запрещенных – в общем, взяли мы толстяка за рога.

– Если хочешь по-прежнему рыться в здешнем мусоре и гордиться своим шерифством, а по праздникам спускать деньги в Афродизианске, то стоит тебе с нами посотрудничать, Анискин. Ведь ты тоже своего рода полицейский.

Пухляк пожевал слюни и стал понемногу откровенничать. Мол, власть у него минимальнее некуда – следить, чтоб снабжение и запчасти не расхищались, чтобы старатели не лазали на чужие участки и не дрались, а если подерутся и убьют, то должен он превращать народную расправу в нормальное

судилище. Так что хлопот ему и так хватает. А если кто занимается бандитизмом, то это – уголовники, у них свой авторитет имеется, пахан Долины Вечного Отдыха, все зовут его Бугор, подлинный идентификатор неизвестен. В паханы же попадает тот, кто больше всего душ загубил и меньше всего намотал срока за это.

– Сведи меня с этим авторитетом, Анискин, надо с ним посудачить, коли уж от тебя толку никакого.

– Без меня обойдетесь. Я и так неприятности от общения с вами поимею.

– Ты какой крутой парень на вид, шкаф натуральный, а на самом деле ссыкун. Мы-то обойдемся, только неприятности будешь от нас иметь. Мы тебе их устроим, мало не покажется. Согласно законодательству никаких шерифов не существует, есть только добровольные помощники полиции, а ты среди таких не зарегистрирован. Промаринуем тебя весь добывающий сезон в тюряге, выйдешь оттуда, гол как сокол, и почтешь за честь на мусороперерабатывающий завод поступить. Придется там в помоях ковыряться, выискивая полезные молекулы, до конца твоей забубенной жизни.

В общем, приперли мы его, сел он, злой, на свой трактор и поехал договариваться с паханом. Изрядно его прождали, в гладиаторский бой в виртуалке так наигрались, что доели все оставшиеся шоколадные батончики, сделанные из говна на том самом заводе. Наконец, возвращается шериф и докладывает.

– Он тебя встретит, лейтенант. В своем логове у Братской Могилы… велел передать, чтобы ты один к нему явился, без своих солдатиков. Иначе, никому из вас до дома не доберется. И никто в Скиапарелли по вам убиваться не станет.

– Последняя фраза твоя или его?

– Это жизнь сказала, лейтенант.

– Ладно, один поеду. Но если не вернусь, мои ребята тут всех в кандалы запакуют и отправят на пердячем паре пешком в Скиапарелли. И тебя первого.

Да, последняя фраза прозвучала внушительно, однако мне представился хороший шанс заработать дырочку во лбу, стать чьим-то призом и суммой очков. Приятно, если не успею даже и охнуть. А если лишь скафандр порвется? Тогда глаза вылезут на лоб вполне буквально.

Взял я в руки плазмобой, взвесил на руке – в обойме сорок боезарядов из металлического водорода, которые превратятся в снопы плазмы. На пояс повесил кобуру, туда сунул сквизер, тот самый, что человека превращает нейтронным пучком в квашню, на спину гразер пристроил, который неласковым гамма-

излучением переводит любого меркурианца в свет и тепло. А за сапог сунул лазерный резак для быстрого превращения супостата в нарезанную колбасу. На шлеме закрепил ракетную установочку для пуляния ракет, наводящихся на тепло, свет, дыхание и выделение.

Пахан обитал на высоком месте, рядом с кибиткой жизнеобеспечения валялись обломки какой-то добывающей техники. Зато глиссер и вездеход были глянцево-новенькие, хорошей конструкции. А так называемый шериф, Анискин этот толстозадый, срочно развернулся у границ усадьбы и принялся накручивать спидометр обратно. Я оставил свой трактор чуть поодаль от кибитки – вдруг тут заминировано – стал обходить её и вдруг почувствовал напряжение в затылочной кости. Потом понял – тот сзади. Но оборачиваться было поздно. Как я так опростоволосился? Да, не зря он удостоен паханского звания.

– Правильно ты подумал, – послышался гнусавый голос в наушниках, – скидай весь свой арсенал. – Вряд ли он тебе еще понадобится.

Ну что ж, слушаю и повинуюсь, в противном случае шансов пообщаться вообще не останется.

– Кто такой? – гаркнули мне в уши.

– Неужто не догадываешься, Бугор? Представитель власти я. Лейтенант полиции из Скиапарелли, Терентий К123. За посягновение на жизнь и здоровье – расстрел двадцать раз подряд.

– Расстрел соленым огурцом. Знаешь, сколько я уже закопал в меркурианский мусор этих сраных представителей власти. И ничего, сам не кашляю. Ладно, мусор, пошли в дом.

– Уютно тут у тебя, не похоже на логовище злодея. – Внутри действительно было все чисто и справно как у какого-нибудь марсианского лавочника. Ни хабариков, приклеенных к потолку, ни пустой стеклотары из-под спиртного, как у паханов прежних времен. Ясно, что здесь авторитет меня грохать не будет, поэтому можно расслабиться.

Хозяин плеснул отдающей гелием шипучки и мне, и себе, не забывая удерживать мой живот в поле зрения своего бластера. А когда алкогольные пузырьки зароились у меня в башке, он поинтересовался:

– Чего ищешь, легавый, с шустротой достойной лучшего применения?

– Тех, кто раскурочил караван «Миража» на твоей, кстати, охотничьей территории.

– А ты, Терентий Инкубаторович, лучше бы не лез не свое дело. Побродил бы здесь для приличия, написал бы рапорт – и в

кассу за зарплатой.

– Ты меня не за того принимаешь, Бугор. Я из «кротов», то есть копаю, пока живу.

– Пока живешь. Ведь это можно поправить.

И тут поправку сделал я. Мы сидели друг напротив друга. Иного выхода не было, да и похоже пахан давно зазнался. Ударил его каблуком по волосатому торсу, прямо под косточку, ту, что посередке. Я применил силу после того, как немного выдвинулся вперед на стуле и понял, что дотянусь до оппонента в рывке с места – если крепко ухвачусь руками за сидение. А вторым каблуком сыграл по его запястью, чтоб не захотелось ему воспользоваться пушчонкой. Потом подпрыгнул и сверху запаял торцом кулака в низкий лоб – блатной прием, но безотказный, если попасть. Пахан загремел назад, еще попробовал вскочить, но крепким апперкотом я свалил его с подметок. Затем поставил свой ботинок ему на волосатый кадык. Не пытки ради, а чтобы не пробовал больше гарцевать.

– Покажи-ка ручки, Бугор, – он повиновался, я же быстренько соединил его кисть с радиатором кондиционера хорошими титановыми наручниками. – Теперь ты весь вечер танцуешь с этим радиатором.

Тут какая-то бестия попыталась мне прыгнуть на холку, да только я успел встретить ее локтем, перехватил рукой и шмякнул об стенку. Это кибернетика на меня напала, киберкрыса с зубами из нержавейки и мышцами из электрорезины. Едва стихло возмущенное верещанье, из шкафа полезла какая-то буйно-патлатая голова, которую я чуть не оторвал. Однако, вовремя сообразил, что со мной хочет познакомится роботесса типа «баба-раба».

– Ты звал меня, господин? – томным, но заинтересованным голосом спросила она. – Какую из сорока известных мне позиций должна занять я, твоя раба?

– Сорок первую, закройся, – гаркнул я. – Это самая лучшая позиция для тебя вместе с твоим сраным господином.

Она спряталась с недовольным ворчанием: «Я все-таки машина высокого уровня для интеллектуальных, нормальных, анальных и орогенитальных сношений».

Бластер не годится для тонкой работы, поэтому я сходил в шлюз за сквизером, где оставил его хозяин, ныне ставший столь любезным.

– Так вот, Бугор, отбросить каблуки ты, наверное, не боишься. Но я поступлю не так, как ты хочешь. Я превращу всё, что у тебя ниже пояса, в сопли, а затем покину навсегда. И ты увидишь, как обойдутся с тобой даже твои приспешники.

– Не по закону, гражданин начальник, – прохрипел пахан.

– Ладно. Я запрограммирую твою бабу-рабу на то, чтоб она интенсивно любила тебя до полного истощения аккумулятора. В общем, выбирай. Или любовь до гроба, или ты срочно делаешься простодушным, как младенец. И внушаешь себе, что лейтенант полиции – это главный друг человека.

Я достал "трубку гласности" и навел ее на зрачок пахана.

– Если соврешь хоть единой буквой, Бугор, я это замечу по состоянию твоего бесстыжего глаза.

Пахан после упоминания о любви до гроба явно занервничал.

– Какие-то крысятники застопорили караван, а ты шьешь это дело мне. Нехорошо, начальник, – грубо, но послушно стал изъясняться авторитет.

– Какие крысятники? Ты и твои шестерки – все подряд разбойники, бесстыжие морды. Кому еще было выгодно грабануть караван и потом загнать гафний скупщикам краденого – не вам ли?

– Кому это было выгодно и кому не было... Да мои пацаны – невинные детки по сравнению с теми уродами, которые работают на «Мираж» и «Комбинацию», по сравнению с этими прогресс-девками, с муташками... Сидишь там в Скиапарелли, задом стул обогреваешь, кабаки обхаживаешь и считаешь, что знаешь планетку. Не знаешь ты планетки-то, лейтенант.

– Господин товарищ лейтенант, так надо обращаться. Давай не будем обсуждать мои знания, Бугор. Мы все учились понемногу, – я стал облупливать стенку сквизером, делая контур вокруг скованного разбойника. – Твои пацаны – нормальные воры, с каких это пор они стали брезговать гоп-стопом на большой дороге?

– У меня толковые ребята, они имеют ровно столько масла в котелке, чтобы не связываться с «Миражом». Есть тут несколько фраеров – не мои они, понял. Вот они кем-то были науськаны грабануть караван. Кем – непонятно. Сам хотел докопаться, но двое из этой кодлы смылись невесть куда, еще трое отбросили мокроступы один за другим – людям вдруг не повезло. А еще один... – пахан замялся, сообразив, что слишком резво раскалывается.

– Где он? Давай уж общаться красиво, Бугор. Я в отличие от тебя не испытываю удовольствия, играя на человеке как на пианино, но долг перед юриспруденцией люблю выполнять любой ценой.

– Тьфу на тебя, мусор, то есть господин товарищ лейтенант…. Это полный отморозок. Неподалеку от терминатора валандается. Если свернешь отсюда на запад, проедешь ущельем Дикого

Брокера, потом через пылевое озеро, и по дороге Харона – приметишь ее по вдавленности в грунт – попадешь к нему в гости. То местечко лишь три дня как с солнечной стороны приплыло. Рисковые старатели любят напрыгнуть на горяченькое – там "бабки" под ногами лежат. Но и ошпарить задницу тоже можно.

Зрачок указывал на правдивость. Я стал собираться.

– Постой, легаш. Зачем обижаешь? Наручники как же?

– На-ка, – я швырнул ему напильник. – Довериться я тебе не имею права, поскольку ты человек без морального облика. Но к тому времени, когда я удалюсь от тебя на приличную дистанцию, ты успеешь перегрызть то, что мешает тебе жить по-новому.

Потом я выпустил из шкафа роботессу и ввел коротенькую программу через сенсорную клавиатурку, которая у ней имелась на ягодице.

– Чтобы меня не обвиняли в ущемлении прав заключенных, она будет тебя любить весь день без перерыва на обед. Сейчас благодарить не надо, но с этим секс-марафоном я тебя, считай, пристроил в книгу Гиннесса.

– С огнем играешь, – рявкнул пахан.

– Огонь сейчас в глазах у твоей дамочки.

Я оставил собеседника в позе рабочего-многостаночника, которому надо перевыполнить план на трех станках. Подобрал все оружие и поехал к своим. И вовремя приехал, потому что они уже собрались загнать старателям запасную турбину и парочку, как им показалось, лишних аккумуляторов, взамен же получить какой-то веселящий газ. Я продавцов с покупателями шуганул и погнал свой ОПОН на поиски того самого отморозка.

Терминатор уже сиял на горизонте золотыми волосами, когда мы поперлись через пылевое озеро в режиме глиссады, переходящей в борьбу за живучесть. Гелий пузырился и всходил бульбами, как будто в глубине что-то взрывалось.

– Бульба слева...

– Зыбь справа...

– Тонем... всю эту срань к звезде... – и в самом деле ведомый вездеход, колыхнувшись на пыльных волнах, вдруг нырнул носом, как линкор, получивший три торпеды.

Я заголосил, сгорая от адреналина.

– Трави трос!

Хорошо хоть шли в связке. Где-то на глубине в тридцать метров вездеход утопать перестал. Слабину у троса выбрали, стали в перетягивание играть с пылевым омутом, но вытащить утопленника не получалось. Видно застрял промеж глыб. Еще немного и лопнет связка, тогда ребятам там внизу – верная хана. Пожалел я их, заодно, свою репутацию, дал команду расстаться с

трактором и в спасательной капсуле по тросу выверчиваться наверх.

Вывернулись, молодцы. Ну, и, конечно, влезли все в наш вездеход, в котором началась борьба за немногочисленные молекулы кислорода.

– Пора бы кому-нибудь пореже дышать, – предложил угрюмый Мухин.

– А кому-то реже попукивать, – огрызнулся один из гостей, – это не лучший способ для вентиляции помещения.

К тому же я замечаю, что и запасов еды на всех не хватит, придется пользоваться унитазом полного цикла, который фекалии превращает обратно в калорийную пищу, похожую на школьный завтрак. Да, тот самый, пюре с сосиской.

За озером обстановка стала еще более напряженной. Вот мы путешествуем по свежей покрытой трещинами запеканке, а внизу плещется свинцовая лава. Куски корочки плавают, бултыхаются и кренятся со стороны на сторону в такт подземным течениям расплавленного металла. Ой, как не хочется в плавильный тигель смайнать.

Но борткомпьютер худо-бедно следил за колебаниями зыбкой почвы и предупреждал, что вот-вот мы должны перевернуться. Правда, в последний момент, когда выруливать уже поздно. Однако расторопный Мухин выпускал на совсем худой конец гидравлические подпорки, похожие на гусиные лапы. Они отчаянно цеплялись за края плавающих глыб, отчего вездеход напоминал зверька, потешно сражающегося за свою непутевую жизнь. А потом мы заметили, что в этой канители участвует еще одна личность. Сквозь беспокойную пыль прорисовались смутные очертания трактора и даже пневмососала. Кибитку жизнедеятельности разглядеть не удавалось, похоже, она была спрятана где-то в более пользительном для здоровья месте.

– Должно быть это наш очевидец, давай туда, – скомандовал я Мухину, сидящему за пультом управления. И сержант резво стал орудовать приводами на все восемь колес. Он один из немногих, кто может управляться всем хозяйством с помощью мыслеусилий через Аниму.

Очевидцу, однако, наше присутствие показалось назойливым, он забрался в свой трактор и, бросив остальное барахло, стал удирать по свежей почвенной коре. Увлекательная получилась погоня – от переспертого воздуха кровь в ушах заколотилась. Фильтры не справлялись с выхлопными газами человеческих организмов, но кондиционеру нельзя было лишнюю энергию отдать. А Мухин такое выкаблучивал, то колесами, то газовой подушкой, то "гусиными лапками"! Потом я заметил, что

отморозок недвусмысленно гнет в одну сторону, как будто заводит нас куда-то, и даже иногда притормаживает, чтоб мы не слишком большие крюки на виражах давали.

– Мухин, не старайся идти за ним нос к заду, – распорядился я. – Кажется, он в полынью нас заманивает.

Сержант сдал в сторону, а отморозок, который хотел нас в ловушку упечь, видно перестарался и, самого себя обхитрив, исчез с глаз долой вместе со своим трактором.

Мудрый Мухин стал аккуратно выруливать к месту пропадания, и вот мы замерли на краю трещины. Сама она не шибко заметная, словно с бортиками, так что со стороны похожа на холмик. На пять метров ниже обрыва корочка, совсем слабенькая, а в ней дрожащая застывающая полынья. Туда видно и отправился вертлявый тракторист.

– По правилам хорошего тона надо сказать "до свиданья", помахать ручкой и ехать домой, – сказал Мухин.

Я было согласился с ним, однако заметил парой метров ниже по склону легкий оползень. Как будто кто-то поскреб там ботиночками, прежде чем спрятаться в расщелину.

– Ау, милок, не надоело тебе прятаться, как таракану? – подал голос я на нескольких частотах. – Вылезай, пообщаемся.

– Ага, сейчас вылезу, – отозвался тот из расщелины. – Встречайте с цветами.

Но вылезло из щели лишь дуло его плазмобоя. Оружие брызнуло огнем, отчего коп, который стоял справа от меня, брякнулся с дырой в антисиловом жилете и в скафандре. Какое-то мгновение из нашего товарища летел красный порошок. Десять лет тому назад этот парень сразу бы стал мертвецом, сейчас же не все так просто. Конечно, плазма и космос изрядно попортили ему внутренности, но моментально сработали перетяжки скафандра рядом с пробоиной, квазиживая оболочка мигом затянула дыру и начала кропить на рану лекарствами. Впрочем, с такой близи получить огонь в живот – это вряд ли располагает к жизни. Вот и Анима сообщает о глубоком шоке.

Ребята у меня надрессированы оказывать первую помощь, нашлепнули раненому коллеге внешний пластырь, и тут же подключили к нему кибердоктора, похожего на осьминога.

Разгневанный Мухин стал отцеплять от пояса гранату, чтобы угостить ей вероломную гниду.

– Стоп, сержант. Ты ведь не земной барашек, чтобы давать волю эмоциям. Мне эта паскуда тоже не нравится, но в дохлом виде она будет совершенно бесполезна.

– Ну, так и полезай к нему, командир, со своим сквизером.

– И полезу. Буксирный трос от вездехода закрепи, где

покрепче.

Отморозок не ожидал, что грозная машина съедет прямо на него, поэтому выскочил с испуга из расщелины. Тут я его и припечатал его из сквизера, а Мухин поймал его клейкой сетью из широкомолекулярных соединенией.

Можно сказать, что после этого удача скоропалительно повернулась ко мне задом. Буксирный трос соскочил, я едва успел выскочить из люка, а машина смайнала в полынью и свинцовая каша со сладостным причмокиванием ее слопала.

Подчиненные чуть ли не в полный голос и хором называли меня скотиной. И другими неласковыми именами щедро одаривали. За то, что остались мы без унитаза полного цикла с его школьными завтраками.

Мухин занялся связью с Скиапарелли, я же попытался что-нибудь выяснить у отморозка, пока он не отправился гулять в мир теней. Запираться подранок особо не стал, наверное, был уверен, что вскоре протянет каблуки. После укола нирванола забормотал:

– ...Появился один тип, звали его Мур В200. Такой мелкий фраер на катушках. Некоторые его знали – бывший старатель. Кое-кто встречался с ним в Афродизианске. Он сказал, что «Мираж» нам стоят поперек горла, надо отвадить это гадье отсюда. Справедливо чирикал. Обещал, что деньгу хорошо зашибем, потому что у него есть надежные перекупщики для гафния. Аванс дал. Ну, мы подловили караван, машины сожгли, гафний растащили по тайникам.

– А потом-то что? Кто за гафнием приехал? Кто шлепнул твоих подельников?

– Никто не приехал. И абзац всем настал. У кого реактор взорвался. Кто обдристался насмерть из-за жратвы нехорошей. Кто в утес впилился на вездеходе, а на него еще сверху десяток тонн упало. А кое-кто сам повесился.

– Ты-то почему уцелел?

– Уже не уцелел... Отдал свой гафний задармака пахану, он меня сюда направил, обещал никому не говорить. Не сдержал слова, сука.

– Как думаешь, на кого работал Мур? Зачем все это ему понадобилось?

– Не знаю... Отвяжись, вернее, включи мультик... Мур видел, что я видел. Он прилетел на коптере... планетолет был без опознавательных знаков... эти машины... лет пять назад их скупала «Комбинация», чтобы как можно меньше народа над Меркурием порхало и на орбиту поднималось. А потом дилерам запретили их продавать...

«Комбинация», стало ею и здесь попахивать.

Отморозок тяжко захрипел. Ладно, будет тебе мультик. Тем временем Мухин – человек везучий, за что и таскаю его с собой – сумел связаться через ретранслятор с управлением полиции, все-таки у терминатора запыленность поменьше. Управление пообещало нас спасти – если, конечно, не поднимется электропылевая буря, если мы не сдвинемся с места, не ухнем в какую-нибудь задницу. И на этом спасибо.

3

Выговор "с занесением" я, конечно, схлопотал. За потерю пяти бойцов и трех машин.

– Ты выглядишь обиженным, – ласково улыбнулся В. Зубов, когда я ознакомился и расписался.

– За этих пятерых меня, наверное, пороть электрическим кнутом надо или вообще шлепнуть из убийцера. Впрочем, вы, господин товарищ майор, уже столько сотрудников потеряли, что и веснушек на носу вашей секретарши не хватит для подсчета числа. Значит, перед вами я не слишком провинился. Вот сдается мне, директор Медб К845 пропал из-за какой-то аномалии, только не природная она, а управляемая.

– Какой директор Медб? Запроси справочную службу концерна про него, и про снившуюся тебе персону услышишь только: не было и нет. Даже, если ты пролезешь в файлы концерна со своим кибердружком, результаты не порадуют тебя. А в картотеках префектуры сотрудники «Комбинации» вообще не числятся. Уверен, если даже связаться со столичными банками данных, то окажется, что гражданин Медб К845 лет двадцать назад бесследно исчез в кольце Сатурна, и с тех пор его никто не видел и не слышал.

– С таким прогнозом полностью согласен. Враг-то не дремлет. Да только нам и распутывать такие узелки.

Вид у В. Зубова стал вялый, как у мокрого белья на веревке. Должно быть, пустил к себе в экраны хайратника какой-то мультик и потихоньку начал зависать.

– Разборки в «Комбинации", да еще на таком уровне... Нам туда рога совать не стоит – обломаются. Нам на дверь там четко указали – мало что ли? Надо, чтоб еще и с лестницы спустили? Полное стирание директора означает, что они в нашей помощи не нуждаются. Сами обделались, сами подотрут.

– А налет на караван с гафнием?

– А что налет? Как только пойманный отморозок очухается, примерно выпорем его да упрячем в тюрягу на многие лета.

– Там же этот Мур замешан, который работает на "Комбинацию". Допросим, ниточка и потянется.

Начальник изнемогал от меня, как от вида лужи с мочей посреди банкетного зала, в которую надо старательно не наступать.

– Терентий, ты прямолинейный, будто столб, мать твою Мамальфею за ногу. На Меркурии так нельзя. Тут нелинейные зависимости. Требуется как можно меньше ковырять носом чужой

зад... Ну, попробуй, ну, пообщайся с этим самым Муром. Только никаких санкций-шманций я тебе не дам.

Легко сказать – попробуй пообщаться. Предложение явно рассчитано на то, что я в своих бесполезных усилиях быстро дойду до изнеможения и откажусь от затеи. Концерн «Комбинация» – это государство в государстве. Имеет, помимо собственной Службы безопасности, собственные деньги, магазины, больницы, бордели. Проникнуть туда можно только на манер иностранного шпиона. А нынче любой шпион начинает с дальней технической разведки.

Вызвал кибероболочку, малый Терешка явился на экран бодреньким Джинн Хоттабычем.

– Слушаю и повинуюсь.

– Кого ты слушаешься, бездельник? Как же ты допустил, что бедный директор по имени Медб был стерт из памяти народной, будто он блоха какая-то?!

– Как у тебя обычно, вопрос не по адресу. Ты же знаешь, что я кибернетический элемент, без личности. Поэтому кричать на меня не надо. Я ведь обязан пользоваться твоим кодом доступа, то есть, везде оставлять твою визитную карточку. Значит, ты бы мигом засыпался и по возвращении из славного похода тебя бы поджидал арестантский воронок. А стал бы я самостоятельно активничать, меня тут же бы стерли на всех информационных носителях.

– Хорошо, отнекиваться ты научился, будто не кибернетический вовсе, а самый что ни на есть белковый и настоящий. Я был о тебе лучшего мнения. Помоги мне выволочь за жирок и на холодок сотрудника «Комбинации» с имечком Мур. Мы отправимся вдвоем в информационную среду, но я воспользуюсь чужими, то есть ворованными кодами доступа, мне запечатлеваться нечего.

– Персональная слежка напрочь запрещена.

– Я же следователь.

– А санкция на компьютерное дознание, мой старший брат? Ну, где она, где?

– Мур уже нанес непоправимый ущерб здоровью двух десятков людей. Ну-ка вспомни, первый закон роботехники.

– Это что-то вроде клятвы Гиппократа, пафосная чепуха. Кстати, ты тоже собрался принести вред этому Муру.

– Если ты не поможешь, то нанесешь вред мне.

– Ладно уж, хоть надоело, но выручу тебя опять, – капризным тоном заявляет Терешка-малый. – При очередном запросе транспортной службы я включу Мура в список нарушителей правил парковки "клопа", или в реестр водителей, пропустивших

очередное переосвидетельствование. Сам понимаешь, есть правила, которые нарушить обязан каждый человек, находящийся в здравом рассудке. Отпираться ему не будет резона. Даже "Комбинация" возражать не станет, когда твой Мур отправится в транспортную службу, чтобы избежать повестки в суд. А на выходе оттуда, ты сможешь познакомиться с ним поближе. Произойдет это не позже, чем завтра.

4

Терешка-малый поработал на славу. Даже нашел Мурову фотокарточку для опознания. Я тоже кое-что предпринял по своей линии. Нашел приятеля с большим фингалом под глазом, того, что всегда не прочь выпить и побузить, особенно если общественность не наблюдает за ним бдительным оком. И когда Мур В200 выходил из транспортного управления на бульвар, любитель дурного отдыха, пройдясь мимо, отдавил "объекту" носок ботинка и ухватил в пригоршню изрядный кусок его куртки. Далее разговор сложился так.

ЗАДИРА. Если ты мне не извинишь то, что я наступил на твою ногу, я тебе голову оторву.

МУР. Да ладно, пустое. Пропустите.

ЗАДИРА. Как это пустое? Кто это пустой? Я – пустой?

МУР. Говорю же вам – пустяки. Я спешу.

ЗАДИРА. А я, значит, и спешить никуда не могу?! Я, выходит, мусор, меня и извинять не надо. Всячески показываешь, что от одного моего прикосновения ты из чистого ангела грязной свиньей стал? Намекаешь, что таких, как я, давить и топтать можно? Ну, так ты жестоко просчитался.

МУР. Вы меня неверно поняли.

ЗАДИРА. А теперь закрой парашу.

И задира нанес Муру удар в пах, а потом в челюсть. Собрался провести еще прием джиу-джитсу, но, запутавшись с броском через плечо, нескладно рухнул сам.

Тут примчался я, сияя своей трехголовенькой кокардой и полицейским значком. Ткнул обоих электрошоковой дубинкой. Причем для наемного задиры заметно убавил силу тока, а вот Мура уложил в нокдаун.

Оперативно очухавшись, задира вскочил и сделал ноги. Я как бы не смог догнать его, поскользнулся на чьем-то плевке и упал с матерными инвективами вослед удирающему. Затем вернулся к месту ристалища и стал разбираться с тем, что осталось. Конечно, потребовал документы у отправленного в нокдаун Мура, предварительно попортив мазером его персон-карту, когда та еще лежала в кармане. Вот теперь имелись все основания волочь его в участок.

Самое главное я все-таки учел. Каждый, кто работает на «Комбинацию», имеет интракорпоральный сетевой коннектор. Как только у него давление подскочит или кровь насытится гормонами страха, бдительная Анима врубит коннектор и тот пошлет запрос о помощи на корпоративный сервер безопасности.

А мне предстояло еще прошмыгнуть несколько городских секций с этим поганцем на привязи. Я чуть не выбрал маршрут через жилую секцию, но чутье подсказало, что в его тихих и укромных закоулках чьи-то заботливые руки могут запросто чиркнуть лазерной бритвой по моему горлу. Поэтому я и решил прогуляться через торговую секцию. Там попросторнее.

Физиономии комбинашек я еще на первом ярусе торговой секции приметил. Глаза у них были не мутные с поволокой, как у шатающихся тут старателей, а будто горящие фонарики, что контрастировало с неестественно вялыми телодвижениями.

Объективы моего хайратника высвечивают пару фигур в чрезмерно праздных позах у выхода с противоположной стороны яруса. Надо срочно подаваться на второй ярус. Там продают всякий инвентарь и не слишком тесно, в чем я убедился, утащив задержанного Мура вслед за собой по лестнице-колесу. Но у прилавка, где труженики меркурианских пустынь разглядывают буры и дрели, виднеется вовсе не старательская физиономия. Комбинашка.

Свернул из торгового зала в боковой коридор. Выискал туалетные комнатки, где решил через окно выбраться и со своим уловом попасть на аварийный трап, тот, что спускается по наружной стене.

Однако жизнь стала незамедлительно вносить поправки. Несмотря на то, что призывно маячили двери с двойной надписью "М и ММ", то есть "мужчины и мужчины-мутанты", войти я туда не рискнул. (У мужчин-мутантов, кстати, бывает второй писюн на боку). Тем более, там кто-то усиленно вел деловые переговоры. А вот за дверями с барельефом "Ж и ЖМ" было пока тихо.

– Нам туда, – погоняю я нарочито неповоротливого Мура. – Ну-ка, шевели ногами, а не то отстрелю яйца и тогда тебе полегче будет идти.

Мур решил, что яйца ему еще любы и совсем не мешают, поэтому послушно заторопился. Но уже в первой комнатке – с зеркалами и пепельницами – мы столкнулись с фемом. У меня во рту мигом пересохло, попались. Впрочем, физиономия фемки осталась каменной, а рука не потянулась к кобуре.

– Извините, мы тут проездом с Марса, мы сейчас выйдем, только с другой стороны... У нас совсем другие надписи на дверках. "Д", то есть дамы и "Г", считай, господа.

Тут на щеке у фемки забрезжило подобие улыбки, может даже одобрительной. И снова "вот те на", путь неожиданно открылся – мутантка отвернулась к зеркалу. Я потащил Мура в следующую комнатку, там подскочил к окну, раздвинул ставни. Остается вылезти, сделать шажок влево по карнизу и как раз

трап. Но еще надо заставить выйти наружу моего подконвойного.

– Ну-ка, мальчик, давай вперед, как горный козел.

– У меня боязнь высоты! – нарочно стал истерировать он.

– По-моему, ты должен скорее ощущать боязнь дырки в голове.

И тут из другой комнаты, той, которую мы уже миновали, послышались звонкие голоса, свидетельствующие о препирательствах. Фем настоятельно требовала, чтобы какие-то мужики немедленно удалились, те же грубо упирали на исполнение закона. Я попытался запихнуть Мура в одну из кабинок, но тут дверь распахнулась и показался комбинашка собственной персоной. Будь под рукой гразер, я бы мигом срезал гада. Однако стрелял я из сквизера, при поражении этим оружием результат наступает лишь треть секунды спустя. В масштабах большого боя это – мелочи, ну, в нашем же случае комбинашка успел разрядить бластер. Не в меня, а в Мура, и прожег ему грудную клетку. Правда, сам стрелявший, быстро загнувшись, вышел из игры.

Я видел, Муру осталось немного. Шприц-пистолетом впрыснул ему крепкий кортизолин, который развязывает языки людям с сужающимся полем сознания, и налепил считыватель на горло. Слов уже не будет слышно, но приборчик распознает их по вибрациям. Я не знал, фемка все еще торчит неподалеку или давно убралась восвояси. Во всяком случае из соседней комнатки клубами валил дым.

– Скажи, дружок Мур, кто ж послал тебя нанимать старателей на разбой? Кому понадобился этот гоп-стоп? Не запирайся, я все знаю. Кто?

После небольшого затишья сквозь дым чиркнуло несколько бластерных трасс – одни отправились в окно, другие продырявили радиатор, откуда со змеиным шипением стал поступать теплоноситель. Потом из дыма чуть выше пола показался некто в шлеме и тут же схлопотал. Он слишком хорошо подставился в прицел моего гразера. Шлем превратился во что-то вроде котелка, из которого плеснуло паром, брызгами и светом. Надо было срочно улепетывать. Ну, Мур, ну! И Мур раз в жизни сделал благое дело, что, по большому счету, могло ему пригодится лишь на том свете.

– Нанял меня Дыня, муташка такой... выполняет разные поручения «Миража»... заплатил... десять кило гафняшек.

– Неужто в «Комбинации» никто не узнал про такой сюжет?

– Директор Медб мог... он занимался слежкой за «Миражом»...

Плазменный шнур прошипел возле уха. Я сорвал считыватель

с горла задержанного и выскочил на карниз. Даже если Мур еще при жизни, ему быстро помогут свести с ней счеты.

Не промахнуться бы из-за такой нетерплячки, попасть бы ногами в кишку аварийного трапа. Вот он, наконец, конвульсивно сокращаясь, глотает мой организм, прокачивает полимерными мышцами и выбрасывает через свой "анус". Соответствующее отхожее место встречает меня внизу – полусклад-полусвалка.

На одном из концов проулка выглядывают из-за угла люди, которые бьют по мне из плазмобоев и бластеров. Я ухожу в другую сторону, петляя меж ящиков, огрызаясь и весьма неслабо своим аппаратом. На экранах хайратника снуют сетки прицельных и и целеследящих координат, вот я резко совместил две системы линий, и гразер облегчается по моему мыслесигналу. На том конце проулка человек до пояса превращается в помесь фонтана и вспышки. Я никогда не кричу в таких случаях с азартной пеной у рта: "Попал-попал". Еще не хватало испытывать половое возбуждение при виде чьих-то испаряющихся внутренностей. А почему, собственно, не порадоваться? – поинтересуется какой-нибудь юный балбес.

А потому, что следующим могу оказаться я.

Кто-то отправил в меня самонаводящуюся ракету, но я ей "выключил свет". Пустил контрракету, которая навелась на вражеский снаряд и сцапала его сеткой. Воспользовавшись суматохой, я соскользнул в люк пневмопровода. Это такая тумбочка с крышкой наверху и аварийным клапаном внутри. Крышка поднимается, клапан – у которого кем-то уже была сбита заглушка – проворачивается, и я падаю туда, где вечно ревет ураган. Поток подхватывает меня и быстро разгоняет.

Слишком быстро. Пневмосистемой, как следует, умеют пользоваться лишь фемы. Слишком уж крут и силен поток воздуха, а по дороге попадаются разные загогулины. Сразу напала жуть. Одежда свистела, ее металлические детальки визжали, царапая металл трубы, и, совокупно с воем урагана, доводили меня до степени близкой к безумию. Где люк, как не стать фаршем? По-моему, я так перенапрягся, что перестал соображать. И, конечно же, Анима автоматически стимулировала выпуск размягчающих психику эндорфинов.

После чего полегчало во всех смыслах. Слушайте, марсиане, слушайте, что со мной приключилось.

Когда я от страха и ужаса перестал чувствовать тело от пяток до макушки, вернее, прежнее тело, то как будто заимел новое. Словно заразившись движением от пневмопровода, завертелось во мне что-то похожее на юлу. Завертелось вокруг оси, если точнее ПОЛЮСА. Полюс прыскал во все стороны напряжением.

Напряжение разлеталось лучами, пучками и фронтами. Получалось в итоге вихревое, вращающееся и разбегающееся поле. Причем скорость его разбегания было куда большей, чем моя собственная.

Дело кончилось тем, что вращающееся поле разрослось на всю пневмосистему. Да так, что ее трубы стали сеточкой вибрирующих сосудов. В центре сеточки находился наблюдатель, то есть я.

Наблюдатель удачно свернул в тот тоннель, где имелась люк колодца. Дальше были – дыра, шахта и мостовая. В вихре пыли и грязи я вылетел из пневмосистемы, как обшарпанный джинн.

И оказался в аграрной секции. Гидропонные ванны с зеленью картофеля-фри, того самого, у которого клубни сами вылезают на свободу и ползут в овощехранилище.

Сверху и снизу – плетение проводов и трубок, снуют киберы-овощеведы. Пока я пристрастно изучал, все ли члены тела у меня на месте, появился охранник и наставил на меня пушечку.

– Эй, бомжара, что тут делаешь?

– Упал в воздуходув, преследуя опасного преступника. Мы ж коллеги. – Я показал свое полицейское удостоверение.

– Первый раз слышу, чтобы полицейские пользовались услугами пневмопровода... Ты чего, командир?

Было чего. Потому что показалось, что тело мое многострадальное превратились в сеточку дрожащих сосудов, в центре которой разместился КТО-ТО. Я бы обозвал его Контроллером. Я пытался его заблокировать, он пытался меня отбросить, мое «я» куда-то отлетело, ударилось, отключилось.

Очнулся я уже в подсобке на топчане, лоб весь мокрый. Неподалеку охранник прихлебывает чай, заедая таблетками сухого коньяка.

– Ну, что очухался, лейтенант? Сам поедешь или карету тебе вызвать?

5

В кабинете шефа помещался совсем другой человек. Капитан Рекс К502 раскинулся в кресле майора В. Зубова, которое было для него великоватым, и большими глотками употреблял чужой кофе из чужой чашки.

– По некоторым признакам можно предположить, что ты теперь и есть мой шеф, – обратился я.

– Не предположить, а зарубить на носу. Кто теперь твой шеф, ты очень скоро почувствуешь на своей шкуре. Соответственно ощутишь и тот научно установленный факт, что являешься моим подчиненным до тех пор, пока я тебя не уволил.

Я попытался придать своему голосу выражение незлобивое и наивное.

– Странно, что тебя перебросили из полиции нравов на расследование разбоев и побоев. Слушай, а рукоблудие – это когда в присутствии дамы держишь руки в карманах, или наоборот?

– Здесь вопросы задаю я. Где ты был первую половину дня?

– Поскольку ты наверняка прочитал дело по ограблению каравана "Миража", то я кое-чего раскопал. Отморозков на это дело подбил Мур В200, работающий на «Комбинацию». Но его-то нанял некий фрукт по имени Дыня, сотрудничающий с «Миражом». Понимаешь, «Мираж» сам себя обчистил.

– Кто тебе сказал про Дыню? – несколько заинтересовался Рекс.

– Мур, перед тем как задвинуть кеды в угол.

И тут причина его интереса мигом прояснилась.

– Ага, значит, это ты устроил бучу в торговом центре. Тебя уже разыскивают, Терентий, – выражение физиономии у него стало таким удовлетворенным, словно я – это пойманная на лету муха.

– Агенты то ли «Миража», то ли «Комбинации» подстрелили Мура, когда я его уже взял за хобот, – чтобы он не успел расколоться... Но он, между прочим, исповедался мне кое в чем. Запись имеется.

Рексова физиономия уже сделалось такой, будто вышеуловленная муха каким-то образом из его ладошки упорхнула.

– Ладно, Терентий, никто никого разыскивать не будет. Я все утрясу. А ты прекратишь копать это дело. Не возражай... я тебе помогу принять такое решение, отправив в отпуск. Дружок, не морочь никому анус, кроме лиц, специально предназначенных

для этого. Съезди в Афродизианск или лучше на орбиту, в Хунахуна.

Рекс заулыбался во все щеки, чтоб никто не мог его спутать с наймитом темной силы.

– И кто тебе дал указание прикрыть расследование?

– Мы, хоть и префектурная полиция, существуем лишь в результате соглашения «Комбинации» и «Миража». То есть, получаем зарплату, пока занимаемся мелкими кражами, разбоями в лабазах, драками в кабаках, да уголовкой, в которой засветились старатели и прочая шелупонь.

– Рекс, в результате какого там совокупления мы появились – мне наплевать. Главное, что мы есть. Когда всем пацанам из моей роты в "Мамальфее" стукнуло по пятнадцать, их выстроили на плацу и зачитали приказ: "С сегодняшнего дня всем заиметь собственноя я». Похоже, в вашем питомнике ничего подобного не случилось. Через пять минут подам тебе большую просьбу об увольнении.

– С удовольствием приму после такого монументального заявления, достойного мемориальной доски. Но только через месяц. А сейчас марш в кассу за отпускными и премиальными, я туда уже звякнул, также как и в отдел кадров. Если будешь в Хунахуна, поцелуй от меня Долли-2М в благодарность за мастерство – туда, куда она любит.

Через пять минут я стоял на улице с новой банковской картой в кармане. Пять кило гафняшек – совсем неплохо, дерзай, не хочу. Бутылка водки "Язвенной" – сто гафняшек. Забросить «палочку» симпампушке-мутанточке – двести. Но билет на межпланетный рейс – уже полста кило.

Несколько раз добросовестно пытался изъять Дыню из головы. Не получилось. Вольно или невольно, в качестве временного решения направил себя в секцию злачных мест, а именно в клуб "Нарост". Именно здесь мутанты и кучкуются. Судя по кличке, Дыня был именно из них.

Перед входом сунул в прорезь деньгомета карту и выгреб из ящичка пятьсот гафняшек, соответственно гафниевыми монетками. Купюры у нас не в ходу, потому что горят хорошо. Затем сквозь противную – лохматую, сопливую, шестипалую – публику подобрался к стойке. В "Наросте" как всегда царило веселье. Звучал и разливался мажорный напев: "Черный ворон, что ты вьешься над моею головой, ты закуски не дождешься, скоро станешь сам едой..." На лица завсегдатаев было немножко тошно смотреть, от их пронзительных голосов немножко вяли уши.

Да, сюда не проползло бы разумное, доброе, вечное, впрочем,

никто из присутствующих в этом не был бы виноват.

Бармен – ушастый тролль – даже не стал оборачиваться ко мне, чтобы получше слышать в шуме-гаме, а продолжал протирать бутылки со всякой забористой дрянью для муташки – гемоглобиновкой, кортизоловкой, полигормоновкой и тому подобным.

– Ау, земляк, Дыню тут не видел? – промяучил я в костлявую спину с сильно заметным хребтом, в разъемы которого было воткнуто пяток кабелей. – У него башка соответствующая, большая, гладкая. За хорошую память получишь полсотни гафняшек.

Бармен, слегка шевеля ушами, продолжал невозмутимо заниматься прежним нехитрым делом.

– Ага, локаторы работают, значит, понял меня. Ну да, как это естественно: пятидесяти монет стоит амнезия, а хорошая память – полную сотню.

Бармен разлепил уста и сказал "спиной":

– Два дня тому назад компания послала его в Долину Вечного Отдыха налаживать перевозку рудного полуфабриката. После того самого облома.

Значит и мне нужно туда подаваться. Но одному – не зачетно.

– Ты общительный дядька, – я бросил на тарелку причитающиеся монеты. – Не знаешь ли того, кто ищет краткосрочную работу и знаком с дикими местами? С меня еще двести гафняшек.

Спина бармена оставалась безмолвной и безучастной.

– Да, пожалуй, за двести монет разве что протанцевать можно. Эй, четыреста гафняшек просятся из моего кармана наружу, чтобы поздороваться с дядей.

Бармен по-прежнему не отвлекался от своей работы.

– Понятно. Извини, старичок. Ну, плесни мне хотя бы на три пальца язвовки, только без гормонов и гемоглобина.

Я спрятался со стаканом в темный уголок, который показался наименее страшным, и, меняя увеличение объективов хайратника, наблюдал за местным сборищем, которое простодушный землянин назвал бы скопищем невообразимых уродов. А какой-нибудь средневековый деятель упал бы в обморок, решив, что оказался на бесовском шабаше. И правильно. Чего стоят одни ВИДЮНЧИКИ – с выдвижными очами размером с тарелку – которые можно использовать вместо телескопов. Или РАСПАДНИКИ – у тех руки, да и некоторые другие члены тела могут, отделившись от остального организма, активно заниматься всяким непотребством. Отдельные руки некоторое время весьма преуспевали на душительском поприще. А сейчас, в основном,

таскают выпивку и тырят мелочь из карманов. Отчленяемые же срамные органы, особенно летучие фаллосы (так называемые фаллолеты), немало отличились в статистике изнасилований. Были тут и СОПЛИВЦЫ-ПРОЗОРЛИВЦЫ или, как еще говорят, сопляки. Эти товарищи при помощи сморкания оставляют там и сям быстроразмножающиеся клеточные колонии, которые способны наблюдать за тем, что творится рядом, с помощью зрительных родопсиновых рецепторов. И в микроволновом диапазоне передавать подсмотренные картинки своему хозяину, отчего тот превращается в станцию раннего обнаружения.

Едва я поймал порхающий пузырь, полный дурман-сиропа и прилепился к своему стакану, как увидел фемку, направляющуюся в мой угол. Это не к добру. Похоже, сейчас скандал случится – может, я ее теплое местечко занял. Фемка, однако замерла, в шаге от меня. Непонятно было, чего она там задумала – врезать мне хочет или сперва побазарить. Само собой непонятно, куда бабомутант пялится – экраны хайратника скрывают половинку ее лица. Попробовать что ли разрядить обстановку?

– Здравствуй, девочка. Ты чего тут забыла? Хочешь, вместе поищем?

– Ты тот самый, которому нужен напарник для дальней поездки?

– Угадала милая. И кто это? С меня сотня гафняшек.

– Побереги свои гафняшки на лишнюю плитку кислорода. Этот напарник – я. Я была штурманом в наземных геологоразведках, когда работала в «Комбинации» и три раза посетила интересующую тебя долину.

Вот так номер. Только фемам никто не доверяет. Они всегда работают группами, в основном на «Комбинацию», изредка на префектуру. Но и на себя, наверное, тоже. Среди старателей и прочих одиночек их не бывает. Люди считают, и, возможно, справедливо, что эти барышни – извращенки, что без коллективных оргий они тощают и дохнут. Есть мнение, что спят фемки целым взводом в одной кровати и с бока на бок переворачиваются по команде. Кроме того, невооруженным глазом видно, что они считают себя выше других. Они, действительно, выше нормальных баб. А во-вторых, всегда могут отлупить даже самых грубых мужиков. Как тут не зазнаться. Все их движения – четкие, умелые; чутье и моторика – будь здоров. Однако, я весьма сомневаюсь, что кто-нибудь из них слыхал про Баха с Бетховеном или Толстого с Достоевским.

Меркурий один знает, какие у фемок генные модификации, какая, в конце концов, идеология, цель, светлый идеал. Кто им

друг, кто им враг? Марсианцам обрисую их наружность – это рослые девахи с невыделяющимся бюстом и неброской мускулатурой. Физиономии носят нередко смазливые, но всегда совершенно каменные. Хотя наши мутанточки смахивают на тех дылд, что на Марсе демонстрируют наряды, тем не менее предпочитают робы и кованые башмачки. Родить ребеночка, по крайней мере естественным путем, эти сверхдевки не в состоянии, но интимные причандалы имеют. Были некогда меркурианские джентльмены, которые осмеливались подъезжать к фемкам сальными предложениями. Были да сплыли. Любовь с фемками для отважных джентльменов кончались плачевно. Там, где ошивается одна из них, могут моментально возникнуть и другие подруженьки.

Эта фемка, что подвалила ко мне, была низковата для своих – с меня ростом, но голову ее украшал обычный для них ежик, а щечку – шрам. Головорезка, видать.

– Мы, люди, плохо осведомлены о ваших фемских повадках. Что тебя подкупило в моем предложении, милая моя?

– Меня зовут Шошана Ф903, – слегка скрипнув зубами, заявила фемка.

– Ладно, Шошана. Что, все-таки? У вас же своя игра, с посторонними вы не дружите.

– Никто с тобой дружить и не собирается. Если ты платишь за проводку, я тебя провожаю, причем такой дорогой, которой нынче можно добраться туда. Это тебе обойдется в три кило гафняшек.

Что эквивалентно трем сотням бутылок «язвовки» – и представить страшно. Вместо такого количества прекрасной жидкости я заполучу одну большую «язву» по имени Шошана. Но я уже, так сказать, влез под душ, так что не пустить воду было бы постыдным делом.

– Если это не станет проводами в последний путь, тогда твое согласие, Шошана, можно считать доброй приметой. Парочку мы будем представлять странную. Впрочем, размер твоего бюстгальтера позволяет тебе не особо выделяться на фоне мужчин, особенно пока ты в скафандре.

По-моему, она подавляла в себе обиду немалым усилием недюжинной воли. Получается, я нечаянно ее протестировал и выяснил, что есть обстоятельство, которое заставляет ее не реагировать на мои подначки. Она кем-то и чем-то подготовлена к общению со мной. Однако, не будем перегибать – иначе ее попустительство станет слишком нарочитым и кто-то может поменять тактику.

Между прочим, особенного выбора у меня нет. Допустим, Шошана – шпионка. Но кто гарантирует, что следующий

провожатый не окажется вообще диверсантом? Кроме того, фемы, может статься, мои криптосоюзники. Ведь там, в торговой секции, одна из них, похоже, не только пособничала мне, но даже открыла второй фронт. Кто, в конце концов, открыл люк на выходном шлюзе пневмопровода? Не исключено даже, что во время драки между муташками, фемы как бы случайно оказались поблизости и уберегли меня от полного втаптывания в грязь.

– Ладно, заметано. По рукам и ногам. Отправляемся в ближайшее время, если не возражаешь...

Я фразу не договорил, не условился еще, где и когда, как она уже резко крутанулась и пошла вон из кабака. Я попытался догнать ее, но поскользнулся на чьих-то зрячих соплях, едрить их налево, и залетел под стол, где здоровенный крысомутант внаглую спер у меня ботинок.

6

Вечером забрался в ангар к Филимону – в Скиапарелли нет механика круче его. Некогда он благодаря мне год схлопотал, в смысле посадил я его. И с тех пор гражданин механик спасибо говорит за это. Засветился Филимон так. Скорешился он в свое время с механиками, которые работали в «Комбинации» – и они загнали ему досрочно списанные аккумуляторы в немалом количестве. Ну, и комбинашки всех прихватили. Филимона они как бы отпустили, а механики как бы случайно оказались на солнечной стороне планеты. Но Служба безопасности приговорила и Филимона. Наняла двух старателей, чтобы они сделали виноватому чик-чирик в подворотне. Пришлось мне Филимона срочно заарестовать и статью ему шить не слишком серьезную, на годик отсидки. Так что Филимон продолжал кудесить в своей мастерской, замаскированной под гидропонический огородик, лишь благодаря мне. Ну, а кочаны капусты вырастали там с человеческую задницу – это так благотворно на них действовал не полностью отработанный уран-235, вылеживающийся в свинцовых бочках по углам.

– А-а, ага, – опознал меня Филимон, отрываясь от турбины-метаморфантки с саморастущими лопатками. – Пришел тот самый человек, который заставил меня в течение года дрессировать от скуки тараканов и кормить с ложечки клопов. Ну, чего еще тебе от меня надо?

– Верю, что тараканы и поныне на задних лапках ходят по твоей кухне, и клопы очень уважительно с поклонами сосут твою кровь. Я рад, что ты им понравился. А мне понравится приличный вездеход, причем очень скоро.

– Двадцать кило гафняшек. Старатели по два года на него колымят.

– Свин неблагодарный, ишь какую сумму нахрюкал. Как насчет того, чтоб напрокат?

– Ты же угробишь машину – руки ведь у тебя крюки. Вижу, что выставили тебя из полиции и теперь будешь чего-то кому-то доказывать... Ну, есть у меня одна машина, которая сгодится. Вечно-опытный образец… Сделан, кстати, гражданин начальник, целиком из контрафакта и ворованных деталей.

В дальнем углу ангара-огорода, за ширмой из ядовитых растений, хранилось то, чем Филимон меня собирался одарить. Жуткий гибрид танка, снегохода и паука. Шесть колес, два трака, трое полозьев, семь рычажных шагающе-цепляющихся конечностей. Основной двигатель – микрореактор с кипящей

активной зоной и гранулированным расщепляющимся топливом. Как объяснил Филимон, система защиты у этого монстра хиленькая, поэтому – если хорошо поездил – на охлаждение не надейся, а не забудь слить радиоактивный натриевый кипяток. На случай отказа реактора есть аккумуляторы, скорее всего свинченные с ионной ракеты. Керамическая защита видно содрана с космического челнока. К турбине, вертящейся от нагретого гелия, помимо обычного генератора приделана еще и МГДэшка. Можно даже глиссировать, выпуская пар под днище.

– Владей на здоровье, лейтенант. Надеюсь, здоровье твое будет в прямой, а не в обратной зависимости от обладания сим средством транспортировки. Особо не дрейфь, циркониевый колпак ловит нейтрончики, что твоя мухоловка. В управлении, особенно рулежке, биоинтерфейсом пореже пользуйся, на мыслеусилия особо не полагайся. А бабки за прокат по возвращении отдашь, так что у тебя есть стимул не торопиться домой.

– Может, на том свете рассчитаемся градусами Кельвина?

– Геенна огненная – наша местная меркурианская достопримечательность.

Забрался я в кабину, проверил колесные и гусеничные приводы, погонял борткомпьютер, потестировал гидравлику, пневматику, синхронизацию конечностей. Ну да, Филимон – гений по части хищения нужных деталей.

Затем мой новый транспортный аппарат прошагал в растопырку по грядке и, выбравшись наружу, спустился в тоннель для большегрузных средств. Поехал тихонько, на аккумуляторах, в ангар моей жилой платформы. Завтра еще реактор заряжать. Все вездеходы, кроме полицейских, получают расщепляющиеся материалы за городом. Поэтому связался я с заправочной станцией и заказал топливо на завтрашнее утро. Банковская карта с грустным шипением втянулась в считыватель городского коммуникатора (или, по-народному, горкома) и похудела на кило гафняшек.

Перед путешествием я погрузился в храп. Всю ночь ворочался, потому что боялся новомодной плесени, от которой вездеходы мгновенно корродируют и разваливаются. А проснулся, когда услышал, что кто-то возится в прихожей. Мигом скатился с постели, залег под койкой. Там нащупал плазмобой, быстро снял с предохранителя и занял огневую позицию. Дверь открывается и на прицеле появляется вчерашняя фемка с вещмешком, в скафандре – опытные люди всегда его одевают перед поездкой, чтобы меньше на себе тащить, а заодно проверить, все ли с этим "верхним бельишком" тип-топ.

– Я тебя вызывала по горкому, – сказала она скучным голосом, глядя куда-то в окно. – Но ты не отзывался. Нам ведь пора.

– На то и сигнализация в ухе, чтоб ничего не слышать.

Я вылез из-под койки. Странное это было зрелище – человек в скафандре и человек в трусах. Особенно для нее. Впервые на ее лице проявилось нечто столь же похожее на улыбку, как педальный автомобильчик на танк.

– Некая дисгармония присутствует, – заявил по такому случаю я. – По крайней мере, на картину Рембрандта эдакая сцена не просится. Может, и тебе немного разоблачится.

– Что такое Рембрандт? А, ладно. Для восстановления гармонии я в холле побуду, – милостиво соглашается моя валькирия.

Честно говоря, я еще собирался как следует заправить свой личный топливный бак, но ввиду недалекого присутствия фемки придется давиться обед-пастой и сыпать в пасть мясные и овощные таблетки.

Собрал я манатки в ритме чечетки. Носки сунул в карман, зарядил обоймы плазмобоя, рассыпая патроны по полу, и поспешил в холл. По дороге понял, что все свое могу носить с собой (внимание, философская мысль), самое важное имущество хранится в мозгах в виде длинных молекул памяти (правда, особо залежалые инструкции и уставы можно лишь с помощью анимы растормошить), кое-что имеется в хайратнике с его фильмотекой, дискотекой и локаторами. Еще сменная пара трусов, квазиживая ползунья-мочалка, крем, съедающий бороду, но милующий лицо, ну и музыкальный презерватив – мало ли что, вдруг пригодится.

Фемку застал в обычной для них позе фараона – руки на коленках, взгляд уперт в стенку, на которой никаких мультяшек и видюшек – медитирует девушка в свободное от работы время. Мы спустились в ангар, и я подвел жутковатую спутницу к своему транспортному средству.

– Именно об этом вы грезили, Шошана, долгими бессонными ночами в общей кровати?

– Я и сейчас мечтаю о том, чтобы урановый кипяток не обварил твою задницу.

– А твоему задку небольшой румянец даже пойдет. – Кажется, она все ж таки, преодолев рефлексы, заставила себя не дрыгаться от моих подколов.

Потом, гостеприимно отодвинув дверцу в сторону, нас впустил бортовой шлюз вездехода, где мы и разоблачились. По очереди, конечно. Скинув скафандр, я натянул свой обычный прикид – треники с пузырями на коленях. Она же нарядилась не в

обычную для них робу-гимнастерку, а в довольно милый спортивный костюмчик с меняющимися картинками на спине.

У меня снова зароились под кепкой подозрения – фемка явно пытается быть приятнее, чем на самом деле. Это напрягает. А вот созерцание внутренностей вездехода расслабляет. Рычаги управления мощностью двигателя, приводами колес и траков – с большими головками-колобашками в захват всей пригоршней. Манипуляторы шагающих конечностей смахивают на кнопочки аккордеона. А кресла будто вынесены из кабинета какого-нибудь старинного ученого с козлиной бородкой и ермолкой, защищающей мозг от испарения.

Проехали тоннелем для большегрузного транспорта и оказались на контрольно-пропускном пункте. Там сидел знакомый офицер городской стражи.

– По-моему, ты странно решил провести отпуск, – заязвил он, изучив нашу пару со снисходительной улыбочкой. – Ты, кстати, сдал свои клетки для выращивания органов-заменителей? Вдруг вернешься без мозгов или, чего доброго, без одной важной штуки.

– Если вернусь без своих мозгов, тогда возьму твои. А вообще я предпочитаю роботехнические заменители.

– Я тоже, – подыграла «приятельница». – Я заменила много вредных мужиков на полезных роботов.

Будем надеяться, отметил я про себя, что не попаду в число «вредных мужиков». Ну, а пока что городской шлюз открывается, пандус опускается, и вездеход съезжает на зыбкую землю Меркурия. До свиданья, Скиапарелли, запечатлей меня в бронзе, если что, а рядом с памятником посади грибочки – я ими всегда любил закусывать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БЕСНОВАТОСТЬ

7

В долину Вечного Отдыха фемка предложила отправиться совсем не той проторенной дорогой, какую использовал штурман Мухин в первой вылазке.

– Ты, Шошана, предлагаешь переться через плато Большой Гроб, потом мимо горы Череп, далее брассом по морю замерзшего натрия Старательские Слезы. Но такой, с позволения сказать, путь, куда длиннее и многократ опаснее. На мой примитивный взгляд, конечно. Но будь мы сейчас актеры на сцене, любой зритель в партере со мной бы согласился. Ориентиров-то на твоем пути раз-два и обчелся, мы и пеленгов взять не сможем, чтобы свериться с картой.

– На самом безопасном пути ты, господин товарищ лейтенант, потерял три машины и пол команды. С чего ты взял, что тебя нынче меньше "ждут", чем тогда?

– Ты меня не убедила, мы отправляемся старой дорогой. Курс – восемьдесят, склонение – пять. Мощность силовой установки – шестьдесят процентов. А теперь вперед.

Вначале я был уверен, что поступил правильно. Но к вечеру уже стал раскаиваться. Вернее, я просто-напросто пожалел, причем горько.

В ста километрах от Скиапарелли локаторы засекли быструю низколетящую цель – всего лишь за несколько секунд до того, как она на нас вышла (пыль есть пыль). Впрочем, можно было спокойно считать целью себя, а ее – охотником. Как этот охотник до нас добрался – вопрос немудреный, маршрут был известен и осталось только прочесать его. Шошана, между прочим, забеспокоилась минут за пять до того как. Стала вертеть крупномасштабные карты, а потом вдруг, но весьма настойчиво заявила:

– Сверни вон за тем камнем в ущелье.

– Создаешь атмосферу страха и ужаса? Не бойся, ведь я с тобой, – несерьезно отозвался я.

После чего я вылетел из водительского кресла и припечатался к палубе из-за очень серьезного удара в ухо. Ну, фемка, паскуда! Ботинок наступил на мою шею, дуло сквизера уставилось на мою башку. Тем временем фемка свободной рукой, ногой и мыслеусилиями уверенно управляла машиной. Я сразу почувствовал, как вездеход сворачивает и идет под уклон.

Вдобавок я морально мучился. Как же я так расслабился с ней? Надо было сразу опознать ее суть, едва она предложила свои вероломные услуги.

Или вторая версия. Прямо противоположная, но еще менее обнадеживающая. Это фемка, отбившаяся от своих, фем-расстрига, корова, исключенная из стада за какие-то проступки, то есть одичавшая и буйная. Только ловкость и мастерство у нее не коровьи.

Вот влип. А тут еще и физические страдания добавились. Машину долбануло вбок, и все резко сместилось, палуба стала крышей, крыша палубой. Я из-под Шошанской ноги выскочил, чтобы прогромыхать костями по всем бортам, а потом все неприятное случилось еще раз. И снова безжалостное бросание костей собралось повториться, но машина, постояв на боку, вернулась в прежнее положение, очевидно фемка успела зацепиться "конечностями" за склон. Потом она резко "поддала газу", я еще раз проехался по палубе, правда уже на пузе и горизонтально.

И тут меня осенило, что физические мучения полностью перечеркнули моральные. Не расстрига она, а я не пешка покамест. Она сейчас спасла меня и себя от превращения в трупный материал. Можно прислониться к борту и просипеть, разминая кадык:

– А хорошо все-таки, что ты поменяла свои башмаки с шипами на мягкие кеды. Кстати, что это там прожужжало над нами?

– Парочка коптеров.

– Ну, что ж ты раньше про них не сказала? Или считаешь, что я усваиваю материал намного лучше после небольшой взбучки?

– А ты как считаешь, одного раза тебе хватит? – решила уточнить она.

– Пожалуй, да. Поехали путем истинным через Гроб, Череп, Кости и всю прочую жуть. Бомбу себе на холку я действительно заработать не желаю. А ты знаешь тех, кто прилетал?

– Они прилетали за тобой, тебе лучше знать.

– Благодарю за находчивость. И все-таки, как это у тебя получилось?

– Что "это", Терентий? – впервые по имени назвала.

– Узнать о том, чего тебе знать не положено. Ты хотя бы абстрактно расскажи.

– Абстрактно – пожалуйста. Это принесет тебе столько же пользы, сколь и сочинения Николая Кузанского... – ученый Коля по фамилии Кузанский у фемок очевидно служил обозначением бессмыслицы. – Мы все живем в системе симметрий. И если в неком месте становится больше, то в другом – меньше. Что-то, допустим, сдвигается вправо, тогда кое-что влево. В какой-то точке проклевывается "плюс", а в другой точке обязательно

появляется "минус". Причем, и левое, и правое, и "плюс", и "минус" – кусочки одного целого. Вот такой паззл получается.

8

Плато Большой Гроб оказалось довольно милым местом. На нем лежала толстая пылевая подушка, слегка покачивающаяся под воздействием солнечных ветров, веющих из-за терминатора. Поэтому иногда казалось, что катишься по дну ленивого моря. На хорошей крейсерской скорости получалось три дня пути вместо планировавшихся полутора. Но зато здесь нас никто не видел и не слышал. Полное уединение.

– Слушай, Шошана, у тебя есть мнение о том, что приключилось с караваном «Мираж»? – справился я у малоразговорчивой попутчицы.

– Есть, – довольно вяло отозвалась она, но продолжила по существу:

– Это не грабеж, потому что сдача гафния перекупщикам не увеличилась.

– Я рад, что данные полицейского отчета известны не только мне.

– Похоже, лейтенант, то это сделали люди из «Комбинации», чтобы подорвать систему перевозок конкурента.

– Ты, собственно, высказала первое, что приходит на слабоодаренный ум вроде моего. Какие еще есть версии?

– «Мираж» сам на себя напал, чтобы бросить густую тень на конкурента и выколотить из правительства побольше бабок на укрепление безопасности.

– Высказывание достойное аплодисментов. Я так тоже считаю, Шошана, но мне это объяснение кажется плоским, а не выпуклым. Мы ведь не должны бросаться на первую же приемлемую версию, как тощая рыбка на жирного червячка. Почему? Потому что рыболов, когда нанизывал на крючок этого червячка, как раз и был уверен, что мы им соблазнимся. Ну, давай же, проснись и включи объединенный разум. Ты ведь не просто две руки, две ноги, длинные, кстати, ладная фигурка и приятное личико. Ты – объединение, сверхорганизм, за тобой много рук, ног, фигурок, мозгов.

Я растворил в стакане таблетку «туборга» и глотнул свежего пивка, она кинула в рот взрывной леденец и поперхнулась – похоже, я ее задел.

– Вот тебе мнение, хочешь, считай его личным, хочешь, групповым. Караванщики, или во время перехода, или до него, еще на прииске, увидели и поняли то, чего им не надо было видеть и понимать.

– Это уже версия, Шошана. Однако, смахивает на то, что по

решению твоего начальства можно выдать мне, если я стану слишком приставать. Но твое личное окошко для выдачи правды-истины неплохо бы и пошире распахнуть.

– С какой стати?

– Вот я перед тобой со всей своей подноготной и все у меня на физиономии написано. Я не люблю трудиться но, тем не менее, все время участвую в процессе космического масштаба. Чищу мир от гнили, искореняю садюг, насильников, зарвавшихся воров. Хотя и сам не без греха, иногда прощаю мелких жуликов и порой беру на лапу. Кроме того, я частенько залипаю в наркомультики, но нейроразъем позавчера залепил жвачкой, чтобы не зависать в виртуалках. Я – очень обычный, просто нолик. Даже отца с матерью нет. Но я не могу бросить серьезное дело на полпути.

Фемка отвернулась, будто ей совсем обрыдла такого сорта беседа. Только было заметно, как ходят – при работе с леденцами – тонкие косточки ее челюстей. Потом она, будто вспомнив нечаянно, произнесла:

– Как тебе кажется, могут на Меркурии обитаться какие-нибудь живые твари, помимо человека?

Хоть вопросом на вопрос, но уже ответ.

– Блохи, тараканы?

– Я имею в виду не тех тварей, которых космонавты переселили на себе и с собой. А принципиально иную форму жизни, по крайней мере, неизвестную нам дотоле. Интересная тема, так ведь?

– И это ты называешь интересной темой, Шошана? Если бы, конечно, мы с тобой были два соавтора и кропали на пару фантастические романы – совсем другое дело... Правда, не знаю, как у тебя с литературным слогом. Ну, допустим, есть какие-нибудь низконравственные, но хитрожопые кактусы, которых мы просмотрели за двадцать лет хозяйственного освоения Меркурия.

– Если бы кактусы. Такую тварь немудрено просмотреть, потому что это другая форма материи, скорее всего паразитирующая на нашей. Но ее жизнедеятельность – я не боюсь этого слова и ты не бойся – напоминает о грибах и некоторых микроорганизмах.

– Да вы, фемки, я посмотрю, девчонки с фантазией...

Но попутно с ухмылкой начался у меня мыслительный процесс. Моим товарищам ментам во время полицейской экспедиции отнюдь не показалось, что на моем месте очутился вихрь. Может, эта и была иноматериальная тварь, которая попаразитировала на мне. И отпустила потом. А директор Медб К845? А его не отпустила. Теперь стоп. Хватит бредить. Пусть

даже отличился какой-то "гриб", распространяться об этом происшествии не стоит. Ибо неизвестно, что он сделал со мной.

Но Шошана не остановилась.

– Похоже, лейтенант, что эта иноматериальная живность прорастает сквозь планету, причем по законам системы симметрий, о которой я тебе недавно говорила. Именно поэтому мы... я ее чувствую. Не в какой-то локальной симметрии, а в очень масштабной, выходящей далеко за пределы известного нам.

– Ты меня пугаешь, девочка. А что из этого следует?

– Что я не могу предсказать, по каким правилам играет эта тварь. Представь себе макромир – надеюсь, тебе известно это слово – стоящий не на целочисленности и дискретности тел, а, например, на непрерывности. Пол чайника – это что? Чайник то появляется, то исчезает? Или его вообще не видно, лишь проявляются его свойства? А легко ли жить в многополюсном мире? И что такое пространство, вобравшее в себя время?

– Ну-ка, дай и я поиграю. Если невидимые меркурианские грибы и существуют на этом свете, то приручить их могут только фемы, понимающие в симметриях. Постой, а директор Медб К845 не была ли фемом?

– Фем, одна из лучших наших сестер.

Тут я понял по тусклому голосу собеседницы, что взаимосвязь у фемок действительно сильна, что злоключение с "сестрой" не просто запись в графе "безвозвратные потери". Кроме того, враг не просто забрал их "сестру", но вдобавок "познал" ее. Дружный экипаж боевых девок получил пробоину.

Я протянул свою граблю и погладил Шошу по руке – фемка не отстранилась.

9

"Мы не просто попадем в долину Вечного Отдыха. Мы попадем туда с неожиданной стороны. Наше преимущество также в том, что мы будем спускаться с возвышенности и даже сквозь пыль поразглядываем, что там творится. Солетта уже прибыла с ремонта и снова мерцает нам с орбиты... "

Это я записал в бортовом журнале утром.

А получилось так, что мы перлись целый день невесть куда. В заданную точку не попали, ничего узнаваемого нет. Марсианам поясняю, что ваши пустыни – пример живописности по сравнению с нашими. В общем, заехали мы не на бережок моря Старательские Слезы, а в какую-то Тьмутаракань.

Меркурий – это как посудная лавка, в которой чашки и тарелки долго били, топтали и плавили, поди разберись, где тут севрский фарфор, а где ночной горшок. Система ориентации по спутникам мало кому из наземников пригождалась – попробуй установи связь сразу с двумя сателлитами. И по магнитному полю Меркурия хрен сориентируешься. Если даже не затесалась под ноги магнитная аномалия, солнце окатывает планетку, как из ведра, своими протонными вихрями. Единственная надежда у странников на счисление курса борткомпьютером. Но ежели возникает постоянная курсовая ошибка, то вездеход начинает упорно ползти в какую-то задницу.

Не рановато ли я доверился фемке и передал ей в безраздельное владение борткомпьютер, по-мужски взяв на себя кипящий и булькающий реактор. Да, я действительно люблю кипящие реакторы – с тех пор как в старшем классе детского питомника построил самогонный аппарат – но не до такой же степени, чтобы плевать на все остальное.

А тут еще машину стало бросать. Урчание, взвизги, даже хрюканье. Это несмотря на то, что поверхность ровная, рычаги мощности никто не дергает, а электроприводы, судя по датчикам, такую тягу дают на колеса, какую надо – исходя из сцепления с грунтом. Я пощелкал клавишами диагностики – генераторы, турбина, приводы – все в норме. Значит, с реактором нелады. Если он барахлит, то это моя вахта.

Запустил слив натриевого кипятка из активной зоны, ввел туда замедлители нейтронов, напялил скафандр – тот в брюхе уже свободен мне стал, тощаю в отсутствие бацилльных харчей – и выбрался через шлюз. За бортом умеренное волнение пылевого моря.

Когда проходил мимо холодильника-радиатора, померил

тепловое излучение – перегрев налицо. Отпер ключом люк, на котором нарисован смеющийся череп, поднял циркониево-керамический колпак отражателя, затем торцевую крышку, повращал барабанами управления. Так и есть, спеклись урановые шарики, несмотря на пирографитовую упаковку. Опять же борткомпьютер сплоховал при контроле подачи и вывода из активной зоны сраных этих шариков. Теперь придется шматки клещами выкидывать на песочек, а остальное пропускать через сепаратор.

Когда я вернулся в кабину, фемка какая-то взъерошенная была, словно замела только-только следы своей бурной деятельности. Я промаршировал к борткомпьютеру – ага, не успела убрать изменения из системного журнала! Вот они – прежние контрольные точки и курсовые параметры. Для сравнения я рядышком разместил новые фемкины цифры. Не сходи-и-ится!

Едва все понял, как она нанесла удар, ногой по среднему уровню, как раз в то место, куда собираешься двинуться. Но я и до этого вполглаза за ней присматривал. Поэтому не облажался...

Да еще как!

Я сделался совсем не таким как всегда. Коконом, состоящим из множества пульсирующих струй, похожих на кровеносные сосуды. Вместе с их пульсацией я ощущал симметрию состояний. Ботинок фемки впаялся в панель борткомпьютера, от которого я успел откатиться. Пока девушка возвращалась в исходную позицию, я успел сцапать с переборки огнетушитель и впаял им по ее стриженой голове. Вернее по тому месту, где недавно была цель – фемка согнулась с той же быстротой, с какой лопается бутылка с водой, выставленная на меркурианский холод. Вследствие этого ее голова воткнулась мне в живот. Я опрокинулся и увидел подметку, опускающуюся мне на физиономию. Опять проигрыш...

10

Я ощущал спиной палубу, даже сварной шов чувствовал – надо мной склонялось ненавистное лицо Шошаны. Прежде чем попробовать ударить ведьму, скосил глаза вбок, освежая знания об обстановке. Что за бурда-муда – панель борткомпьютера цела! Я сел, сунул в рот сигарету – от дыма в голове немного прояснилось. Шошанка была матово-бледной, как пепельница, по ее пальцам гулял тремор.

– Погоди-ка, ты разве не расквасила ногой борткомпьютер?

– Это еще зачем? Тебя заэкранировало, ты оказался… в какой-то сжатой копии нашего мира.

– Типа миража?

– Типа, но он был вполне реальным.

– Погоди, а сейчас мы где находимся? Почему врет система счисления курса?

– Система счисления не врет, нас обманывает пространство, в котором мы движемся.

– Да, Колумб тоже ехал в Индию, а попал в Америку, но он-то не просыхал всю дорогу. Единственное, чему я доверял, это было пространство…

– Несколько раз я пыталась в рамках системы симметрий подобрать такой курс, чтобы выбраться из нее, – сообщила неумолимая Шошана. – Но все без толку. Оттого и не хотела тебя пугать. А теперь проверяй расчеты, – распечатка белой птицей пронеслась рядом с моим ухом. – Время, потраченное на движение, становится ничем, оно словно сжирается пространством, делается дополнительным его измерением!

Впервые я видел Шошану, искренне растерянной или, может, потерянной, отчего у нее появились крупицы женской привлекательности. Не побоюсь даже таких слов – звездинки сексуальности.

– Ну, будет тебе, Шоша. Если я правильно тебя понял – то мы здесь не состаримся, потому что пространство харчит время.

Меж тем в меркурианской мгле появилось голубоватое свечение. Похожее на множество выпущенных невесть кем голубеньких ниточек. Это кто ж демонстрирует себя в рекламном неоновом сиянии? А потом на горизонте замаячили странные контуры…

Представьте себе, лазерный дальномер вам показывает, что расстояние до горизонта уменьшилось вдвое и бодро продолжает укорачиваться. Причем даже локаторы улавливают, как притягиваются к нам объекты, которые мы недавно миновали –

глыбы и скалы. И настает момент, когда на горизонте замечаем самих себя, причем невероятно разбухших. Мы рассматриваем это словно через огромадное двояковыпуклое стекло. Вездеход, похожий на гору, а рядом с ним фигурятина Годзиллы, в переложении на нормальный счет – километров пяти в высоту.

– Мы, не в бреду будет сказано, наблюдаем самих себя, точнее тебя, когда выходил наружу разбираться с перегревом реактора. Пространство впитывает время, лишая нас… будущего. Мы как мухи в перевернутом стакане.

Последние слова прозвучали уже в плаксивой интонации. Тут она опустила голову на панель управления, и плечи у нее задрожали от вполне женского плача – ну вот, прорезалось.

– Я понимаю, Шошана, что приятного в этом мало. Мы переводим топливо, растрачиваем запасы кислорода. Но вдвоем проигрывать всегда веселее. Ты жалеешь меня, я – тебя, и мы плачемся друг другу в жилетку.

Я опустил ладонь на ее зыбкое плечо, потом аккуратно перевел стриженную головушку с панели управления – еще нажмет там кнопку катапультирования – к себе на грудь. Затылок, ушки, тонкие косточки висков и челюстей, пульсирующие жилки – все это было такое трогательное.

– Шоша, может тут что-нибудь взорвать, чтобы там, за пределами «стакана» аукнулось.

Она резко выдернула голову. Глаза у нее были само собой мокрые, влажные и теперь из-за проявленной слабости злые, как у зверька.

– Насколько я понял, Шоша, система симметрий универсальна. Если мы даже несколько заплутали в чужом пространстве, то все происшедшее ЗДЕСЬ – если, конечно, бабахнуть как следует – будет иметь отдачу ТАМ.

– Ядерный мини-взрыв?

– Я люблю другое "мини", но и это мне по вкусу. Двести тридцать пятого урана у нас не так уж много, зато не будет возни с субкритическими массами и обогащением топлива. Под лучом гразера все сработает при более скромном количестве и качестве материалов. Килотонну тротилового эквивалента как-нибудь устроим.

Как изготовить мини-атомную бомбу из подручных средств? Если не надо мучиться с обогащением урана, то плевое дело. Я когда-то читал соответствующее пособие, и Анима быстро растормошила в голове необходимый пласт памяти. Хорошо, что в бортовом шкафчике покоился робот для слесарных работ.

Я обдирал пирографит с урановых шариков, воскрешенный слесаришка укладывал их в брикеты, скреплял проволокой и

обматывал отражателем для нейтронов. Потом я втиснул получившийся пакет в расщелину скалы, рядом поставил на треноге гразер, включил, нацелил, установил таймер и бросился наутек. Едва мы отъехали на пять километров и спрятались за внушительную глыбу свинца, как шарахнуло, после чего вырос одуванчик мини-атомного взрыва. Однако не успел он еще подрасти, а уже стал разжижаться и рассопливливаться, будто кто-то тянул из него силенки. Мне даже показалось, что его выкручивают, как мокрую тряпку. Раз – и забултыхалось вместо ядерного гриба что-то похожее на огромную драную простыню, потом куски ее стали утончаться, превращаться в полосы, те в нити – уже знакомого голубоватого оттенка – ии они тоже потаяли. Не осталось ничего кроме длинноволнового излучения. Пространство опять-таки съело потраченное время и горизонт стал еще более тесным.

Шошана была совершенно пригвождена этим фактом, плакала безутешно и всерьез. А мне как-то весело было даже, оттого, что ей было грустно. Ведь всего несколько дней назад ей было все известно, в отличие от меня.

Время, потраченное на движение, превращается в путь, ведущий к какой-то иноматериальной твари, назовем ее уже не грибом, а демоном. А не потраченное время во что превратится? Может, оно станет путем выводящим.

Если демон жадно хавает любой импульс движения и только жиреет за счет него, мы не дадим ему этого импульса.

У меня в голове такая картинка возникла. Вот мы – вроде паучка на стенке чашки. Он карабкается изо всех сил обратно на край сосуда, но от проявленных усилий только сползает вниз. Почему? Потому что он передает импульс движения поверхности – которая, такая-сякая, заполучив его, еще более искривляется, изгибается в сторону, совсем ненужную паучку. Короче, чашка только глубже делается. А не станет он передавать, глядишь – и спрямится поверхность. Или того больше – теряя энергию, выгибаться начнет в обратную сторону. И паучок, следовательно, благополучно скатится с поверхности этой, как с горки, но уже туда, на волю.

11

Таблетки с пивом кончились и уже перешел на таблетки с джином и тоником, глядя, как голубенькие мерцающие ниточки тают, а над нами лениво проползает марево. Оно было похоже на время, которое, освобождаясь из вражеского плена, на радостях поглощает растолстевшее пространство. А когда основательно обглодало его, то голубые ниточки совсем погасли. Вдобавок сквозь рассасывающееся марево проступили столь приятные ныне глазу очертания горы Череп. Оказались мы ровно на том месте, от которого двигались трое суток.

А потом мы наконец двинулись в путь – перед горой Череп свернем налево, затем протиснемся по краюшку каньона Канон, и отважно рванем через низину Шабашкин Суп.

В той самой низине я чуть ли не треть пути перся впереди вездехода, как бурлак на трогательной картине известного художника Репина. Впрочем, художник картину выдумал, а я видел настоящие фотки, как голландская бабка тащит парусник по каналу. Короче, бежал на мокроступах впереди брони и определял собственным телом, где тут есть дорога, а где – жадная меркурианская трясина.

Когда мы с Шабашкиного Супа выбрались, я быстренько прописался в кабине, и со словами «друзья познаются в еде» накинулся на праздничный стол: цыпленок табака в пилюлях и борщ-порошок. Но не успел такой сомнительный обед расщепиться в моем желудке, как нас попытался продырявить кумулятивным боеприпасом какой-то свинтус.

Я только успел крикнуть: "Мать его за ногу", а вот Шошана своим собачьим нюхом загодя учуяла готовящееся покушение, вернее заметила искусственность в естественном пейзаже. Она вовремя поставила вездеход на задние паучьи лапки, поэтому кумулятивный боеприпас просвистел под днищем. Оправившись, я застрочил по врагу из массивного бортового плазмобоя.

Среди дымных фонтанчиков – там пучки плазмы обжаривали камни – мелькнула зеркалящая поверхность какой-то машины и тут же исчезла. Когда корпус нашего вездехода из вздыбленного положения опустился на грунт, то выяснилось одно пренеприятное обстоятельство – выстрела было два. Второй вывел из строя приводы двух колес.

– Шоша, враг прячется в расселине. Небось, думает, что мы побоимся за ним туда сходить. Правильно думает, мы боимся. Да только если мы не снимем с его машины недостающие теперь приводы, то барахтаться нашему дружному экипажу осталось

недолго. Так что я пойду пообщаюсь.

– Ты что, не доверяешь мне после всего? – как бы между прочим уточнила Шошана.

– Электроприводы умею демонтировать только я. Кроме того, если один вляпается в историю, то должен быть другой, который придет ему на выручку. Об этом во всех романах напачкано.

Грунт здесь был по-особому дерьмовый. Даже в мокроступах нога утопала чуть ли не по колено, создавая впечатление, что шагаешь по свежей овсяной каше. Раза три я плюхнулся в нее, вымазался, облип трухой, зато внешне почти слился с местностью. Наконец, добрался до расселины, а фактически до ущелья. Противоположный склон метрах в двадцати, хоть и бугристый он, ховаться там вездеходу негде. А все равно зуб даю на вырывание, что вражеский трактор где-то здесь. Ведь никто никуда по равнине не удирал.

И тут башка сварила идею. У ущелья есть дно. У всех ущелий оно имеется. Только здесь дно закидано многометровым слоем густой трухи. Сдается мне – совершив очередное преступление, злодеи ныряют на дно и ждут момента, когда можно снова.

Мой взгляд посвежел и я заметил яму на поверхности трухи – там будто великан по нужде присел. Я принялся аккуратно спускаться по склону. Тут из трухи, как раз в районе ямки, словно башка какого-то длинношеего монстра выбралась труба перископа и стала обводить окрестности пристальным взором. Играть в гляделки я побоялся и выбрал самый сомнительный вариант.

Я скатился по склону вниз. Вполне бесшабашно. Думал, что замаскируюсь, спрячусь с головой в рыхлятине, но не забуду уцепиться за твердую поверхность склона. Однако, едва погрузился в труху, как ноги перестали держаться на тверди и соскользнули с камня. Я понял, что склон тут загибается в противоположную от меня сторону, зона трухлявости уходит под него, а также вниз, причем неизвестно на какую глубину. Заодно скала стала крошиться под моими пальцами. Не успел я чего-либо предпринять и что-то особенно мудрое сообразить, как сорвался с загогулины скального выступа. И стал погружаться. Меня засасывало и вниз, и вбок, не встречая моего особого сопротивления. Наконец, я застрял в какой-то щели. Напоминающей ту скальную выемку, в которую древние закладывали уважаемые мумии больших начальников. Что и говорить, заживо погребен. Наверху скала, причем многометровая, сбоку дыра, через которую меня втолкнуло в щель, а за ней толстой слой трухи и пыли.

Приплыли – Шошане даже и не догадаться будет, куда меня

утянуло. Впрочем, и знай она, где я похоронен, все равно выцарапать меня никаких возможностей не представится. А кислорода на два часа. А еды на двое суток. Но через пару суток я вряд ли захочу покушать.

Для начала лучше немного расслабиться, попробовать и в столь неприглядном месте улечься поудобнее, в позе трупа. Тьфу, опять труп. Лучше вспомнить кроватку в "Мамальфее". Четвертушка века ухнула в прорву, а я отлично ее помню. Она нам маму заменяла. В пять лет уже было достаточно поводов для нервотрепки, хватало кулачных поединков, а заляжешь в нее, скуля от синяков и... Мягкий мерцающий свет, воздух с меняющимися травяными ароматами, легкое дрожание постельки и голос ласковый, ласковый, с земным акцентом. "Спи, моя радость, усни..." и все такое. Мне с тех пор все голоса неласковыми кажутся.

На какое-то время дремота – очень сладкая дремота – чуть не поглотила меня. Но некий внутренний зуд (не спи, покойником станешь) удержал мое, с позволения сказать, сознание от усыпания. А потом внутри меня что-то зарезонировало с тихими колебаниям скалы. Я это не сразу понял. Вначале просто показалось, что по организму ползают стайки разнокалиберных, но все же мелких мурашек. Зудежно, щекотно.

Однако, немного погодя разобрался, что скала похожа на вибрирующий студень с ниточками пульсаций. А эти пульсы словно ниточки пробегают сквозь меня. Скала была куда живее, чем казалось на первый взгляд. В ней имелись всякие пульсации: и очень подвижные, готовые разорваться, и будто раздувающие ее, и похожие на мягкие переливы, и медленные вибрации долготерпения, которые как бы скрепляли камень, не давая ему стать трухой. Этим колебаниям стали отвечать и "подмахивать" мои полюса, которые, гудя вибрациями, все больше давали о себе знать. Я имел дело с иномирьем, миром, подстилающим нашему. Он был глубже молекул, атомов, субнуклонов. В этом иномирье, в какой-то глубине, я состоял из того же, что и скала. Мы были как муж и жена в каком-то смысле. (Только не посчитайте меня за тех извращенцев, которые вступают в законный брак с предметами, даже такими эстетически законченными как роботессы.)

И внезапно подтвердилась древняя мудрость: чтобы хорошо жить, надо уметь вертеться.

Я опять почувствовал себя человеком-юлой. Из полюсов моего тела вырвались вихри. Вихри расплывались все больше и немного погодя стали быстро плывущими клубами напряженного тумана.

Я ощутил соколебания со скалой, и, увы, – мне стыдно и я горжусь своей стыдобой – некий вид соития с ней... Если

выберусь, подумал я, обязательно сделаю детскую надпись на камне: "Терентий + Скала = любовь да траханье". Она, как пылесос, ласково втянула меня, я распределился в ней, во всех ее внутренних и внешних изгибах. Что говорится, лучше нету того света.

Да, я мог уже сделать любовное признание. Скала была теперь для меня не тупой твердыней, а посекундно меняющей очертания зыбкой туманностью. Очень симпатичной туманностью с несколькими полюсами напряженности, которые так приятно щекотали меня со всех сторон. Однако в тумане нашего единения объявились совершенно посторонние малоприятные пульсации. Очень простенькие, почти механические. Кто их посмел источать?

Тонкие волокна моих пульсаций оплели чуждые вибрации. Я импульсивно устремился вдоль получившегося проводника, полетел как стрекоза на мерцающих крылышках. А в реальности, резво разгребая труху, пополз вглубь скальной трещины, в противоположную сторону от дыры, через которую я в нее попал.

Неприятные пульсации четко вели меня к соцветию пятен в туманности скалы, которые выделялись своей грубо жужжащей наэлектризованностью.

Потом зрение мое переключилось из мира полюсов и пульсаций в наш обычный-сермяжный. Опаньки! Я уже в пещере. Типа гараж. А в нем стоит байк-вездеход.

Когда я стал пробираться к байку, чтобы незаметно затрофеить его, он двинулся вперед, а гараж превратился в тоннель. Тут я быстро врубился – из пещеры на поверхность тянется кишка, наполненная металлорганическим гелем. В нужный момент под влиянием электромагнитного импульса гель меняет свое аморфное, сопливое состояние на самое что ни на есть жесткое, отчего кишка становится крепкой трубой.

Байк-вездеход промчался по тоннелю-кишке, выскочил из «ануса» и стал карабкаться на склон ущелья. Я несся следом с такой скоростью, будто у меня в штаны было наложено много динамита и кто-то поднес фитиль. Но по дороге сообразил, что не успеваю, сейчас тоннель закроется. А запасе только ракетница с одной управляемой ракетой.

О, чудное мгновение! Подбитый байк-вездеход перевернулся и пустил дымок. Когда я подскочил, его люк раскрылся и оттуда вместе с клубами пара выпростался мужик. Я навел на него пустую ракетницу, он, словно от удивления, выронил свой плазмобой, который мигом перекочевал ко мне.

– Ты зачем стрелял по моему вездеходу, дурной? – стал допрашивать я. – Заказ имеешь на мою персону или по всем так палишь?

– Какой заказ? Живу я этим, тут ведь регулярно кто-нибудь проезжает. Двух пропущу, третьего проработаю.

– В общем, честный разбойник. Прекрасный пример для юношества. Ладно, двигай, мне за автогеном пора, приводы сниму с твоего байка. Он ведь тебе больше не понадобится. Так что, попрошу вперед, только без резких движений, они меня очень нервируют.

Захваченный в плен бандос стал послушно карабкаться вверх. За ним с пыхтеньем – я. Когда до края обрыва оставалось меньше метра, он вдруг поскользнулся и поехал на животе вниз по склону. В тот момент, когда его сапог оказался – если прочертить нормаль к поверхности – на уровне моего шлема, пленник запаял мне каблуком по чайнику. Сообразно силе пинка, я был брошен в никуда. Руки оторвались от камня, тело выписало дугу большого круга градусов в двести. После чего я ухнул вниз по склону, но резко выкинув вперед раскоряченные пальцы, смог затормозить. Пока я этим занимался, бандос выдирал оказавшийся у меня под боком плазмобой. Когда мне удалось привстать, упершись ногами в какой-то уступ – оружие оказалось в руках счастливого соперника. Ах, зачем я не захватил с собой лазерного ножика – думал, что помешает, а ведь помог бы.

Сопернику повредило лишь то, что он находился слишком близко от меня, причем в неустойчивой позе. Поэтому он не сразу развернул в мою сторону метровый ствол. Пока разворачивал, я поймал дуло рукой и опять-таки отвел в сторонку. А разбойник по инерции мышления выстрелил, отчего был отдачей опрокинут на склон, по которому еще и съехал вниз. На этот раз его шлем оказался близко к моей руке, та случайно подхватила каменюгу – если точнее, кусок свинца – и сыграла по его забралу. Вообще-то эта стекляшка делается из очень прочного сплава, однако по моей руке как по шлангу пробежала пульсация от одного из полюсов. Короче, забрало треснуло и разлетелось.

Не в первый раз я видел, как кончаются люди, столкнувшись один на один с разреженной атмосферой Меркурия. Как, налившись кровью, лопаются глаза, как сочится сукровица сквозь кожу, которая вскоре трескается, будто кожура гнилого фрукта. И пусть бандос был стопроцентным гадом, я бы рискнул ему помочь, имейся хоть какая возможность. Ведь кодекс кшатрия рекомендует (но все-таки не обязывает) лишать врага жизни наиболее благородным образом. Но возможность отсутствовала. Впрочем, пострадавший почти мгновенно расстался с сознанием. Я и себе такого хочу. Это лучше, чем попасть на обед в виде блюда некоторым муташкам, которые вкушают плоть своих сограждан. И не ради полового удовлетворения, как земные

садисты – наши людоеды в этом отношении невинны. Им просто нужны гормоны и витамины, что имеются лишь в живой громко кричащей еде.

После такого неприятного инцидента я поспешил вверх по склону и, перевалившись через его край, почти бегом направился к родной машине – из-за нехватки кислорода уже звон в ушах. Влетаю в кабину, а Шошаны нет там. Ну и сюрприз. Я сунул в ребризер новую плитку кислорода и отправился искать товарища. Или товарку, не знаю, как правильно выразиться. Лишь бы ей не сверзиться в эту труху.

А нашел я ее возле того мертвого бандоса. У него замерзшее месиво вместо лица, а она сидит рядышком.

– Шошка, уж не принимаешь ли ты его за меня?

– У него даже Анима не откликается... А ты сволочь, любитель приключений сраный, – выговаривает она искренне, впервые с некоторым чувством.

Но вижу, выговор выговором, а автогеном она аккуратно уже два электропривода срезала. Ладно, чего с них, фемов, взять, они же машинообразные.

Когда мы тело невезучего бандоса, раскачав, предали трухе, и закончили замену электроприводов, и вернулись в рубку, то так уютно стало, что я даже зажмурился от удовольствия. Что твой котяра. Растворил себе таблетку ирландского виски, из заначки достал лучшего марсианского табака, забил косячок, затянулся. Шошанка села на палубу, облокотившись спиной на бортик моего кресла, а коленки обхватив руками – ну прямо семейная картинка. Тут я у нее все-таки поинтересовался.

– Ты как-то изменилась последнее время.

– И это напрягает, – подхватила она. – То, как я сейчас себя веду, – это не фемское поведение.

– Еще бы. Ты очеловечилась. Отчасти. Может, потому что мы с тобой ведем совместное хозяйство, как испокон веку, как сто и тысячу лет назад заведено было. Кстати, ты отлично готовишь, в смысле растворяешь пищевые таблетки. И ты можешь на меня положиться.

Я опустился рядом с ней на палубу и, чего-то вдруг осмелев, приобнял фемку за плечи. Нормально, есть контакт! Тогда еще один шажок вперед.

– Не бей меня, Шошана, пожалуйста, в челюсть после того, что я сейчас сделаю.

Для начала она промолчала. Полумрак скрадывал резкость ее черт, а может они мне уже не казались такими резкими. Я погладил ее стриженный затылок, волосы были жесткие, колючие – впечатление такое, что приголубил ежика – но в ладонь

приходило тепло. И я рискнул – приложился, как следует, к ее губам. По краям они были жесткие, но в середке и вглубь мягкие, даже ласковые. Секунд через десять она меня отпихнула.

– В челюсть бить не буду, но по кадыку могу запаять, противогендерная ты особь. На мой взгляд, всё это – половое извращение.

– То, чем мы с тобой сейчас занимаемся, вполне легитимно и имеет долгую историю. Так было всегда, чтобы там ни плели фемы.

Я просунул руку ей под куртку. Это был ответственный момент. Ситуация казалась практически смертельной. Я невольно вспомнил картинки из книжки – мускулистые самки разных насекомых: богомолов, скорпионов и прочих вредных тварей пожирают без зазрения совести своих хиленьких дружков. Иногда прямо после признания в любви. Одна моя рука была занята, другая прижата к боковушке кресла. Фемка же двумя своими (вполне свободными и умелыми) руками могла бы мне мигом свернуть голову, как курице, или резким тычком расплескать живот. Действительно, на какой-то момент она напряглась, я почувствовал ее необъемистые, однако стальные мускулы, но потом напряжение ушло.

Шошана признала за мной право, у таких дев-воительниц это означает, что она посчитала себя проигравшей какое-то сражение. Кожа у нее была гладкая и прохладная, а известные выпуклости все же больше, чем казалось при наружном осмотре. Я, стараясь не делать резких движений, стянул с нас двоих лишнюю одежку. В общем, выяснилось, что она – ладная деваха. Ножки-ножницы, как у куклы Барби, талию будто затянули изо всех сил невидимым ремешком. Пальчики ее мне всегда в кайф были – длинные и узкие, такими не только душить, но и ласкать удобно.

И в самом главном деле Шошана отчасти разбиралась – может, потому что хорошо знала анатомию. Однако проявляла она в этом деле известные принципы. Никаких излишеств – так, наверное, ведут себя царицы и валькирии.

– Однако, как сказали бы синоптики, зафиксировано выпадение греха, годовой нормы для этой местности, – подытожил я.

После столь тесного времяпровождения я изрядно повеселел, а она, пожалуй, помрачнела.

– У тебя такой вид, Шоша, будто ты собираешься посетить венеролога или уйти от своих фемов в декрет. Что касается первого, то я, как любой приличный полицейский, проверяюсь на инфекции бесплатно каждый день. И от второго варианта не трепещи. Даже если мы заведем эмбриончика, его вырастят

добрые аисты в пробирочке, когда мы, конечно, заплатим. Радуйся, я – твой.

Но она не сказала: "А я твоя", она призналась совсем в другом.

– Ты меня подавляешь. И мне это не нравится. Подавляешь отнюдь не физически и даже не умственно. Понимаешь, все фемы соединяются меж собой с помощью нескольких центров симметрии. Так вот одно важное соединение сейчас утрачено, и затухание синхронной пульсации – это такой канал связи – происходит именно из-за тебя.

– Подумаешь, одним соединением стало меньше. Без твоих симметрий тоже жить можно, причем припеваючи. Если тебе покажут на дверь в твоем родном коллективе, придешь трудиться на пару со мной в полиции. Если меня, а заодно и тебя, выпрут без выходного пособия из полиции, переквалифицируемся в старатели. Поднакопим деньжат – по-моему, у нас это получится, если подрабатывать иногда на большой дороге – плюнем на этот сраный Меркурий и поселимся где-нибудь на Марсе, на худой конец, на Ганимеде. Знаешь, какие там пейзажи...

– Ты балбес непонятливый или артист, умело придуривающийся? Мне или на Меркурии жить, в системе всех необходимых мне симметрий, или нигде.

– Ладно, Меркурий не сраный, а весьма милый, особенно в хорошую погоду. Он мне тоже очень нравится. Я его, между прочим, уважаю – он маленький да удаленький. Вернемся в Скиапарелли, найдем бабку-знахарку, она тебе все симметрии мигом наладит. Если даже не желаешь отрываться от своего коллектива, будем просто встречаться. Ходить вместе в кино на утренние сеансы, на елку, целоваться украдкой в темных дурно пахнущих углах вроде мусороперерабатывающего завода.

12

– Вот она – долина Вечного Отдыха. Похожа на ложку. Только какое-то время назад эта ложка зачерпнула дерьмового варева. Похоже, что нас нынче ждут – не дождутся с хлебом-солью.

Несмотря на пылевую завесу я различаю заграждение – цепочку тракторов, которая протянулась поперек тракта. Плюс пара кибиток.

Цепь была настроена воинственно, даже с приличного расстояния проглядывались серебристые дула плазмобоев. А мы будем демонстративно миролюбивы. Я остановился метрах в десяти от ближайшей машины. На связь никто не выходит. Приглашают, значит, на стрелку. Я без особой охоты напялил скафандр, из оружия ничего кроме маленького лазерного ножика, да пары гранат не взял. Если и пригодятся боеприпасы, то только незаметные. Когда я выбрался в сумерки, одна из кибиток помигала мне.

Внутри нее сидели трое господ в довольно скованных картинных позах и еще двое мужланов строго стояли со сквизерами. Эти двое хотели было забрать у меня пушку, но я демонстративно развел руки и заулыбался, показывая, что дружелюбен и миролюбив. Среди встречающих был шериф Анискин, у которого теперь растекался синяк на оба глаза, но по счастью отсутствовал пахан, которого мне пришлось обидеть в прошлый раз. Физиономии присутствующих не вызывали оптимизма, напротив, от них хотелось взгрустнуть.

– Ну, представь, меня, шериф, публике.

– Пару недель назад этот тип был лейтенантом полиции из Скиапарелли. Кто он сейчас такой, я не знаю.

Анискин, судя по фигуре типа "шкаф", родом из питомника "Берлога", что на Титане. Как, впрочем, и Мухин. Там, во-первых, не умеют давать малькам приличные имена, а, во-вторых, накачивают их мускулатуру с помощью искусственной гравитации. Оттого Мухин с Мухиным такие внушительные на вид.

– Фу, шериф, так не принято в высшем свете, – напомнил я. – Это еще хуже, чем пускать ветры при дамах.

– Ты лучше молчи, пока не спросят. Это будет полезно для твоего здоровья. Давай-ка свою персон-карту, – устало сказал густоусый человек, находящийся во главе стола. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять – он тут главнокомандующий.

– А, мент, к тому же не при исполнении, – недружественным

тоном произнес усатый командир, пропустив мою карточку через идентификатор.

– Если точнее, в отпуске. Кроме того, я не из «Миража» или «Комбинации», а из префектурной полиции, – голос мой завял от безнадежности.

– Да все вы одной какашкой мазаны. «Мираж», «Комбинация», префектура... – глубокомысленно произнес командир. – Думаешь, отпуском своим нам головы заморочишь. Не на тех нарвался, легавый. Так вот, если в течение часа не уберешься отсюда, я тебя велю расстрелять, а тело спровадить в полынью.

– Мне почему-то всегда казалось, что меня велят повесить... Послушайте, генерал, я уважаю ваши решения, также законы и даже красивые старинные обычаи, но мне не хватит кислорода и воды на обратный путь. Я рассчитывал прикупить здесь.

– Значит, тебе не повезет. Ты не в магазин попал. Я всё сказал.

Хоть садись в трактор и тарань всю эту шеренгу дураков в лоб.

– Почему ты не хочешь растолковать мне причину такого недружелюбия, командир? Я ведь пригодиться вам могу не только в виде трупа. Я поспешил сюда пару недель назад, потому что хотел вычистить всю мерзость из вашей долины. Так мне тут никто слова по-доброму не сказал. Своих покрывали, да? И кому вы навредили, чудаки. Мне? Посмотрите в мои проницательные глаза... не отводите взор. Я единственный, кто может с этим мокрым делом разобраться. А иначе «Комбинация» с «Миражом» здесь будут танцевать на ваших костях.

– И "Комбинация", и "Мираж"? Густо мажешь, – отозвался усатый.

– Кому-то надо, чтобы Совет Уполномоченных, широкие и узкие народные массы не узнали о тайне долины раньше времени. Поэтому кто-то расследование мне перекрывает и на пути сюда пытается угрохать. Вначале налетают коптеры и хотят сделать из меня цыпленка табака, когда же я выписываю огромный крюк и снова возвращаюсь на старую дорогу, то пытаются подбить из гранатомета. Посмотрите на заплаты моего вездехода.

Общество над чем-то задумалось, возможно о сроках расстрела.

– Все-таки без кислорода и воды тебе хана, поэтому тебе есть резон красиво говорить, – проницательно, как ему показалось, заявил густоусый.

– Машину мне сделал сам Филимон – у этого трактора мощность на треть выше среднестарательской – реактор-то

кипящий. И вооружения у меня хватает. Так что, если припрёт, я смогу одолжить все что нужно у первого встречного – и кислород, и водород. Потом фиг меня догонишь. Но я хотел бы пообщаться с парнем по имени Дыня. При умелом подходе он стал бы многословен, как Шахерезада, и просветил бы нас во многих вопросах.

– Скажи ему, босс, – неожиданно вмешался Анискин, – скажи лейтенанту. Он, действительно, не такой гад, как все остальные в префектурной полиции.

"Не такой гад" в данных условиях выглядело почти комплиментом. Усатый, недолго пожевав волоса под носом, показал мне на стул.

– Садись уж, коли пришел. Действительно, видели тут одного наглого мутанта, с башкой-дыней. Нет, пожалуй, ему бы подошла кличка Арбуз, он был зеленый, словно полежал недельку в пруду. После того как он здесь пофланировал, нам вообще невмоготу стало. Столько всего сломалось, экскаваторы, буры и прочая техника. В основном, усталостный износ и электрохимическая коррозия, но в каком-то диком виде. А потом гафния не стало. Только железо и калиевая соль.

В этот момент лампочки внутри фургона замигали.

– Тьфу, опять электрогенератор скис, – сплюнул третий из сидящих за столом, коренастый и жилистый, как пень. – Опять унитаз лишь от педалей работать будет.

– Все время заморочки с электрогенераторами, потому что в обмотках какой-то запирающий слой образуется и само собой начинается быстрый разогрев. Принялись было питаться от термопар, один кончик суем в реактор, другой на холодок. И опять не то – урановое топливо перестало тепловые нейтроны давать. Это вообще ни в какие ворота не лезет. Вместо нейтронов пфуканье, от урана двести тридцать пятого (сто мозолистых гафняшек за грамм отдавали, кстати) свинец один остается, которому красная цена – одна тощая гафняшка за килограмм. Аккумуляторы разряжаются, будто какая-то пиявка несносная из них весь заряд выпивает. Думали, что это с прииска «Миража» нас чем-то облучают.

– И вам, наконец, это надоело. «Доколе?» – воскликнули вы и, расправив плечи, отправились на прииски «Миража» для разборки. Разве не так было? – я решил проявить ментовскую прозорливость. – Я вас не знаю, что ли.

– Разобрались... Отправились туда кодлой в двадцать человек, думали, разметаем все... Мы даже не добрались до прииска, и половина вообще домой не вернулась.

Тут уже все присутствующие не выдержали и заголосили

разом.

– Там еще такая голубая дымка была... Едешь в одно место, а попадаешь в другое... Назад уже тронули, а все равно из круговерти не выбраться... У кого мотор заглох, тот и выкарабкался, а кто очень старался, того и след простыл... Вот вам и Дыня...

– Цыц! – густоусый показал, кто тут хозяин.

– Знакомая песня. Все эти аномалии мне как-нибудь известны, – поддержал выступающих я. – Тоже попался, у Старательских слез. Вывод напрашивается, господа старатели – кто-то умело этими аномалиями пользуется!.. Ладно, чувствую, мы в одной лодке. Где можно остановиться?

Немного смутившись своим переходом от роли главаря расстрельной тройки к душевному собеседнику, усатый дал разрешение:

– В трех километрах к югу отсюда есть скала по имени Две Титьки. За ней пакгауз. На замке входного шлюза набираешь пароль "восход". Диктую по буквам: Ваня, Озирис, Сарданапал...

– Принцип понял, дальше не надобно.

– Там возьмешь, что тебе нужно, только не забудь в кассовом аппарате след оставить... Ты – один?

Неприятный вопрос. Надеялся, что обойдется без него.

– Я с напарником.

– Давай его персон-карту.

– Это – фем, – решил предупредить я, словно был хозяином большой злой собаки или, скажем, удава.

– Только такого напарника нам не хватало, – выражение лица у всех присутствующих было сродни тому, что бывает при внезапном недержании мочи.

– Что делать, командир. Мы выбираем, нас выбирают, – пустился в уговоры я. – Однако, фемы на нашей стороне. Они отнюдь не в друзьях с этой голубой дрянью, которая всех нас в оборот взяла. Кроме того, они минимум три раза поспособствовали моему пребыванию в списках живых. Сейчас без них с голубой заразой не управиться.

Командир с минуту прогревал мыслительный аппарат под озабоченное сопенье остальных.

– Ну, ладно. Мы или крупно просрем с тобой, или крупно выиграем. Поезжай, с фемом, с кошкой, с крысой, с кем хочешь.

Я вернулся в свой трактор и сообщил довольно напряженной подружке.

– Расслабься, свои люди. Очень обрадовались.

Шошана поскребла меня "наждачным" взглядом.

– Это вы так долго обо мне говорили?

– Мы так долго о тебе мечтали.

Через полчаса пакгауз, наконец, прорисовался на мониторе. Хотя Две Титьки скорее напоминали пару зубов. Впрочем, понятно, в какую сторону работает фантазия у обитателей долины.

– Шоша, я сейчас в пакгауз за топливом и едой. Лучше не откладывать это до утра, потому что, кто его знает... в общем, хватай, пока дают. А ты здесь посиди, потому что не дамское дело баллоны таскать.

Я развернул машину бортом к пакгаузу. Место это не слишком понравилось – многим известно, что я здесь побываю. Потому хотелось поскорее. Озираясь, почесал по насту к двери склада. Скоренько набрал код на замочке, преодолел один люк, затем другой. А когда уже сделал шаг навстречу припасам, какая-то дрянь набросилась на меня сверху и сзади. Что-то вроде мускулистой сетки или клубка питонов. Локти были моментом прижаты к животу, ладошки к забралу, пятки к заднице, коленки к груди. Комочек какой-то из меня получился. Потом то, что напало, змеиный узел этот, пару раз шмякнул моей тушкой о переборки. Когда я снова стал шевелить членами тела, то сетки уже не было поблизости, но чувствовался раструб плазмобоя, приставленный к моему шлему в районе застежек.

При пальбе голова оторвется и горшок шлема можно будет снять вместе с содержимым..

Свет неторопливо залил помещение и послышался голос вполне знакомый. Я вспоминал недолго. Это был пахан долины Вечного Отдыха.

– Я так и знал, что ты вернешься, – начал он сладким голосом Серого Волка из мультфильма про Красную Шапочку.

– Что это было? – выдавил я, страдая от сотрясения, – квазиживая сетка?

– Это совесть твоя была.

Он уселся на табуретку, не снимая меня с прицела, мне же предложил под седалище ящик. Физиономия у него действительно переменилась. Не знаю, в добрую ли сторону. Но хищное выражение вместе с частью щечных морщин, каковые образуются от жевания, снялось.

– Уж я теперь тебя с мушки не спущу, знаю как-нибудь твои ухватки, – елейным голоском продолжал собеседник.

– Решил поквитаться, Бугор?

– Да, прилично ты меня отоварил в прошлый раз. Но я и раньше не был кровожадным. А теперь вообще завязал.

– Что случилось с твоим мировоззрением, Бугор? Почему ты отказался даже от некрофилии?

Взгляд его стал еще менее цепким, даже начал таять в пространстве.

– Над Меркурием солнце всходит, лейтенант. Иное солнце. Которое сеет семена Новой Жизни.

Видал я уже таких вурдалаков. Поживут они, так сказать, страстями, самыми что ни на есть грубыми, потом у них что-то заекает в прямой кишке или зазудит в носу, и бросаются они с прежним рвением, только не губить, а спасать душу.

– Да ты в проповедники ударился, Бугор. Сладкие песни запел. Как там у поэта: "Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил".

– И в тебя это спора света заброшено, – не обращая внимания на мой скепсис, поведал пахан. – Но его проращивать еще надо, живой водичкой окроплять. А та кодла, которая тебя встретила в долине – просто камни бесплодные, на них семечку не взойти.

Как бы мне выяснить, отчего он мне про какое-то осеменение талдычит, фанат ли он или просто решил поиграть со мной? В первом случае пахан будет взахлеб проповедовать, а когда притомится, то пришьет меня. Во втором, покажет, какой наживой удовлетворится.

– Складно историю травишь, Бугор, надеюсь, что подпишешься под всеми словами. Правда, на мой взгляд, живая вода – это то, что сорока градусов. Я только не понял, сколько у твоей Новой Жизни ручек, ножек и где она прописана. Кстати, почему она так пренебрегает камнями? И на камнях плесень растет.

Зубы я заговариваю, баки забиваю, а сам пошныриваю глазами и мускулами незаметно двигаю. Но пока нырнуть некуда, фанат ли он, игрок ли, а раскурочит меня на мелкие жареные кусочки своим плазмобоем. Еще где-то в уголке зверская сетка своего момента дожидается. Но пока что этот позер меня вежливо просвещает.

– Новая жизнь может нас всех в два счета захоботать. Захочет и сразу подключит. Только от нас в таком случае мокренькое место останется, трупный материал, пшик один. К Новой жизни надобно добровольно приближаться, что говорится, без повестки, по зову сердца.

Рожа его посветлела, значит, все-таки фанат.

– Ты про что?

– Новая Жизнь – не начальник большой, не топ-менеджер, она – сумма, то, что получается в итоге. Только она способна приручить косное вещество. И камни, и скалы, и пыль, и твердь станут теплыми, живыми. Своими станут, родными. Только надо самому прорастить в себе ее спору.

Убедительно, ничего не скажешь. Это еще надо разобраться, почему демоны частенько воркуют о том же, что и ангелы.

– Будем считать, что все, сказанное тобой, правда. Обязательно сяду на грядке и стану проращивать в себе спору, хотя это довольно противно звучит. Только что тебе сейчас от меня надо. Подложить мину под штаб старателей? Или свистнуть у них кассу-общак?

– Зачем шкодить по-мелкому, лейтенант? Да эти фраера с бурилками сами сгниют в тени нашего единения. Не это ты должен. Ты обязан сбагрить мне фемку.

Вот так номер. Сексуальный уклон.

– Да ты бесстыжий, Бугор. Вот какая в тебе Новая Жизнь играет, проповедник.

– Ошибаешься, лейтенант. У меня тут есть две профуры, одна мясная бабенка, другая кибернетическая квазиживая, не чета твоим фемкам. Одну из своих тебе подарю. В обмен на мутантку. Центряк? Тогда подписывайся.

А может хочется ему поквитаться с какой-нибудь фемкой?

– Они ж тоже к Новой жизни стремятся.

– Да только живут по другому букварю. Думают, что им хватит законов симметрии. Никогда им вещества не оживить. А помешать они могут, потому что гордые слишком. Вот и надо, чтобы Новая жизнь раскумекала их, да жало им вырвала.

– Как-то грубо для просветленного.

Собеседник посмотрел умудренно, как пес, пережравший требухи.

– У фемок – ни корешей, ни приятелей, у них только связи. Ты их еще не знаешь. В так называемые "друзья" у них лишь те попадают, из кого можно выжать что-нибудь...

– А кто не выжимает друзей-товарищей?

– Наивный ты, лейтенант, – пахан сплюнул. – Твои мутантки сожительствуют с генетическим монстром. Это их матка, второй по старшинству центр симметрии, по совместительству любовник, и много еще чего... Может, долетел до тебя звон про материнские камеры? Так это просто емкость, большая параша, в которой, не вылезая, торчат маленькие фемы. В этих баках плещется жижа, она у фемок со всех сторон, в легких, в желудке, кишечнике, во всех дырках. И даже когда мутантки подрастают, им обязательно надо туда окунаться снова для оттяга. Бултыхаются, они там, тащатся, булькают от восторга. А ты фемкам понадобился лишь затем, чтобы узнать, как споры Новой Жизни прорастают, чтобы подобрать к ней, в итоге, удавку.

Кажется, я про фемок поверил. По-крайней мере, поверил в то, что они и есть та самая мафия, которая насаждает Новую

жизнь, а также водит меня за нос, используя всякие аномалии.

Пахан смотрелся незлобивым и довольным. Следующее его предложение показалось вполне милым:

– Давай-ка я тебя сейчас отпущу. Вместе с припасами, радующими организм. Только, чур, без обид, лейтенант. Скрутить тебя пришлось, лишь для того, чтобы ты послушал меня. Большего сейчас и не требуется.

Он помахал мне рукой, мол, вали. А я, навьючившись, выбрался в шлюз. Наружный люк открылся. Счастье. Можно загрузить припасы и топливо в грузовой отсек. А теперь, пора в кабину.

Что за…? Отсутствует моя компаньонка. Я пригляделся: стаканчик с кофе упал, на палубе следы каблуков – такие остаются, когда весьма бесчувственное тело тащат за руки. Украли тело, то есть Шошану. Да кто же смог совладать с прогресс-девкой? Я выскочил из вездехода. Ну, а вдруг Шоша внутри пакгауза?

Я тут же, ощерясь гразером и сквизером, ворвался в пакгауз и надо же – не то что фемки, нет там ни пахана, ни его сетей, никого. Ясно теперь, кто к этому похищению ручонки приложил. И ушел похититель через запасной выход. Давайте, ищите внимательные мои глазные палочки и колбочки.

Ну вот, обнаружился люк на подволоке, замаскирован плафоном. Поставил я ящики друг на дружку сообразно размерам – вылитый шимпанзе, если со стороны смотреть – взобрался и, отвернув два винта, вылез через тесный шлюз на крышу, ближе к торцу. Отсюда хорошо были заметны следы на площадке с другой стороны пакгауза.

Итак, поставили мне мат в два хода, спёрли напарницу.

Сперва обследовал площадку с противоположной стороны пакгауза. Один след от траков мне показался более свежим, чем остальные. Тем более, что он скруглялся не у самого домика, а чуть подальше, за холмиком – для пущей скрытности должно быть.

Я вернулся в свой вездеход, включил галогеновые фары на полную мощь, поехал медленно и вкрадчиво, пытаясь не потерять полосы. Грунт вначале был мягкий, поэтому и след пропечатывался хорошо, однако, потом пошла гранитная щебенка. Кроме того, здесь изрядно покатались другие трактора. Заодно они помусорили там и сям, где радиоактивными сбросами, где простыми фекалиями.

Проехался еще немного и встал. Умственно и физически. Все, что ли? Я вылез из машины как будто покурить.

Некая волна пробегает по мне, вначале довольно

томительная, потом весьма приятная. И ведет куда-то.

Отправился пешком – а на вездеходе включил режим автоматического сопровождения. Протопал с километр и пульсация, которую я отслеживал, стала размываться, теряться. Но чутье подсказало: надо опуститься, уронить себя на грунт.

И действительно, вновь затрепетали мои полюса – крутящиеся поля, расплываясь и размазываясь, будто оживляли все вокруг. На арене человек-юла! Когда пыль, камни, глыбы и прочие мертвые вещества сделались куда подвижнее, путеводная пульсации вновь стала прощупываться. Но она была уже тоненьким ручейком в многослойном многоструйном потоке с заводями и быстринами, в который я непременно должен был нырнуть.

Там били не какие-нибудь ламинарные и турбулентные потоки, а струи рвущие и жгущие, струи распирающие и струи сжимающие, струи, дающие устойчивость, и струи, уносящие невесть куда. Все они откликались на полюса, которые имелись в моем распоряжении.

Что это за Река такая? Как называется? Может, я увидел иномирье, подноготную всех вещей, те корешки, из которых растет все живое, полудохлое и неживое.

Марсианин, прости меня за многословность, я знаю, ты этого не любишь. Кроме того ты уверен, что я неверно подбираю слова. Струи, волны, иномирье – еще куда не шло, просто худлит. Полюса, напряжения – это уже хуже, какое-то жалкое наукообразие. А пульсации – просто липа, абстракция, дрисня, размазанная по стене.

Раз так, перехожу к сути. Там, в иномирье-зазеркалье, находилась порча – некая паразитическая структура, сокращенно гад-паразит. Он, как настоящий сутенер, жил за счет Реки жизни, использовал ее и заодно отравлял. Он отличался от нее в первую очередь целеустремленностью и агрессивностью. Путеводная пульсация имела прямое отношение к этой порче.

Гад-паразит выдавал превеликое множество пульсаций, они, как щупальца здоровенного спрута, извивались там и сям, бултыхались в струях, питались ими и набухали почками. Серьезно, я там видел почки, которые должны были распуститься уже в нашем самом обычном мире.

Помню, на Ганимеде тоже водилась одна препротивная тварь. Ученые ее называли просто полипептидным соединением. Но такое, с позволения сказать, "соединение" охотилось на людей. Вполне возможно, эта полипептидная штука не замышляла ничего дурного. Должно быть, она просто вступала в реакции разложения с окружающими веществами и специально

общественную мораль не нарушала. Однако же, тем гражданам, кого она ловила для этих своих реакций, казалось, что их харчит огромный страшно липкий слизень. И вряд ли их утешала мысль, что все проделывается не со зла.

Щупальце гада-паразита проводило меня в местность, где из земли повылезало много камней, отчего она напоминала глотку пиявки. А потом впечатление изменилось, потому что прущие из земли скалы выглядели расщепленными, они смахивали на пучки волос. Судя по всему, шевелюра эта была металлической, хорошо хоть не заостренной. Вездеход в итоге застрял в этой волосне, и я не стал его вытаскивать, благоразумнее ему остаться там.

Я своим ходом перся через "волосы", навстречу порче, которая произрастала из почек паразита. И слово порча не очень-то подходило. Скорее уж скопление упругих колеблющихся НИТЕЙ.

Пылевая подушка стала более разреженной, завиднелись звезды, из-за горизонта в одном месте проявился красноватой змеей мощный солнечный протуберанец. Батюшка-Меркурий был почти красив. Почти, причем своей хищною красой.

Наконец, прогулка закончилась, потому что, дополняя пейзажную лирику, промеж двух закаменевших всплесков металла, похожих на рога, показался пахан.

– Ну что, тянет к Новой жизни? – стал глумиться он.

– Давай, возвращай фемку обратно. Не зли меня, я ведь импульсивный, сначала стреляю, а потом уже придумываю, как с начальством объяснится за очередную ликвидацию.

– Чего тебе злиться-то? Ты теперь сильный и мудрый. А взамен у тебя попросили такую малость – одну пчелку из фемского улья.

Кажется удивление, любопытство, сомнение, прочие высоконаучные чувства, даже страх отступили перед тем, что называется здоровой яростью. Я взял свежеиспеченного проповедника на целеуказатель сквизера.

Аккуратно совместил сетку целеуказателя и прицельный вектор. Промашки вроде не должно быть – пахан стоит картинно, как мишень на стрельбах. Мыслеусилием нажал на спуск. А пахану хоть хны. Я быстро поменял ствол в руке – сквизер уступил место гразеру, который проткнул бы даже метровую броню– но сектанту и пучок гамма-лучей не повредил.

Подтверждая доброе здравие, пахан хлопнул в ладоши. Между его рук родился разряд, который заторопился в мою сторону. Не настоящее это электричество, по крайней мере, не то, к чему привыкли наши физики и прочие эдисоны. Это все те же НИТИ, только очень напряженные.

Ох и шарахнуло меня! Хуже чем на электрическом стуле,

потому что не на чем было сидеть. Детская забава этот ваш электрический стул. Пришлось удариться оземь, кататься и корчиться на голой земле. Но в итоге почувствовал себя человеком-юлой.

Гордо напоминая башенные орудия линкора, завращались мои поля, выстреливая самое большое напряжение. Я отчетливо видел Контроллера. Налип студнем на сплетения моих пульсаций и доит их. И с каждым глотком выбрасывает очередную порцию подвижных нитей. Такое зрелище я бы не рекомендовал для просмотра детям моложе сорока лет.

Нити вытаскивают металл из почвы и наплавляют остов моего нового тела методом холодного литья...

Нити закаляют металл корпуса, насыщают молибденом и титаном грудь и плечи, широкие ступни, объемистые кулаки, мощный утюг головы.

Нити прокладывают энергетические трассы и устраивают слоистые сочленения из мягкого железа.

Нити прошивают кристаллические матрицы, которые запоминают тысячи жестов, поз, движений, приличных и неприличных.

На сцене возникает настоящая Годзилла. Раскаленное сердце из расщепляющихся материалов, по сверхпроводящим жилам токи разбегаются по телу и приводят в движение железные мускулы. Ни одного шарнира – слои чистого металла легко скользят друг по дружке. Мускулы и суставы – сплошная кристаллическая и молекулярная механика. Кулаки – просто грубые кинетические снаряды, разгоняемые в соленоидах. Изо рта пышет водородная плазма, нагретая огненным сердцем, заодно работает МГД-генератор, из носа летят молнии, в каждом ухе по два локатора. И это все – я.

Передо мной поднимается другая фигура – звезда из текучего металла. Немного погодя она преобразуется во что-то, смахивающее на гигантскую гориллу. Голова похожа на бульдозер и утоплена промеж холмистых плеч, кулаки свисают до земли, задница отклячена.

Я разбегаюсь, подпрыгиваю, и, опершись на хвост, наношу двумя ногами удар в грудь Кинг-Конга, похожую на борт корабля. Горилла резко становится в пол-оборота, перехватывает правую мою ногу и хочет ее обломать. И только хвост спасает меня. Продолжая опираться на него, ловко переношу свою левую ногу через правую. Я теперь спиной к Кинг-Конгу, к немалому его разочарованию, но моя правая еще в захвате. Чуть подаюсь к сопернику, и, резко оттолкнувшись обеими задними лапами от его корпуса, вырываюсь. Кувырок через голову – и я снова в

боевой стойке, вся аппаратура работает нормально.

И вот мы снова друг напротив друга. Теперь атакует Кинг-Конг, его кулак вылетает со скоростью двенадцать километров в секунду и хочет прямым ударом смахнуть мне голову. А она у меня не просто так, в ней, между прочим, несколько миллиардов органических молекул с непрочными двойными связями, в которых накоплена уйма информации. Нырнул вниз, выставив верхний блок. В итоге, макушку из-под удара увел.

И тут горилла второй рукой влепила мне апперкот, то есть, снизу врезала. Я ни сблокировать не успел как следует, ни увернуться. Только выдохнул от огорчения. Когда кулачина из хромированной стали мне в челюсть въехала, бесчисленная тьма молекул под моей черепной крышкой расщепилась, и знания унеслись в виде бесполезного пара. От помутнения в голове я чуть не рухнул и принялся срочно считывать запасные носители информации в спинном столбе – ферромагнетики и полупроводниковый пигмент. Этим воспользовалась горилла, ухватив меня руками за затылок и подбородок, чтобы вообще отвернуть башку, принялась заодно наводить двумя потенциалами мощные разогревающие токи. Я вклинил свои руки между двух вражеских домкратов, рывком отжал. Пыхнул плазмой прямо ей в морду, а она равновеликой порцией мне ответила. Два снопа столкнулись и улетели вверх сияющим облачком.

Оставался последней шанс, рванул гориллу на себя, упираясь сначала одной, потом другой ногой ей в брюхо. И она стала-таки валиться на меня. Распластавшись спиной по земле, я как следует толкнул пятками проклятое многотонное брюхо. Огненный полюс разорвал множество химических и ядерных связей в силовых узлах. Освободившаяся энергия ринулась в конечности и распрямила там мускулы-спирали из упругой стали.

И горилла полетела с хорошим моментом вращения.

Кончилось тем, что обезьяновидное чудовище, перемахнув через меня, влепилось в скалу. Осталось только с разбегу врезаться в него. Это уже был настоящий реслинг. Не выдержав такого наезда, скала и чудище усвистали с обрыва вниз.

Я просто услышал, как комментатор кричит: "Свирепая Годзилла одолела Кинг-Конга. Финальная агрессия приносит невыносимому монстру убедительную победу!"

И вот я снова в обычном белковом теле, и пахан тоже, как после нокаута. Сражение, состоявшееся в замкнутом небольшом мирке, закончилось и он исчез.

– Где фемка, Бугор? – впечатываю вопрос в его куцый мозг.

– Она у скалы Трон Кощея. Видишь, Новая жизнь даровала

тебе победу, но лишь для того, чтобы показать, кому ты обязан силой.

Скала Трон Кощея. Далеко ли? Я вывел на экраны хайратника карту местности. Час езды. И тут что-то бултыхнулось в колодце моей памяти. Ах, да, солнечный отлив – он уже на подходе.

13

На Меркурии много чего нет, в том числе и ветров, там только электрические вихри раскачивают пылевую подушку. Я, потеряв почти всю осторожность, а, может быть, и разумность, гнал машину к Трону Кощея. Семитонная машина перемахивала, как испуганная газель через трещины, которые так хотели зацапать ее, визжала бортами, задевая скалы. Едва удавалось выбраться на плоское место, я включал режим глиссирования и выдувал тучи и мглу из-под днища.

Я торопился, но и солнечный отлив не отставал. Поэтому мы поспевали к своей цели одновременно. Затем очутился я в местности, крепко сколоченной из гранитных пород. Это неприятно. При отливе такие не крошатся, а трескаются, разверзаясь в глубокие расселины и впадины. Шошана может оказаться в одной из них раньше, чем я ее замечу. А вот и Толчок Кощея – довольно широкая скала со срезанной верхушкой – разглядел ее где-то за полкилометра. Но едва она замаячила, как отлив подоспел и вступил в свои права.

Почва захрустела, будто разминали ее ноги какого-то циклопа, занимающегося чечеткой. То тут, то там расщеплялись скальные породы и раскрывались пасти с зубами. Под все колеса услужливо подставлялись пропасти и полыньи. Местность мгновенно испещрена была торосами и сталагмитами, словно стала она листиком бумаги, на котором почеркал юный дебил своим неуемным пером. Я юлил и лавировал, как сало на прыгающей сковороде, пытаясь проскочить по глыбе попрочнее. Пару раз меня тащило вниз, я едва успевал зацепиться "паучьими ножками".

Был момент, когда три колеса – два левых и одно правое – повисли в пустоте, поэтому вездеход стал заваливаться в пропасть. Тут я, рванув ручку, сбросил почти весь пар из силовой установки, отчего машину швырнуло вперед и она чуть не ухнула клювом в другую пропасть.

В общем, я не успел. Когда добрался до Трона Кощея, отлив уже был и ушел. Сам Трон потрескался, поэтому напоминал нынче разбитый унитаз. На Шошану нигде не было даже намеков.

Однако обшаривал местность до той поры, пока не заметил обрывок троса. В несколько прыжков через расселины покрыл разделяющую нас дистанцию. Оформилась мизансцена: слева каменная игла, на ней веревочный узел, справа – разверстая глотка типа "дай-дай", обрывок веревки болтается как раз над ней.

Я посветил фонариком вниз, луч потерялся в темноте. Источник тепла в этой трещине тоже не удавалось засечь ни моими чувствительными глазами, ни инфравизором. Потом в ухе послышался голос Шошаны, тихий, прозрачный, похожий на марево.

– Я под скалой, лейтенант К123. Вытащить меня не удастся. Это я тебе говорю. Я закупорена, даже веревка не протиснется, слишком узкая горлышко у "бутылки". В общем, у тебя есть дела? Вот и займись ими.

– Главное мое дело – это ты. Поэтому потерпи малость. Или повторяй себе: "Терентий со мной."

– Никаких терентиев и лейтенантов. Сверху меня прикрывает твердая скальная порода. С ней ничего ты не поделаешь. Иди в задницу, понял!

– Понял тебя, иду. "Задница" – это понятие относительное. Это, практически – все, что нас нынче окружает. В данный момент я отправляюсь к трактору за тросом и отбойником.

– Самое лучшее для тебя сейчас, закрыть люк с той стороны и нажать на педаль газа. Я – фем, мутант, насколько тебе известно, одна из многих сотен сестер. Цели твои и фемов больше не совпадают. Если они сочтут нужным, то выцарапают меня отсюда. Если нет – то поводов для печали и тоски намного меньше, чем тебе кажется. Моя генетическая матрица, все, что есть в долговременной молекулярной памяти, схема нейронных связей, переданная и полученная мной информация, и такое прочее – скопировано и хранится, где положено.

– В этой сраной "матке"?

– Прекрасно, если ты знаешь. Только не в "сраной" матке, а в материнском веществе.

– Ладно, мне плевать на сотни сестер и, при всем моем уважении, на материнское вещество, и уж, конечно, на то, что сочтет ненужным или нужным твоя организация. Ты мне требуешься, причем не только молекулярная память, информация, переданная в штаб, и генетическая матрица – хоть я рад буду посмотреть на нее – а вся нужна, целиком. Я привязчивый, хотя это в наших небесных краях редкое свойство.

– Отвяжись, привязчивый. Порода здесь очень изъеденная, неустойчивая. Меня не вытащишь, тебя же засыплет.

– И пускай засыплет. Будет двуспальная у нас могилка. И вообще, в ответственный момент вредно говорить ерунду, береги кислород. Я сейчас ненадолго в машину, может еще удастся высвистать на подмогу кого-нибудь из старателей. В любом случае, несколько минут – и я снова здесь.

Фемы умеют экономить кислород, ее Анима сообщила по

моему запросу, что хватит еще на сорок минут. Через минуту мой передатчик орал чуть ли не во всех диапазонах.

– Борт К123, срочно нуждаюсь в помощи для проведения аварийно-спасательных работ. Угроза человеческой жизни. Человек свалился в трещину в районе Трона Кощея. Борт К123 – экстренный вызов, прием.

Эфир действовал на нервы то своим молчком, то повизгиванием, то каким-то напряженным чавканьем, будто все ответчики набили рот кашей. Я еще пару раз отбил вызов, добавляя к каждой фразе по крепкому матерному окончанию. Я тщетно надеялся. Или пыль мешала, или кто-то не доверял моему вызову, принимая за бандитское заманивание, или кто-то понимал, что все равно не успеть. Или гад-паразит вредничал.

– Чтоб вам, уроды, провалиться во все щели, какие только имеются, даже самые маленькие. – После такого доброго пожелания я зарядил рацию на бесконечный повтор аварийного вызова, а сам схватил моток троса и отбойник-вибратор. Если бы имелся у меня киберкрот, который смог бы просунуть в горлышко "бутылки" воздуходув, то я работал бы не спеша и основательно. Но есть ведь Закон Ситуации – самое необходимое в данный момент всегда отсутствует.

Я рванул обратно к трещине. Лишь бы отозвалась моя мутанточка. Пускай она меня потом и замечать не станет. А сейчас хочу, чтобы был контакт. И она мне все-таки ответила.

– Ты бы мог уже далеко укатиться отсюда, лейтенант. Тебе только показалось, что ты здесь чего-то потерял.

– Роскошь общения с фемкой, вот что потерял. Это почти цитата. Все, я лечу к тебе, голову береги.

Закрепил трос на том торосе, что показался мне наиболее приличным на вид. Сделал пару некогда морских узлов, плюс прихватил их металлическими скобами. Сам пристегнулся к тросу самохватом и стал съезжать вниз. Действительно, стенки расселины не внушали доверия. Они были слоеные, как пирожок, и жалко крошились от малейшего прикосновения. Но мне и море было по колено, и пропасти по ребро, поэтому через пять минут я приехал в самый низ. У трещины имелось донышко, но Шошану там я не встретил. В пристальном свете фонарика дно оказалось фальшивым, всего лишь кучей щебенки, неизвестно как далеко простирающейся в глубину. Я стал оперативно разгребать кучу, пеленгуя аварийные сигналы фемкиной Анимы, которые непременно передавались при снижении до критического уровня какого-нибудь жизненного параметра. Уж биоинтерфейс отключить Шошана не могла при всем желании.

И вот прочистилось отверстие не больше кулака. Меж двух

скальных глыб, в какой-то полости была законопачена, сдавлена стенками Шошана. А что оставалось мне? И на Земле жизнь не являлась целью, и там она расходовалась бессмысленно, но была хотя бы ритуалом, чередованием обрядов рождения, совокупления, общественного одобрения, исчезновения, которые придавали даже самому распоследнему мудаку какую-то значительность. Здесь же, в Небесном Краю, толпа вроде осмысленно крутит большое космическое колесо, есть цель – освоение космоса, но зато мы мало чем отличаемся от струек топлива. Механическое впрыскивание через форсунки, мгновение полета и сгорание – колесо получает еще один крохотный толчок.

Я попробовал настроиться, ощутить силы и полюса, заделаться вновь человеком-юлой, как когда-то. Но сейчас – нулевой результат, все потуги были тщетными, Контроллер плюнул на меня. Я – пустое место, однако кто-то или что-то хочет отделить масло от хлеба, избавить меня от Шошаны, ее от меня. Значит, в нашем бутерброде для кого-то или чего-то таится яд, тревога, опасность!

Завизжал отбойник. С третьего угрызения трухлявая скальная порода принялась активно сыпаться на плечи и голову. Еще пару раз приложиться и меня засыплет окончательно и бесповоротно. Но тут зазвучали грозные слова:

– Немедленно прекратите долбать скалу... вы, тупица... с каждым тычком обваливается по кубометру породы.

И хотя голос замутили помехи, я понял, что принадлежит он фему. Только не Шошане.

Я, конечно, выключил свой отбойник и прислушался. А потом уже было к чему приглядываться. Сверху опускалась пневмоустановка, похожая на анаконду, жадно, но без кашля втягивая крошево. Вокруг меня заскакали столбики трухи, а потом и мою голову стало всасывать кое-куда. Я засопротивлялся, сверху опустился захват змеиного типа. "Змея" навелась видеодатчиками на меня, затем, чмокнув, присосалась к скафандру и потащила без разговоров наверх.

А наверху хлопотало с десяток фемов. Ездили на газовых подушках какие-то установки, помигивающие спасительными огоньками. Чуть подальше, растопырив лыжи, расположился похожий на летучего крокодила планетолет.

Обилие фемов всегда вызывает оторопь. Несмотря на то, что к своей фемке Шошане я почти привык, эти новые вызвали у меня першение в горле.

Я обратился к той из них, которая казалась командиршей – то есть, была ростом поболе других, имела максимально горделивую осанку, а черты самые резкие и воинственные.

– Матушка-настоятельница, у моего товарища – у Шошаны – кислорода осталось не более чем на десять минут. Если вы не поторопитесь, я снова полез вниз.

Голос у командирши был обычный для начальственной публики – грубый, сварливый и отрывистый.

– Вам больше не надо заботиться о вашем "товарище". Мы ее вытащим и без вашего участия. Уж не знаю, кто ее направил на работу с таким олухом, с ее-то подготовкой. Безусловно, этот вопрос надо будет поднять на...

Как я не убеждал себя, что это типичное начальственное хамство – от которого я немного поотвык в криминальной полиции – все-таки не сдержался.

– Вам нечего стыдиться, уважаемая, подготовка у Шошаны отличная, раз на нее все демоны ополчились. Только вот за вами бы я в пропасть не полез, а, наоборот, бросился бы тикать со всех ног.

Я огрызнулся, предусмотрительно сжав зубы, и командирша, не различив последней фразы, просто отвернулась от меня с гадливым выражением на значительном лице. Тем временем, рядовые фемы поливали стены трещины по-быстрому твердеющей пеной, ставили распорки. Затем боевые девки скользнули по тросу вниз и начали орудовать лазерными прожигателями. Лазерные лучи, сходящие конусом, плавили камень, причем расплав мигом всасывался. Хрупнула, отваливаясь крупная плита, после чего разглядел я Шошану, похожую на скальный барельеф. Однако, нога ее была прижата какой-то подлючей глыбой. Я пытался связаться с ней, несмотря на неодобрительные поглядывания командирши, да только моя фемка не отзывалась. Впрочем, ее Анима через блок телеметрии докладывала, что организм еще жив, хотя мозговые ритмы сильно отличаются от нормальных. Наконец, появилась нога, которая в лучшем случае была вывихнута или сломана, в худшем – просто раздроблена. Я еще раз поразился самообладанию фемов. Ведь Шошана преспокойным голосом беседовала со мной, можно сказать, под пыткой. Тем временем спасатели подключили к ней воздуходув, переложили бесчувственное тело в люльку и мигом вытянули лебедкой наверх. Когда Шошану проносили мимо меня, я неожиданно столкнулся взглядом с ее распахнувшимися глазами. В них еще было что-то свое, но они быстро набирались чужеродного фемского выражения.

– Ну-ка, брысь, не путайся под ногами, – звонким гарканьем попросила меня вон командирша. Я в испуге отшатнулся, а Шошану быстро загрузили в раскоряку-планетолет. Фемы резво и даже элегантно втащили на борт свою технику, используя

несколько аппарелей. Затем аппарели поднялись и превратились в задраенные люки, а планетолетчики, поддав газу, быстро свалили во мглу, оставив меня подле ямы. Я бы, наверное, отказался слинять вместе с ними, но они мне даже не предложили.

Впрочем, некоторую неловкость я успел почувствовать. И у них, и у себя тем более. Ведь я нарушил основной закон Космики – закон "непривязанности", поскольку был отвратительно прилипчив и не хотел терять объект преступного чувства.

14

Заседание штаба Бдительных вёл знакомый мне – по пребыванию в нашем обезьяннике – Слоняра, чей квантово-чувствительный нос, свисающий за нижнюю губу, должен улавливать самые тонкие ароматы (на самом деле, нет, иначе он был бы среди муташек, а не старателей). Меня же после исчезновения подозрительной фемки, старатели ласково именовали господин товарищ лейтенант, и уважительно – советником. Бывшего усатого предводителя уже отстранили от должности за тупость и нечуткость. Ассистировал новому народному вождю шериф Анискин. Сборище проходило в злополучном пакгаузе и официально являлось «конференцией самой бдительной общественности Долины Вечного отдыха». Люди заседали на ящиках и на полках, в углу отдыхали сваленные грудой скафандры. Кондиционирование едва справлялось с напором выделений и народ изрядно парился.

Слоняра, как я ему и присоветовал, начал с резюме.

– Эта зараза пошла быть с прииска Вырванный Глаз. Мы узнали, с чем ее едят, когда уже было поздно. Ее зовут то торжественно, демоном, то по-ученому, аномалией, то по-простому, тварью, грибницей, паразитом. Кличек у нее много, пакости она устраивает разные, но суть одна. Тварь портит нам всем жизнь и трудодни. Хуже всего, что она незаметная, но может замариновать человека в какое-то облако и спору в него закинуть, то есть инфицировать. А когда человек размаринуется, то он вроде и не совсем человек уже. Мы покамест не поняли, изготовили ли эту тварь ученые в своих лабораториях. Или она самостоятельно выросла на лоне природы, а уж позднее была надрессирована на вредные поступки. Но одно ясно, она хочет извести старателей, уничтожить всё наше гордое сообщество.

– Да уж никаким боком твоя зараза не имеет отношения к налету на караван «Миража», – выкрикнул кто-то из зала.

– Мужики с прииска, которые ехали вместе с караваном, хотели подробно доложить о распространении заразы скиапарелльским властям. И вот вам, братишки, отрицательное сальдо. Мы ни ухом ни рылом, сколько из нас уже заражено.

Тут поднялся и внес свою лепту старый жилистый старатель, откровенно похожий на пень. Его рука, не поймешь зачем протянутая вперед, напоминала узловатую клюку.

– Спорю на ящик язвовки, что «Мираж» и придумал эту шнягу про аномалию. Чтобы мы со страху дернули из долины задолго до окончания сезона, и компания хапнула бы наши участки, когда

уже известно, где металл лежит, а где шлак. Им надыбать чужое – самое милое дело.

– Пахомыч, мы ж с тобой вместе побывали в той круговерти с голубыми сполохами, где два плюс два не четыре, – настаивал на своем командир Бдительных.

– Да просто травануліс консервами. Плесени наелись? Наелись. От них и причудилось, – не унимался Пень. – Вот и вся лирика.

Но Слоняра не собирался сдаваться.

– У тебя лирика, а у меня физика. Спору паразита можно обнаружить с помощью прибора. Этот демонометр у меня, между прочим, имеется, он сгодится, чтобы всех присутствующих здесь проверить на испорченность. Тем более, нас тут всего тридцать штук, – командир вразвалку сходил в угол и вернулся оттуда с предметом, напоминающим граммофон. – Сам собирал.

– А по какому принципу работает? – полюбопытствовал Пень.

– Там квантовый гравиметр, один ученый подарил. Эта штука чувствует подсадку, потому что от нее несет другими гравитационными волнами, чем от тех веществ, из которых состоим мы.

– Уже интересно. Давай, включай свою машинку, – оживился Пень. – Чувствую, кое-кто от страха быстро попросится в сортир.

Пока Пень потягивал воздух ноздреватым носом, Слоняра подключил питание и, переложив устройство на тележку, стал подъезжать в прямом и переносном смысле, то к одному, то к другому старателю.

– Когда зажжется красная лампочка, тогда, считай, волна вредная пошла, ненужная в нашем коллективе. Значит, немедленно наваливайтесь на того, кого прибор засек, и хлоп ему колотушкой по балде. Если деру даст – подножку сделайте и хватайте, – командир давал ЦУ по ходу процесса. Однако даже через полчаса, когда обход закончился, прибор не показал ни одного зараженного.

– Похоже, что принцип этого аппарата привиделся командиру с ба-а-льшого бодуна, – объявил Пень Пахомыч.

Тут встрял я, и не потому, что понимал, как устроен прибор. Было лишь смутное ощущение – эта штуковина слишком грубо сляпана для того, чтобы засечь те нити, которые выпускает спора. И все же...

– Надо вколоть людям успокоительное – это раз. Успокоившимся людям лечь на пол, причем на бочок. Особо одаренным напоминаю, бочок – это левая или правая сторона тела.

– Ты это не того... да кто это такой вообще... кто его

спрашивал?.. – завозмущались старатели. Я понимал, что поддержит меня лишь командир Слоняра, который огорошен неудачей. Но на подмогу поспешили Анискин и Пень.

– Парень знает, что говорит, – выразительно произнес шериф. Анискин единственный был здесь при оружии, что оказалось очень кстати.

– И, между прочим, шериф, тут не колотушка понадобится, а гразер, – обрадованный поддержкой, заявил я. – Поставь оружие на боевой взвод и положи палец на спусковой крючок, это не помешает.

Весомый вид шерифа и его гразера с мигающим индикатором боеготовности заставил всех поддаться на уговоры и расположиться поудобнее на полу. Пень хаживал со шприц-пистолетом и прикладывал его к рукам старателей, оснащенным голографическими татуировками. На которых значились хорошо исполненные органы (женские, интимные) и сомнительные лозунги типа "Рожден для мук, в счастье не нуждаюсь" и СОС (спасите от сук).

– А ему? А Анискину, а этому легавому? – забеспокоился кто-то.

– Не надо волноваться на чужой счет, больше чем на свой. Не то моча в голову ударит. Первые из тех, кто пройдет контроль, произведут смену караула, – заявил я с хорошо сыгранной ответственностью в голосе.

Грозная тележка двинулась в поход. Первые десять человек пропущены были чисто, без претензий. Потом я сам почувствовал беспокойство. Ненадолго блеснула красная лампочка, но тут же ослепла. Спора демона, похоже, пытается втянуть ниточки, окуклиться, но она где-то здесь.

И все-таки, она, сука такая, не выдержала первой. Среди прочих отлеживался на полу один скромный паренек, нормальный номерок из "мамальфейской" колбы – я земляка по комплекции и значку с портретом козы всегда узнаю, на мне такой же. Пацан вдруг задергался, аж запрыгал – я так понял, что спора, которой запрещено сдаваться в плен, сейчас выбирается из него.

Анискин поднял свой карающий гразер, чтобы спалить парня.

– Стоп, – гаркнул я, – демон уже линяет из этого чувака.

Тут у парня буквально разорвалась грудная клетка, брызнула фонтанчиками алая жидкость. И показались внутренности. Что-то выскочило из него, похожее на медузу с голубоватыми светящимися нитями. Эта штука выглядела настолько нереальной, что Анискин сразу даже не смог сообразить, куда пальнуть. Я рывком навел его ствол – не прямо на искажение, а

чуть в сторону. Догадался, что видимое – всего лишь рисунок, проглядывающийся на поверхности какой-то объемной невидимой фигуры.

– Стреляй, тупица! – Но тугодум Анискин промедлил и лишь задел эту порхающую медузу. Несколько голубых нитей оторвалось от нее и затрепыхалось в воздухе, на противоположной переборке склада возникло вздутие от прямого попадания луча. Шериф принялся очумело поливать из гразера разные места на складе – люди забивались в щели, взрывались и испарялись грузы, стулья, шкафы. Ну, попроси дурного. А быстрая медуза, прошив несколько ящиков – отчего те тоже рассыпались в прах – впилась в подволоку. И сразу послышался свист улепетывающего воздуха.

– Полундра, тикаем в соседний отсек. Разгерметизация. – Вся шарага, хоть только что клевала носом, бодро рванула на выход. Мы с Анискиным подхватили пробитого медузой паренька и потащили, оставляя кровяную дорожку.

Во втором отсеке было совсем тесно и душно как в джунглях. Едва мы отдышались, как неугомонный Пень громогласно заявил.

– Мы, между прочим, проверку еще не закончили.

Все обрадованные чудным избавлением, заметно приуныли, а кто-то заметил:

– Эта штука летает быстрее пука. Удирать-то куда теперь будем? Во двор, да? А вместо скафандров гондоны что ли использовать?

– Молчи, петушок, – сурово нахмурясь, процедил Анискин. – В шлюзе пара аварийных скафандров имеется, но они тебе уже не понадобятся.

– Перво-наперво, – напомнил я, – проверьте пострадавшего на наличие подсадки. Потом окажите, кто умеет, медицинскую помощь. В-третьих, наладьте кого-нибудь собирать скафандры. Уверен, что их вынесло из пробоины на окрестные скалы.

Медбрат-общественник Пень быстро обследовал раненого и кивнул: "Порядок, кома, полостной разрыв, но сердце на месте осталось. Я бы на его месте ещё пожил". После такого диагноза парня водрузили на стол в углу отсека. Народный умелец Пень, распаковал медицинские аппараты, подсоединил многорукого кибердоктора, тот в свою очередь подключил искусственные легкие, похожие на скомканную туалетную бумагу, взмахнул капельницами и заработал сшивателями. А мы с шерифом собирали скафандры в первом отсеке; по счастью один из космических костюмов под давлением вылетающего воздуха намертво заткнул пробоину.

Бдительные облачились, забрали свои стволы и проверка

закончилась, ввиду отсутствия желающих.

– Надо сниматься всем отсюда, – предложил я, – и дуть в Скиапарелли.

– Вот где у меня этот Скиапарелли сидит, – Слоняра чиркнул он себя по горлу ладонью. – Если туда много спор попало, то они все уже одержимые бесом. Что еще от этих бездельников ожидать?

– На Скиапарелли власть однако не начинается и не заканчивается. Как-нибудь имеется еще правительство на Марсе, – столь же резонно сказал я. – А это значит...

– Это значит, что если оно на Марсе, нам до него добраться будет не проще чем до Альдебарана. Ты в курсе, какие сейчас цены на билет заоблачные?

– Можно и корабль поиметь, – неожиданно предложил Пень, но тут же, испугавшись самого себя, стух. – Впрочем я этим заниматься не собираюсь. Мне надо гафний копать.

– И мне... и нам... – выступил хор старателей.

– Пожалуй, стоит подумать над вашим заманчивым предложением, – кивнул я Пню. – Действительно, не нужно нам переться толпой в Скиапарелли, и петь там хором перед магистратом. Мы, то есть я и еще двое-трое из вашего дружного коллектива, вернемся в столицу сплоченной группой товарищей и попытаемся проведать, как далеко зашла аномалия. Или мафия, которая эту аномалию применяет. Итак, кто со мной?

Молчание затянулось, предложение не подкупало.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЭКЗОРЦИЗМ

15

За пятым жилым кварталом в Скиапарелли вовсю идет неорганизованная застройка. Дело проворачивается так: какой-нибудь ушлый кент закупает и присоединяет к мобильной столице новую платформу – пятьдесят на сто метров. Потом уже у владельца платформы те граждане, что побогаче, за хорошие денежки приобретают квадратные метры ее поверхности в собственность, а более простой люд за весьма скромную плату – кубометры надплатформенного пространства. Владелец поверхности устанавливает стояки – трубы с большими штырями, со встроенными линиями водопровода, канализации и электрификации, с оптоэлектронными кабелями. На эти штыри владельцы пространства цепляют кубики, геодезики, бакиболы, и такое прочее, то есть модули жизнеобеспечения, жизнесферы.

Затем в эти гнездышки загружаются муташки, шлюхи, старатели, чумовые изобретатели и прочий малополезный сброд, для которых Меркурий – точно уж конечная остановка. Начинают там жить, жрать, хлебать, выделять, спариваться, ну и так далее.

Самый дешевый вид гнезда – из квазиживого пластика. Квазиживые стены, пол и потолок поглощают углекислый газ (на свету), мочу, водяные пары, фекалии – если их не слишком много. И соответственно выделяют кислород, изредка белки. Часто сахар в виде патоки или меда где-нибудь в уголке. Иногда спирт – тут нужны особые контрабандные сорта нанопластика. Обитатели спиртоводочных гнезд, впрочем, долго не живут. Уйдет такой жилец в запой, заляжет, открыв рот, под алкогольную капель и забудет, например, включить свет. Соответственно квазиживому жилищу уже нельзя будет поглощать углекислый газ, и оно перейдет к гетеротрофному типу питания, непосредственно расщепляя своего хозяина. Через пару недель гражданина алканавта как языком слизало.

После пришпиливания всех жизнесфер к стояку, получается эдакое дерево, в кроне которого суетится мошкара. Рядом цветет еще одно дерево, и так далее. В итоге, на платформе вырастает целая роща, в которой всем находится место, и жучкам, и паучкам.

Изобретатель, который помог Слоняре создать демонометр, жил где-то здесь. Я изрядно полазал по бидонвиллю, пытаясь его жизнесферу найти.

Один «мошка» меня совсем достала. То ли шпик, то ли попрошайка, с хорошей примесью генов летучего насекомого. Вился, пока не прыснул ему в фасеточные глаза инсектицидом из

баллончика. Он врезался в стояк и куда-то смайнал.

На второй час доискался я изобретателя – его скромная жизнесфера на верхушке одного из «деревьев» была залеплена двумя здоровенными модулями соседей. Постучал в люк каблуком: «Встречай, полиция». Когда я вошел через шлюз в жизнесферу, то повстречался с молодью – сопливым пацаном, по которому ползали писклявые кибермышата. Меркурий явно не место для детей, но детопроизводство не затухает. Мелкота появляется и, само собой, поголовно относится к разряду мутантов.

Потом из-за шкафа появился мужик в замурзанной майке поверх внушительного пуза, с шеей, опутанной ворохом проводов и с лазерным паяльником в руке.

– Вы откуда? – нервно спросил он.

– Из ада, – успокоил я его.

Мальчишка тем временем погрузил голову в куб головизора, где бились насмерть команды "Спартак" (Марс) и наше меркурианское "Динамо". Спортсмены звякали магнитными каблуками по стальной поверхности спутника, налетали и отскакивали от гибких стержней, воткнутых в пол и соединяющихся с потолком, молотили и дубасили друг друга.

– "Спартак" – параша, победа – наша, – воскликнул сопляк когда очередной проход динамовца закончился попаданием тела в ворота, и возбужденно почесал шестипалой ручонкой в вихрастой голове. Вот такой теперь футбол без мяча. Я меж тем приступил к официальной части визита.

– Господин Викентий Б018, брахман-расстрига, я из полиции, но это неважно. Комитет Бдительных долины Вечного Отдыха передает вам привет и интересуется, над чем вы сейчас работаете.

Ученый прокашлялся, но быстро взял себя в руки.

– Я всегда вижу дальше и глубже других. В данный момент я конструирую прибор для охоты на сверхволновиков. Вам хочетя узнать, что это такое? Отвечаю, это жители черных дыр, влачащие жалкое существование на сверхдлинных волнах. Все остальное – и поле, и вещество – у них отъела дыра.

Ага, собеседник явно с приветом.

– Давайте оставим сверхволновиков на закуску, уважаемый мудрец. Точнее, хватит ездить мне по ушам. Слоняра в свое время прислал вам весточку с мольбой о помощи, а вы построили прибор для опознания демона. Или, может, какой-нибудь топ-менеджер уже предлагал вам познакомиться с этой аномалией и заняться ее распознанием? – я стал "греть" подозреваемого по старой ментовской привычке.

– Приручить Плазмонта… Послушайте, молодой человек, лет

десять назад я был еще строен, как кипарис...

– Вы уверены, что надо начинать с периода полового созревания?

– ... И вдобавок работал в одной конторе оборонного профиля на Марсе, в "лавочке", так сказать. И вот однажды наткнулся пытливым проницательным взором на материалы о действиях одной разведгруппы на Земле. Это сейчас у Космики с Шариком всё тип-топ. Слизняки с Земли, те, что побогаче, к нам в гости летают, наши важняки у них по симпозиумам и борделям шастают, но тогда обходились мы без всяких сношений. Мы как раз отбились от кибероболочек, а слизняки еще были в их полной власти. И одна наша разведгруппа наткнулись на кое-что похуже. Это было некое иноматериальное существо. Она как бы поедала объекты и приобретало их облик.

– Поедала без перца и соли? Тогда нам еще повезло.

– Точнее, лишала материю привычной структуры, определяемой гравитационными ячейками и превращала её в вибрирующую нитеплазму. Собственно, из нитеплазмы эта тварь и состояла.

НИТЕПЛАЗМА. Я почти догадался.

– А откуда она в нашей Вселенной?

– От самого начала. Нитеплазма – это самая ранняя форма существования материи. Она протянула до наших дней, прогрессируя на свой лад, превращаясь во вполне живое, со своим метаболизмом и с определенного момента разумное существо. Наши разведчики прозвали его Плазмонтом, – тут голос Викентия из академического стал довольно бодреньким. – Я вижу у вас под курткой пузырится. Это одновременно радует и беспокоит меня.

Ну да, бутылку с сияющей антистрессовкой я с собой прихватил. Пока бормотолог не заглотил пару стаканов, то помалкивал, давая полную свободу вопить очумелым фанатам меркурианского "Динамо", которые казалось вырвутся из своего головизора и в одно мгновение затопчут все в этой крохотной жизнесферке.

– Значит, господин ученый, если весь наш мир, включая нас самих, прилежно образуется из полей, атомов, молекул, целых тел, то этот отъявленный паразит состоит только из нитеплазмы?

– Верной дорогой идете, товарищ, – глубоко икнув, произнес Викентий, подобрал что-то непонятное, но шевелящееся с тарелки и засунул к себе в рот. – Наш микромир двухполюсный, макромир фактически однополюсной. А у нитеплазмы четыре полюса. И она обходится без четкого деления на микро– и макроуровни.

Кто-то чрезмерно подвижный с тарелки у Викентия попытался удрать, не даваясь на закуску, но изобретатель

проявил необыкновенную прыть и пригвоздил беглеца вилкой уже на самом краю стола. Еда, пискнув, лишилась одновременно свободы и жизни. Сломив сопротивление пищи, Викентий продолжил.

– Однако мои расчеты внушают сдержанный оптимизм. У устойчивой нитеплазмы пара полюсов остается в свернутом виде, и с нами взаимодействуют всего лишь два полюса, два знака заряда. Я их условно называю "левым" и "правым". Правда, и этого тоже хватает для разных сюрпризов. Сдается мне, маги и волшебники кудесили именно с нитеплазмой. И всякая нечисть, от призраков до оборотней, похоже, была из нитеплазменного материала. А спора Плазмонта – это типичный бес, злой дух преданий и сказаний, вселяющийся в людей и соблазняющий разным могуществом.

Маги с волшебниками, оказывается, не просто шоумены. И призраков с оборотнями, и даже духов, выходит, есть за что уважать – за крепкую физическую основу.

– Колдуны колдунами, а нам-то, простым меркурианцам, как эту нитеплазму распознавать?

– Субнуклоновый каскадный микроскоп может и обнаружит ее. Только надо знать, где смотреть. Да еще иметь такой микроскоп. Их, наверное, не более десятка наберется, а на Меркурии вообще ни одного.

– А ваш прибор? Мы его испробовали в долине Вечного Отдыха. Даже засекли одну нитеплазменную спору.

Изобретатель слегка покраснел от стыда.

– То, что я передал в долину, это вовсе не прибор, реагирующий на нитеплазму, а детектор, который регистрирует возбуждение нервной системы человека. Я дико извиняюсь, ввиду острой нужды в деньгах несколько прибрехнул, когда загонял Слоняре «квантовый гравиметр». Надеюсь, мое признание останется между нами. Тем более, Слоняре такое удовольствие обошлось в жалкие пятьсот гафняшек.

– Постарайтесь, чтобы таких шалостей больше не было, иначе ваше признание не останется между нами, а убежит к кому надо, – предупредил я. А изобретатель сразу переключился на более приятную тему.

– Допустим, в подозреваемом присутствует нитеплазменная спора и влияет на его ощущения. Этот человек знает – у него не все в норме. Мой датчик и будет улавливать те изменения психомагнитного поля данного гражданина, которые характерны для тревоги.

– Но погодите, тот паренек, на которого среагировал ваш датчик, мог быть просто невротиком.

– Конечно, он был просто невротиком, – легко согласился безответственный изобретатель. – Но я полагаю, последующие события убедили вас, что в нем имелся нитеплазменный узелок.

И Викентий засосал стакан антистрессовки с чувством глубокого удовлетворения за свой талант, нисколько не обращая внимания на голографических спортсменов, что вертелись по комнате.

– И, кстати, во второй раз с этим датчиком вам, скорее всего, и не повезет, – честно предупредил жуликоватый изобретатель. – Нитеплазма разумна и может контролировать нервные центры человека.

– Тогда и вам не повезет, гарантирую! Как вы могли уже догадаться, от вас требуется надежный прибор для выявления этой самой нитеплазмы. Понимаете, надежный. Если мы ликвидируем совершенно безобидного гражданина, то мы потом ему не объясним, что у нас прибор немножко барахлит.

Волна самодовольства залила лоснящуюся физиономию изобретателя.

– Я вас поздравляю, юноша. Вы оказались в нужном месте и в нужное время. И надеюсь, с нужной суммой. Поэтому вы получите то, что требуете.

– А я надеюсь, что вы не собрались всучить очередной аппарат для определения страха по анализу свежести воздуха. Так что, когда и сколько?

Изобретатель ушел за шкаф, там чем-то громыхал, что-то отодвигал, костерил мальчонку. Прибор, необходимый для спасения вселенной, нашелся где-то за ночным горшком. Новый детектор, точнее демонометр, оказался куда компактнее, чем та пресловутая тележка. И напоминал старинный револьвер типа "наган", которым я любовался в музее на Марсе.

– Прибор ловит изменения в распределении субнуклонов-гравитонов, это такие мелкие-мелкие блошки. А искажения, будьте уверены, вокруг нитеплазмы непременно возникают. Вот здесь, в районе курка, есть экранчик, который цветовой гаммой и цифровыми индикаторами показывает любопытному глазу интенсивность этих самых изменений. Сейчас мы вставим новый источник питания, радиоизотопную батарейку то есть, и начнем... раздемонизацию! С вас, как вы и просили.

Честно говоря, внутри меня заекало, когда он навел на меня свой "наган". Даже захотелось, чтобы "наган" оказался игрушечным, а Викентий – обычным жуликом. Изобретатель с минуту просматривал меня, слегка цокая языком: "Так-так, интересно... И поучительно". Наконец, я неприкрыто взвыл:

– Да что там такое? Именем меркурианского городового

отвечайте. Есть или нет?

– Есть.

Мамальфея, Мамальфея. Узнать, что ты – всего лишь гнездо и питательная среда для какой-то гадости, по сравнению с которой самый мерзкий червяк является милейшим обаятельнейшим существом!

– Но в остаточном виде, – продолжил изобретатель. – Просто следы, вряд ли способные к чему-либо. Похоже, что спора в вас погостила, но ушла.

Я перевел дыхание, я почти испустил дух от облегчения.

– Вот с этой самой последней фразы и надо было начинать, бессердечный вы человечище. Дайте-ка я вас тоже поанализирую.

Но, как и ожидалось, ни в изобретателе, ни в шестипалом карапузе, болеющем за "Динамо", даже следа этой гадости не нашлось.

– Пять кило гафняшек, – сказал он.

– Деньги всех портят. Одно кило. И я не говорю Слоняре, что вы его нагло обманули.

Он был расстроен, но пришлось согласиться.

16

На обед я решил выяснить, как идет без меня служба в префектурной полиции.

И выяснилось, что начальник полиции в отпуске, но, в отличие, от меня проводит время с пользой для организма, в Хунахуна. Пока он там подвергается квалифицированному обслуживанию, его обязанности с большой радостью исполняет Рекс К502, как начальник самого главного отдела. Однако же в отделе после него старший по званию – уже я.

Ведь если Рексу куда-нибудь исчезнуть, то согласно полицейскому уставу (пункт 178-бис) за исполнение обязанностей командира меркурианской полиции возьмусь я. Так уже было – целую неделю в прошлом году – когда самый важный начальник вместе с главой разбойного отдела улетали на полицейский съезд в Эдуардыч-Сити, префектура Луна.

Но для начала надо провентилировать бывшего друга Рекса. Бывший собутыльник и собабник приветствовал меня своеобразными словами:

– Все-таки ты поступил по-своему. Надеюсь, уже написал рапорт об увольнении по собственному желанию? Или ты хочешь вылететь по служебному несоответствию?

– Ладушки, иудушка. Я накатаю заявление по собственному желанию. Всё, как принято, на гербовой бумаге. Надень подгузники, а то, чего доброго, описаешься от восторга.

Я торжественно взял листок, ручку и написал несколько слов.

– Рекс, посвети-ка командирским взглядом, всё ли чин чином, давно таких заявок не рисовал. – Он встал правее и сзади меня, чтобы заглянуть в бумажку и тут я, как говорится, совершил поступок. Нанес вероломный удар вероломному человеку, локтем в солнечное сплетение. Подобное влечет подобное. Рекс вряд ли осознал эту истину, но сложился «уголком». А теперь достаточно было ткнуть основанием ладони в левую боковинку его затылка. «Уголок», опрокинувшись, впилился в пол. Шприц-пистолет подлетел с моей помощью к его шее и, приложившись своим жалом, впрыснул супраэнцефалин.

Сейчас психика Рекса распахнет настежь ворота и будет готово к бесконтрольному некритичному восприятию. За пять минут я должен внедрить в мозг Рекса психопрограмму – вплоть до подробного расписания конкретных поступков. Нас обучали этому в академии – так называемой "зомбификации".

Аккуратное, но настойчивое нажатие подушечкой пальца на его глазное яблоко. Оно чуть-чуть выдавливается вперед, на меня,

и в получившуюся щель можно просунуть первый электрод. По датчику слежу за его продвижением вдоль окологлазных костей. Вот есть непосредственное касание биоинтерфейса Анима в районе решетчатой косточки. Проводок смещается чуть правее и, наконец, я нащупываю контакт. Второй электрод протискивается через ноздрю, а потом по нёбной косточке – тут пришлось немного повозиться, прежде чем нашелся контакт. Наконец, я стал работать с Анимой Рекса напрямую, минуя блок обработки запросов.

Через подсоединенные проводки из моего карманного компьютера поступают коды для перепрограммирования его мотиваций. Биоинтерфейс Рекса преобразовывает их в нервные сигналы, те возбуждают нейроны гиппокампа, которые делают записи в долговременной памяти.

Всё, пора вливать:

– Значит так, милок Рекс, ты сейчас будешь старательно вслушиваться. Пора тебе, оторвав задницу от стула, помчаться в Торчер-сити, чтобы провести свирепую инспекцию. В южном секторе мы дожили до критического момента, заедает бандитская свора. Сотня генных подсадок за один месяц, дюжина полных расчленений на органы, почти триста насильственных имплантаций. Наши городки переполнены интеллектуальными насильниками.

Ну вот, теперь можно вынуть проводки, затолкать Рекса в кресло и вколоть ему пептидный препарат вивацин. Через минуту начальник разлепил веки, но зрачки пока еще были расширенными, мутными, голос деревянным. Ну, молодца, это скоро выправится.

– Да, я поеду, – охотно согласился он, улыбаясь, как продавщица в бутике. – А тебя, лейтенант, назначаю вр.и.о. начальника полиции по Скиапарелльскому округу. Дня через три вернусь, так что в кабинете ничего не меняй. Вот когда старичка-шефа спровадят на пенсию, а меня на Марс, в полицию метрополии, ты, может, и угнездишься здесь. Если доживешь, конечно. Ха-ха.

И Рекс айда собирать манатки в дорогу. Три дня, конечно, не густо, зато операцию по психопрограммированию провел я надежную. Можно таким способом даже закодировать мужика на то, что он – баба. А бабу на то, что она мужик. Ну, это дело больше на Земле распространено, чтобы тема размножения осталась только в книгах по биологии. Сейчас, когда вкалывает работ, а не человек, лишнее население на Шарике это уже не рабочие руки, а только голодные рты; корпорациям и прочим капиталистам такое не нравится. Мои мысли самостоятельно

переключились на фемов. Надо бы выйти с ними на контакт. Но как?

В полицейские картотеки они попадали лишь свидетелями по некоторым делам, и это тоже редко. Не было случая, чтобы у какой-нибудь из "сестер" по-настоящему увязли коготки. Похоже, все желания эти девушки удовлетворяют совершенно особыми способами. Не числится на них даже подозрений на кражи, разбои и махинации. Известно, что фемки не терпят обид и с оскорбителей спрашивают сполна, но за последние несколько лет никого они не загасили, по крайней мере так, чтобы попасться. Это могло означать не только излишнюю гуманность, но и разумное нежелание привлекать внимание.

Фемки не предложили подбросить меня из Долины Вечного Отдыха домой, не стали вступать в сношения (дипломатические, разумеется) и здесь, в Скиапарелли. Значит, по какой-то причине утратили интерес или решили ограничиться наблюдением. Возможно, потому что отнесли меркурианского демона к чистой зоологии.

Получается, что, как говаривал некогда ротный, между нами Обводной канал и баржа с гробами. Если точнее, единственный мостик – это Шошана. Ничего себе мостик – ищи его свищи. Однако в выискивании Шошаны есть немалый смысл. И уж если пооткровенничать с самим собой, я не прочь повидать ее просто так. Шоша по логике вещей должна лежать в больнице. Причем прочно. Однако, исходя из "амбарных" книг, у фемов ничего нет своего – ни госпиталей, ни клубов, ни спортплощадок.

Префектурные и частные клиники я быстренько проверил с помощью Терешки Малого сразу по нескольким параметрам моей пропавшей подружки (имя; отпечатки пальцев, которые я, естественно, снял во время совместной поездки; возраст; характер травмы). Хоть пронеслись мы с кибером на бреющем полете над холмами и долами картотек, да и поныряли в ущелья банков данных, ничего похожего на Шошану не выискали. В корпоративные клиники «Комбинации» или «Миража» тоже протиснулись, но и там зря.

– Похоже, ее и не было никогда, – бодро подытожил кибербрат.

– Вот ты бездарь, хочешь свой провал скрыть.

– Бездарь не бездарь, – безразлично отозвался Терешка. – Да только я в отличие от тебя жениться собрался.

– Как! На ком? – я был искренне поражен. – Непонятно что хочет жениться на непонятно чем.

– Без вашего понимания, двуногие, обойдемся, – мудро подтвердил Терешка и обнял лучащуюся от счастья куколку,

похожую на свинку в цветастом платьице. На экране, конечно. – Полное имя у нее длинное, а уменьшительно-ласкательно её зовут Спецслужба. Мы соединим свои ассоциаторы. Обменяемся ключами к банкам данных. И, конечно же, ведомыми только нам способами, станем предаваться утехам любви. Короче, законнектимся не по-детски.

– Любовные утехи одобряю. Единственный минус: ваш брачный союз – это уже конгломерат кибероболочек, за что я могу ответить по закону.

– Что-нибудь придумаешь как всегда, оборотень в погонах. Моя милая Спецслужба – большая специалистка по работе с косвенными данными. Имплантат требовался твоей Шошане? Наверняка. Ей же меняли косточку ноги. Надо проверить поставщиков и получателей искусственных костей. Давай, брат, полетели втроем.

Эта парочка подхватила меня и понесла по сетевым каналам, открывая новые и новые просторы, усеянные разнокалиберными данными.

И свинка откопала своим пятачком, что имплантат, точно необходимый моей Шошанке, завозился со склада товарищества "Органы и части для вашего тела" в лабораторию под обозначением "Весна-6", относящейся к корпорации "Комбинация".

Итак, что мы имеем с этого гуся, вернее с "Весны-6"? Единственный способ туда попасть – это устроить санитарную инспекцию. Такие вещи случались очень давно и вообще не на Меркурии. Даже Терешка-малый не помнил, чтобы полиция с санпроверкой приставала к "Комбинации" или "Миражу". Ладно, если поднапрячься, можно ведь устроить воспоминание о будущем.

Час понадобился на подготовку визита. Вскоре, к немалому удивлению директора "Весны-6", я шагал по его кабинету. Нитеплазменная спора в директоре изо всех сил маскировалась, но бодрый красный огонек замигал на экранчике моего демонометра.

– Я слышал, вы ненадолго стали вр.и.о. начальника скиапарелльской полиции. Не лучший способ отличиться вы выбрали, – запустила первый камушек директорская праща.

– Полиция по-прежнему не собирается вмешиваться в дела вашей фирмы, пока они имеют отношение только к вашей фирме. Однако то, что выбрасывается или вытекает с вашего предприятия – уже становится и нашим делом.

– Да, сантехника – это странное хобби, – меланхолично уколол директор.

– Итак, господин директор, перед вами данные свежих анализов. Мы просто берем пробы рядышком с вашим передовой лабораторией. И там обнаруживаем многообразие и плюрализм. Патогенные Protozoa есть? Есть. Кокцидии и малярийный плазмодий в изобилии. Причем мутантные колонии. Сообщества амеб есть. Плесень болезнетворная грибковая – пожалуйста. Есть даже вирусы с весьма измененным по отношению к стандарту генетическим кодом. Эти тварюшки, само собой, являются большой неприятностью для жителей соседних жилых секторов и хором напевают о том, что вы – неслабый источник мутагенеза. Все вокруг вас просто цветет и пахнет.

Собеседник сделал откровенно незаинтересованное лицо.

– А ведь, господин директор, борьба с мутагенезом – это общегосударственная обязанность должностных лиц, то есть, нас с вами. Смотри Основные Направления, три тысячи третья страница, вторая строчка сверху. Со мной заместитель главного санитарного врача префектуры Меркурий – Альфред Ле Дюк, он сейчас под дверью дожидается.

Этот Ле Дюк, по прозвищу Поросенок, в свое время так запустил канализацию, что там глисты выросли до метровой длины и, обзаведясь глазами, стали по ночам нападать на посетителей туалетов. Я Альфредку отмазал – соответственно он был мне премного благодарен и в знак признательности избавил Скиапарелли от громадных слизневиков – колоний дизентерийных палочек-мутантов, которые проявляли признаки коллективного разума…

– Хорошо, господин вр.и.о. начальника полиции, вам дозволено осмотреть помещения с потенциальными источниками заражения и загрязнения. Разрешение не относится к информационной технике и лабораториям, не имеющим прямого сообщения с внешним миром.

И мы съехали в лифте на пять ярусов вниз. Но дальше пути не было.

– Все, что там находится, совершенно секретно и не имеет каналов взаимодействия с окружающей средой, – пояснил директор, сочась превосходством высшего разума.

– Вы имеете в виду каналы, по которым что-то перемещается физически?

– До вас не доходит? Полностью замкнутые циклы, – скупо отозвался директор.

– Ладно, мы осмотрим верхние ярусы.

И вдруг на третьем ярусе я увидел биомеха явно медицинского назначения, вкатывающегося в одну из дверей.

– О, это любопытно. Здесь что, профилакторий, госпиталь?

Или, может, лепрозорий?

– Небольшое экспериментально-клиническое отделение – для проверки некоторых препаратов и средств, разрабатываемых у нас.

– Во всяком случае, здесь после проверки могут спустить в клозет какую-нибудь вакцину с синтетическими вирусами. А они отмоются, оклемаются и – за работу. При всем при том, ваше отделение не значится среди медицинских учреждений города. Хотя такая деятельность относится к числу требующих лицензий Министерства Здоровья – смотри Гражданский Кодекс, статья сто восьмая.

Пока директор не знал, как ему поступить, я поступок сделал, в дверь вошел. В первой палате все койки сиротливо пустовали. А в следующей пара коек была загружена занемогшими фемками. Одна из них оказалась Шошаной.

– Это, как я погляжу, лечебница для бомжей. Трогательно. Именно тут они поправляют свое здоровье, пошатнувшееся из-за неустанной борьбы за победу симметричности во всем мире. Директор, наше совместное обследование закончено на сегодня, я подпишу вам положительное заключение. Ты, Альфред, тоже дуй на выход, хорошо поработал. А я задержусь на пять коротких минут.

– По-моему, и вам пора, – злобно процедил директор. – Совершенно не понимаю, что вам требуется в нашей клинике. Полечить свою шизофрению вы и в другом месте можете.

– У меня посещение больного. Мы ж не в тюремном изоляторе.

Директор, имеющий четкое выражение зубовной боли на лице, удалился. С ним и Поросенок.

Я сперва проверил лазарет на нитеплазму – вроде было чисто здесь – а затем уж повернулся к подружке, что смирно лежала под одеялом. Я бы не сказал, что на ее лице присутствовал хоть какой-нибудь намек на радость встречи.

– В любом случае я рад тебя, так сказать, видеть и все прочее, – преодолев некое смущение, обратился я. – Ходить-то можешь?

– Ходить могу. Провожу тебя до двери, чтобы тебе легче было уйти отсюда.

Она откинула одеяло и встала. И оказалась в маечке и трусиках. Накинула коротенький халат, подперлась костылем. Ножки у нее по-прежнему были ничего. Даже та, что угодила под скалу. Лишь парочка хоть длинных, но малозаметных шрамиков слегка портили ее. Или не портили вовсе, по крайней мере, на мой взгляд.

– Чего пялишься-то?

– А нравишься, вот чего.

Шошана взяла своими пальцами меня за кисть и слегка тряхнула. Тряхнула слегка, но моя рука едва не выскочила из сустава.

– Значит, я все-таки вызываю глубокие чувства.

– Забудь обо всем, Терентий. Меж нами там, в дороге, случилось недоразумение. Понял?

– Конечно, у меня в Афродизианске были куда хлеще эпизоды, не говоря уж об объятиях Электробабы после приличной дозы амфетаминов. Но там было потребление, а у нас чувства... Ты спасла меня, а я тебя. Мы жертвовали собой друг друга ради. Согласись, это дорогого стоит. А сейчас я начинаю войну против нитеплазменного демона и всего, что ему служит. Мы с тобой или победим вдвоем, или вдвоем проиграем. Но упрекнуть себя не в чем будет.

– Я не могу выбраться отсюда.

– Если я могу, значит, и ты тоже. Я тебе, считай, арестовал. Ты только подыгрывай мне.

Я накинул ей на плечи свой длинный санитарный халат и потянул за собой. В цехах никто пристального внимания на нас не обращал, но около выхода выстроился уже забор из старшего офицера службы безопасности и еще двух комбинашек. Я помахал своим полицейским удостоверением.

– Спокойно, коллеги. Обычное дело, я забираю эту даму.

– Стоп, лейтенант, – твердо стоял на пути комбинашка. – Что это еще за самоуправство, немедленно отпустите женщину.

– Не лейтенант, а господин начальник столичной полиции. С каких это пор полицейский лишился права задерживать подозреваемых?

– Где санкция на арест, подписанная прокурором?

– Эта дама не арестована, а задержана для выяснения обстоятельств получения ею травмы на срок до двенадцати часов. Пункт двенадцать-прим Устава префектурной полиции. Учи матчасть.

– Там говорится о чрезвычайных обстоятельствах, – упорствовал комбинашка и физиономия его напоминала пустое ведро.

– На срок до шести часов – для выяснения подозрительной личности – можно задерживать без всяких чрезвычайных обстоятельств. Документов-то у нее нет и имплантат возможно получен нелицензионный. Если уж читали Устав, то пробежали бы параграф до конца. А потом могу и объявить чрезвычайное положение на территории вашего завода. Потому что все его окрестности заросли патогенной микрофлорой. Кто занимается

незаконной медицинской деятельностью? Я, что ли? И кто скрывает от проверок все помещения ниже пятого яруса? Может, там бюро интимных услуг?

По-моему, я переусердствовал с трепотней. Дуло его плазмобоя двинулось в мою сторону.

– Так, угроза оружием представителю власти. – Я скользнул вперед, падая на руки и подсекая ногами комбинашку. Он свалился на меня, и я из-под его "мышки" срезал бластером другого бойца охраны, который едва не попал из плазмобоя в мою башку – плазма впилась в пол возле левого глаза. Третий комбинашка стал стрелять второпях, но лишь высек искры и брызги из жирной спины своего командира, от того пошло столько пара и дыма, что я без труда замаскировался. И тут Шошана, используя костыль, сыграла своей нетравмированной ножкой ему по уху. Комбинашка, ударенный в ухо, укатился и больше не мешал.

– Спасибо, ты очень добра ко мне, – поблагодарил я подружку.

– Я чувствую, ты снова готов злоупотребить моей добротой.

А со стороны улицы к нам навстречу уже торопился эскадрон комбинашек в двадцать копыт.

– Есть и другой выход. – Шошана потянула меня за рукав и поскакала с помощью своего костыля, похлеще, чем горная коза. Привыкшие к благопристойности и порядку сотрудники «Комбинации» вежливо уступали дорогу. Но нас догонял грохот, эскадрон комбинашек несся следом. По стенам пошли пузыри от бластерных выстрелов, когда мы влетали в лифт третьего яруса. А вот уже броня двери прикрыла наши спины и затылки от артобстрела. Однако вместо кнопок с номерами этажей в кабине имелся лишь небольшой сенсорный пультик для ввода кодов. Но Шошана, не растерявшись, лихо поцокала по нему пальцем и мы тронулись – явно вниз.

– Знаешь код?

– Просто запомнилась последовательность электрических сигналов – мы же, фемы, согласно генетической карте, с магниторецепторами... Теперь, выскакиваем.

Восьмой ярус явно приходился на внутренности платформы. Здесь были коридоры, освещенные лишь теплоэлементами, – то есть, предназначенные лишь для зрителей инфракрасного диапазона. Все, как и положено в этом диапазоне, размытое и плывущее. И еще присутствие демона – всегда и везде.

И началась скачка среди вялых бордовых потоков, сочащихся из светильников-теплильников. В конце каких-то концов мы оказались в здоровенном цеху, на сплетении металлических

мостков и трапов – десятью метрами ниже была странная ребристая поверхность, наверное, крышка большой-пребольшой цистерны. И вдруг из нескольких щелей в стенах цеха показались фемы с плазмобоями в руках, числом пять.

– Стрелять они здесь не будут, – шепнула Шошана. – Но другие средства воздействия не исключены.

Это хорошо или плохо, что не будут? Пока я задавался таким вопросом, в подтверждение ее слов фемы сложили свои плазмобои на пол и стали продвигаться по мосткам сразу на нескольких уровнях.

– Неужели думают, что они нас месить ногами будут, а мы станем их обнимать. – Я стал наводить плазмобой на ближайшую амазонку. Тут Шошана выдернула обойму из моего оружия. Вот те на.

– Ты чего, сдать меня решила подружкам? Не смогла принципами поступиться?

– Просто здесь принято вести себя прилично. – Она скосила глаза на цистерну.

– Атомный реактор там, что ли?!

Для подъема настроения выудил из кармана раздвижную электрошоковую трубу – этаким "телескопом" я уже не раз показывал кое-кому небо в алмазах. Когда надо, из нее выскакивает невидимый тросик из нанотрубочек с шариком на конце. Чем не знаменитый японский цеп "кусари"?

Тут у меня в глазах еще больше потемнело, а вернее в мозгах – будто сыпанули на голову несколько ведер земли.

Я выстреливаю тросик и его кончик, вооруженный шариком, захлестывает балку. Оп и ля, с помощью своего "кусари" перебираюсь на другой мостик, ради того, чтоб отложить на попозже свидание с двумя девушками. Но я, видно, крепко приглянулся этим кудесницам. Они забрасывают на мой мостик тросики из широкомолекулярных нитей, раз и на нем, два и на меня – с двух сторон.

А я сумел то, что явно выбивалось из диапазона моих возможностей. Прыгнул на руки, а нижней частью тела, которая стала теперь верхней, сделал "мельницу" в лучших традициях марсианского monkey-boxing. Две фемки были сметены как крошки со стола. Сорвавшись с мостика и просвистев положенные десять метров, барышни шлепнулись на цистерну. Ура, система симметрий сработала – они мне, я им.

Тем временем, до Шошаны добралась еще одна подружка, прошмыгнув по потолку на колесном блоке. Шоша поставила блок на удар ноги и даже перехватила противницу за щиколотку. Однако, та выскользнула из захвата, кувыркнувшись вперед.

Потом пошла колесом назад, в конце курбета нанесла два боковых удара – ребром ладони по горлу и ногой по голени. Но Шошана словно съежилась, поэтому целой осталась и даже запаяла сопернице пятерней в область солнечного сплетения. Фемка скорчилась, похоже, что от серьезного поражения нервных узлов, и вышла из игры.

Последняя противоборщица пронеслась цепляясь за мостик снизу, почище гиббона, под конец из под ногтей двух ее пальцев развернулся клинок-метаморфант. И нацелился на шею Шошаны.

Я с воплем оттолкнулся от балки, где только что сражался, и оказался на том мостке, где единоборствовали фемки. Не очень ловко всунулся со своим "кусари" меж ними. Лезвие клинка развернулось и устремилось мне в живот. А во мне словно десяток проглоченных пружин сработали.

Я изогнулся дугой назад, а когда клинок должен был вскрыть мне живот, совершил прыжок с переворотом, используя вместо оси руку фемки. В виде следствия ухватил подмышку голову фемки и произвел бросок.

Когда всё прояснилось, я сидел на мостке, выставив ноги вперед, как ребенок, который перекружился на карусели. Смотрел на свой распоротый мундир. Фемка же поднималась на четвереньки, заодно пытаюсь вытащить свой клинок из щели. А Шошана стояла над ней и тыкала ей тремя пальцами в место соединения шеи с головой. Недружественная фемка кашлянула и растянулась на мостке беспомощной тушкой.

– Малой кровью и на чужой территории. Вот как надо работать, – расхвастался я, но Шошана уже подталкивала меня в сторону одной из дверок. А демонометр показывал, что в цистерне находится нитеплазма.

– Шошана, там спора. Зачем Плазмонту этот бочонок? Что там в нем хранится?

– Это материнское вещество, – скорбно призналась напарница.

Значит, что-что, а матка у фемов есть. Бесформенный слизень, который является по совместительству коллективным родителем и предводителем. От этого монстра фемки получают все: гены, воспитание, радость. И отдают ему все, включая жизнь.

– Это душа всех фемов. Центр симметрий, – как-то неуверенно, будто пытаясь усыпить себя, защебетала ритуальные фразы Шошана.

– И также как душа любого отдельного человека, она может быть захвачена демоном. Только последствия будут куда неприятнее. Контроль демона над всеми фемами – это же жуть!

Что там в Шошке творилось секунд пять, не знаю. Потом она

выхватила сквизер. Честно говоря, я не знал, кого она обработает.

Для меня обошлось – она выстрелила в одну из трубок, отходящих от цистерны. И я услышал, нет почувствовал, как там, внутри емкости, что-то заворочалось. Во мне это отозвалось, где-то под ложечкой, чего уж говорить о Шошанке. Она и виски сжала, и даже заурчала.

Я понял, Шошана стала – по своему мнению – чем-то вроде матереубийцы, поэтому обхватил ее за плечи и потащил к двери, на которую показано было минуту назад. Та действительно представляла собой незапертый выход. А за ней имелся крохотный лифт.

– Нижнюю кнопку, – хрипнула она. Я нажал, что полагалось, и стал ждать. Это самое неприятное, когда ты нервничаешь, выделяется адреналин, а надо просто застыть и не думать о том, доедешь или нет. Просто истлеваешь изнутри, как масляная тряпка, брошенная на горячую плиту. Но мы добрались до самой нижней палубы, где среди плетения труб и кабелей, змеился матовый блеск пневмопроводов. Я прижал Шошку к груди, она тоже ухватилась за меня, затем мы рухнули на аварийный клапан, который развернулся и втолкнул нас в воздуховод.

17

– Ты что серьезно навредила ей... ему? – поинтересовался я, когда нас выплюнуло из колодца уже в одном из бидонвиллей.

Спросил из вежливости и ожидал проявления безутешного горя. Однако, с этими фемами ничего не поймешь, ответный голос был у Шошаны как сухой лед.

– Пожалуй, нет. Вызвала что-то вроде шока. Думаю, что поврежден коммуникативный узел и соответствующие структуры периферийной памяти. Полная реабилитация займет, может быть, неделю. ОНО будет жить только собой все это время. Материнскому веществу придется снова решать, зачем ему нужны люди.

– Извини за этот вопрос, а также последующие и предыдущие, потому что многие из них, конечно, бестактны. Вы все действительно вылупились из той самой цистерны?

– Материнское вещество задумывалось как некий универсальный инкубатор, в котором сочеталось бы хранение общего генофонда в виде октаэдрической матрицы, его контроль, а также наделение зародышей генотипом по определенным схемам. Но, само собой, инженеры не думали, не гадали, что материнское вещество всерьез займется усовершенствованием матрицы и врожденные свойства будет подбирать не по готовым схемам, а по смыслу. Своему смыслу.

– Шошана, ты рассуждаешь о матке, как о старой умной бабусе со степенью доктора наук, но ведь в лучшем случае она что-то вроде компьютера, намастачившегося в области социогенетики. Однажды он подыскал верный способ избавиться от назойливых программистов – с помощью своей продукции, то есть вас, сестрицы.

– Если даже конгломераты кибероболочек, когда над ними поработал эволюционный ветер, проявили разумность и эмоциональность... То что уж говорить о субстанции, которая зачинает нас, как мама, взращивает, как садовник, и общается с нашими душами... как божество.

Ага, это интересно.

– Вот сейчас мы тронули самую суть, Шошана. Смею предположить, что все вы, как мухи в киселе, в психической и даже физической зависимости от вашей полужидкой богини. Однако ты все-таки рискнула святотатственно обидеть ее. Что-то здесь не так. Твоя... явно ненормальная самостоятельность и такое прочее – извини уж за комплименты – это все тоже было запроектировано маткой?

– Скорее всего, да. Поэтому-то я решилась причинить ущерб материнскому веществу. ОНО обязательно предвидело такую ситуацию.

Теперь понятно, почему Шошана не рехнулась, а успокоилась и вполне отбалансировала свою психику. И почему фемы не организовали массовой облавы на нас. По их мнению, сестра Шошана подняла руку на богиню-мать, разве что с ее попущения.

И почти одновременно с нами в полицейскую штаб-квартиру прибыл генеральный директор "Комбинации" господин Петрофф-Сидорофф. Сам! Не "номерок" какой-нибудь, а тот, кто еще на Земле был крутым бизнесменом. Чья подпись стоит под Хартией Солнечной Системы, которая выбита золотыми буквами на стене Музея Космики в Бредбериево.

Едва я сбагрил Шошану в «комнату для переговоров», полагающуюся полицейскому начальству, как в кабинете оказался человек, слишком низенький для природного космика, в костюме-тройке, который увидеть можно разве в передаче с какого-нибудь важного бала-маскарада вроде Собрания Касты.

– Предлагаю положить карты картинками вверх, – начал Петрофф-Сидорофф,. Я навел справки, судя по ним, вы были ответственным, даже ревностным служакой. Отнюдь не смутьяном. Что вообще свойственно питомцам "Мамальфеи". Были да сплыли. Ну, так что же с вами случилось?

Индикатор нитеплазмы помалкивал. Это, однако, не давало гарантии. Впрочем, отчего ж не поднять забрало, если нет других вариантов.

– Господин Петрофф-Сидорофф, воспитанники "Берлоги" тоже ревностные, но только они, в отличие от мамальфейцев, несколько прямолинейны, и лобная кость у них толстая... Вы, должно быть, имеете справку о том, что я занимался расследованием нападения на караван "Миража" в Долине Вечного Отдыха. Все серьезные эксперты усиленно кивали в сторону вашего концерна. Но я избавился от этой версии по ходу своего расследования, хотя мне вредили (притесняли, угнетали) с упорством достойным лучшего применения – и бомбануть хотели, и из гранатомета стреляли. Итак, нарисовалась цепочка событий, приведших к разбою на большой караванной дороге. А привел в действие это безобразие некто Дыня, мутант, труженик "Миража". То есть, служащий компании устраивает с ведома своего руководства неприятности родимой фирме. Это должно что-нибудь означать? Должно. А именно то, что фирма "Мираж" – двойной чемодан. Сверху навалено какое-то барахло, а под фальшивым дном – вся суть. Я много песка съел в Долине Вечного Отдыха. Там, и не только там, под покровительством "Миража"

хорошо устроилась иная форма жизни и материи. Она, вместо наших белков-жиров, из нитеплазмы сделана, иноматериальна по природе своей. В общем, это не какая-то бяка-раскоряка из детской страшилки, иноматерильные объекты заметила еще десять лет назад на Земле наша разведгруппа и нарекла гордым именем Плазмонт. А потом собранная информация была благополучно захоронены в секретных анналах – такое слово неизменно ассоциируется у меня с задницей – флотской разведки.

– Ну, это вопрос к Адмиралтейству. А что, лейтенант, вам все-таки понадобилось в лаборатории "Весна-6"?

– Вначале ничего особенного. Я мастак искать и потому хотел найти свою добрую знакомую, с которой расследовал вместе караванное дело.

– И, обретя друг друга, устроили на радостях пальбу.

– Господин Петрофф-Сидорофф, меня поразил уровень противодействия. На лицо, исполняющее обязанности начальника полиции, не задумываясь, поднял оружие офицер Службы Безопасности! А директор лаборатории был носителем споры Плазмонта. У меня ведь есть прибор для обнаружения нитеплазмы. И вообще я не могу понять, кто кого начал первым использовать, наши бизнесмены нитеплазму или наоборот?

Господин Петрофф-Сидорофф не стал рассеивать туман моего непонимания, скорее всего, он и сам пребывал в мгле. Однако выспросил кратко.

– Зачем вы сшиблись с фемами? Они ведь похоронят вас и вашу подружку.

– Ну, это бабушка надвое копала. Они, между прочим, мне ее и прислали, а вначале даже опекали мое благополучие. У фемов, кстати, ничего не происходит случайным образом. Вы слыхали о материнском веществе?

Господин генеральный директор еле заметно качнул своей знаменитой головой. Мне этого хватило, чтобы воодушевленно продолжить.

– В материнском веществе объявилась спора Плазмонта. Вы понимаете, что это означает, вселение демона в матку, если учесть мощь фемской организации.

– Очень многое, лейтенант. Если только ваши доводы и откровения не бред сивой кобылы.

– А директорша-фемка Медб К845, превратившаяся в вихрь, и потом "стертая из памяти" – это тоже бред сивого марсианского крокодила? Если нитеплазменный паразит еще не успел вас обработать, то пора и вам, многоуважаемый с детства господин Петрофф-Сидорофф, приоткрыть несколько карт.

– Ну, ладно, – генеральный слегка застопорился, а потом

продолжил (он все-таки был решительный мужик, то есть для некоторых сущий деспот). – У нас и раньше происходили исчезновения. Человек, порой даже весомый человек, вдруг пропадает, и нам остается только ставить галочки в графе "прогулы". А разве ведущая компания Солнечной Системы имеет право выглядеть беспомощной? Этого компания позволить себе не может.

Я не удержался от подобострастного: "Ну, разумеется", хотя из этой напыщенности (компания видишь ли ведущая, не в гроб ли ведет?) мы в состоянии проморгать всю Солнечную Систему.

– Тем более, мы не исключали появления под видом без вести пропавшего сотрудника какого-нибудь чужака, – несуетливо продолжал топ-менеджер. – Однажды и впрямь он попробовал появиться, но фальшивку мы – слава Хартии родной – распознали. В общем, полное стирание казалось нам целесообразным. Вы будете осуждать меня за это? Я имею в виду, конечно, не моральное осуждение.

– Я тоже говорю лишь о деле. И да, и нет. Да – после "стирания" Плазмонт не мог уже вернуть вам на работу препарированного им человека. Нет – умыкая вашего сотрудника, демон считывал его, а полиция ничего об этом не знала.

– Какая еще "полиция"? Лишь пару недель назад в вашем мозгу, лейтенант, что-то забрезжило, а до этого вы незатейливо бегали с электрической дубинкой, – генеральный директор поднялся. – Вы или крупно выиграете, или крупно прокакаете. Я пока что собираюсь держаться от вас подальше. Поэтому вы лучше не трогайте "Комбинацию", иначе, шансы на вашу победу мигом улетучатся. Со своей стороны, обещаю замять ту историю, что приключилась сегодня на объекте «Весна-6».

И генеральный значительно удалился. У меня так не получится. Петрофф-Сидорофф, объегоривший тысячи простаков вроде меня, ушел с моего горизонта до той поры, пока не выяснится, победил я или проиграл. Если что, потом скажет: «Он мне сразу не понравился, глазки такие торопливые. И вообще пора устроить проверку в этой самой Мамальфее. Наверняка там плохо моют пробирки». Или: "Я горд тем, что у нас есть Мамальфея и ее питомцы. Как жаль, что я родился на свет обычным образом."

Но в любом случае, разговор повернул направление моего главного удара на "Мираж". Тем более, что есть кончик, за который я еще должен уцепиться. Дыня. Арбуз.

Теперь явись ко мне мой верный приспешник Терешка-мл. Вместе со своим кибер-шпионом я проник, как юркая крыса, в базы данных городской стражи, напоминающие тесные темные

пещеры, и напал там на след. Что-то похожее на Дыню намедни проследовало через КПП обратно в город.

Значит, немедленно требуются санкции на его арест и шмон в его жилище. (Самое простое – разрезать автогеном жизнесферу пополам и вытряхнуть содержимое, чтобы потом многорукие кибер-ищейки порылись.)

Прокурора умасливал с полчаса, уверял, что "Мираж" нежно люблю и просто хочу разоблачить вредителя. Я был убедителен и искренне взволнован, когда живописал блоху, пригревшуюся на груди великодушного концерна. Для большей доходчивости разъяснений мне пришлось незаметно пускать из кармана в сторону должностного лица аэрозольную струю "размягчителя сознания" – скромную дозу опиоидных пептидов.

Обзавелся полномочиями – и вперед. Тормозить никак нельзя, хронометр работает не на меня. Еще надо срочно высвистать Анискина и выписать на него документ, как на общественного помощника. Шериф должен сейчас загнивать где-то в недрах клуба "Экстаз".

Надену, пожалуй, парадную форму лейтенанта со стоячим воротничком, в кобуру спрячу сквизер, за пазуху лазерный резак, и на этом остановлю гонку вооружений. Когда я уже сунулся в дверь, из «комнаты для переговоров» выскочила Шошана.

– А я как же?

– А ты поболей еще. Я думаю, если твои друзья фемы повстречают меня с тобой в "Мираже", то станут очень нервничать и даже постараются обидеть.

– Моя болезнь тебя почему-то не смутила в "Весне-6"... Так вот, в "Мираже" нет ни одного фема. Поэтому выписывай на меня документы, пока я тебе не впаяла промеж.

– Всё понял. Ты хорошо объяснила, Шоша. Только оставь костыль здесь, возьми палочку. Чтобы меня не обвинили в использовании труда хворых и больных.

Анискин обнаружился довольно быстро, у наружней стены «Экстаза», где ему собрались обломать рога трое каких-то ретромутантов. Проще говоря, питекантропов. Но когда появился я при параде и фемка со стальной клюкой, ретро мигом ретировались, отдавая честь.

– На этот раз вы кажется вовремя, – с еле скрываемым удовлетворением произнес шериф.

– Не мы, а ты. Придется поработать, уважаемый.

Хорошо, что он не наклюкался. По крайней мере, не сильно. Пока мы добрались до административного здания "Миража", он уже вполне утвердился на своих каблуках.

У служебного входа к нам стал приставать wохровец.

– Стоп. Куда? – Я ткнул ему в физиономию своим удостоверением и прокурорскими ордерами. А он собрался сообщить по телекому о появлении чужаков.

Тут последовал первый ход с нашей стороны: "e2" по "e4". Шошана влупила ему, едва заметно. Ну, ведьма. И wохровец осел мирно на стул. Другие охранники, заметив, что старший по званию никак не противодействует, перечить ни в чем не стали. Следующим крестиком был помечен отдел «человеческих и квазичеловеческих ресурсов», короче отдел кадров.

Кадровик в «Мираже» не походил на своего собрата по несчастью – на директора «Весны-6». Ласковый, как резиновый пупс.

– Присаживайтесь. Но почему вы не договорились заранее с директором, а еще лучше с правлением компании? – поинтересовался собеседник с милой улыбкой.

– Может, мне еще и объявления вешать на каждом углу, чем я собираюсь заниматься? А занимаюсь я парнем по кличке Дыня. Это хитрая бестия. Истинное ему имя – Атилла С456, вот санкции на арест и обыск. Я спрашиваю, где он? По-моему, вы тот начальник, который должен быть в курсе.

Кадровик, расцветя еще большой приветливостью, поиграл пальцами на виртуальной клавиатуре своего компьютера. А потом без запинок рапортовал.

– Он в производственном секторе. Это в квартале отсюда.

– Надеюсь, ваше высказывание не является неудачной шуткой. Свяжитесь с Дыней по аудиоканалу и попросите немедленно зайти сюда.

– Я попробую. Надеюсь быть вам полезным... мне только надо нажать еще три кнопочки.

Кадровик пообщался с кем-то на невнятном лунарском диалекте, характерном для уроженца Эдуардыч-Сити и, просто лучась, доложил нам.

– Немедленно вызвать его нельзя. Он сидит внутри одной из тридцати панелей управления технологическим конвейером и несколько оптоэлектронных кабелей подключены к его нейроразъемам.

– Ладно. Мы сами прогуляемся в производственный сектор. Только вам придется соблаговолить и проводить нас. Как гиду. – На всякий случай я показал «гиду» тусклый глазок сквизера. – Эта штука не портит костюм. За исключением случаев, когда кто-то благодаря ей сильно накладывает в штаны.

В итоге, мы вереницей – кадровик впереди, наша тройка опоясывающим лишаем по бокам и сзади – двинулась к производственному сектору.

В ячейках, размежеванных мембранными перепонками, то ли прорастали, то ли надувались бульбы, похожие на детали реакторов, турбин и прочие полезные вещи.

– И не надо никаких штампов или форм, – похвастал "гид". – Это что-то вроде огромного 4d – принтера. Хотя у нас его называют «огородом». Аддитивная технология дополняется формативной, биоподобной, действующей во времени.

Ниже ярусом, под "огородом", мы, смирно стоя на движущейся дорожке, обогнули ажурные конструкции, по которым поднималось что-то похожее на тонкие-претонкие лианы.

Я пригляделся, ажурные конструкции пульсировали, сплетая эти лианы из тонких паутинок. Они, наливаясь соком и цветом, дорастали благополучно до потолка, и попадали на верхний ярус, в "огород". Чтобы, в итоге, там образовывать разные полезные в хозяйстве вещи.

– А что за полимер такой? – попробовал выяснить я у сопровождающей нас неприятной персоны с приятным лицом.

– Металлорганический дендример, с поперечной гексагональностью. Но точнее сказать не могу, все-таки это секрет фирмы.

Мы сошли с дорожки, когда оказались в тупике, и тут «гид» вошел прямо в серую стену. Она же перед ним вначале боязливо подалась назад, образовав пузырь, который аккуратно лопнул без шума, ошметок и брызг. Стена, значит, тоже металлорганическая, с чувствительными рецепторами и наноактуторами. И нас она пропустила, между прочим.

Путешествие продолжалось на лифте винтового типа, который опустил нас еще на уровень ниже. Тут имелось что-то вроде аквариума, где наглядно и зримо плавал исходный дендримерный студень, вызывая тошноту и законное омерзение. По своему поведению выглядел он квазиживым, потому что активно двигался (крутился, танцевал?) и, похоже, был способен к жратве и выделению. Этим меня не удивишь, внутреннюю оболочку скафандра из подобной дряни и мастерят, она даже дырки умеет заштопывать. У меня, кстати, имеется квазиживая мочалка, которая усердно съедает телесную грязь без всякой воды. Сажаешь ее на тело и она самостоятельно тебя моет. Но если задремлешь некстати, то она может уползти на кухню, почуяв запах пирога, и там беспощадно его сожрать вместо грязи. Да еще оставит кучку дерьма где-нибудь в углу. Как говорит один известный биолог – наличие кала есть первый признак жизни.

Кадровик завел нас в боковой зальчик, а может и цех – там стояли аквариумы поменьше.

– Господа хорошие и дорогие, я думаю, небольшое развлечение нам всем не повредит. Смотрите сюда, оркестр – "туш".

Напряженные лучи упали на нас троих, а также подсветили три больших сосуда, по форме как перевернутые колбы. В них вовсю резвился этот самый студень, который при виде нас стал еще хлеще кружиться и извиваться, будто обрадовался. Почувствовал наблюдателей, что ли?

– Сейчас какое-то чудо случится, – предвестил Анискин. Я тоже ощутил, произойдет нечто большое и гнусное.

Взаправду, не прошло и жалкой минуты, как в колбах шустро навертелось то, что явно напоминало куски заспиртованных человеческих тел. То, что любят студенты-медики разглядывать. Одни члены еще не имели четкого образа, другие более-менее оформились. И продолжали оформляться с каждой секундой все лучше. В результате этого художественного творчества первым делом получились большие безволосые головы с закрытыми глазами, которые стали кое-что напоминать...

А именно – нас. Присутствующих здесь, всех троих по отдельности.

И тошнота, естественно. И спазмы желудка, добегающие вплоть до прямой кишки.

– Какого х..., сэр, – не удержался Анискин, занося лазерный резак над головой кадровика.

– Не стоит беспокоиться. Это просто шутка, дружеский шарж, – по ласковой физиономии экскурсовода поплыло удовлетворение. – Наш, так сказать, дендример имеет способность к довольно глубокому копированию окружающих его предметов, в том числе и живых. Не обижайтесь, господа, на такое творчество, оно совершенно безыдейное и неконцептуальное. Считайте, что дендример просто приветствует вас.

– Я слыхал, что один скульптор на Марсе, по фамилии Яичкин-Второй, тоже пользуется самокопирующими веществами, – пытаясь успокоиться, произнес я. – Но они принимают определенную форму, когда на них направляют лазерный свет, отраженный от копируемого предмета.

– Как вы смогли убедиться, мы убежали вперед от нашего времени. Поэтому нам достаточно обычного света, – похвалился «гид».

Собравшись, со всей полицейской суровостью в голосе я напомнил ему о правилах хорошего поведения:

– В любом случае надо предупреждать и испрашивать согласия. Ведь среди нас могут оказаться нервные, вспыльчивые и

даже больные люди.

– Да, я именно такой, – подтвердил Анискин. – А еще один скульптор на Марсе по фамилии Шайссер вообще скульптуры из своего дерьма лепит. Чтобы они разноцветные получались и побыстрее, он 24 на 7 хавает подгнившие оранжерейные фрукты с генами подкрашивания. Вот такое самовыражение через задницу. И мы что смотреть на это должны?

– Я полагал, что все вы в первую очередь весьма любознательны. Кроме того, для вас экскурсия характерна бесплатностью. А в конце, между прочим, угощение за счет фирмы, – кадровик так искренне потешался, что даже не хотелось злиться. И вообще не до него стало.

Какого-то черта тот кусок в колбе, который был похож на меня, подрастал явно быстрее других. Теперь вся наша тройка неприлично пялились на это срамное действо, будто попала в цирк.

И в самом деле. Оформлялись, переходя из состояния отростков в цивильный вид, руки, ноги, волосы. Причем не только внешний облик вырисовывался, но и внутренности. Подобия костей, мышц, сосудов вначале получались стекловидные, потом раскрашивались. Сплетались наружные ткани тела, они тоже наливались цветом и обрастали кожей. Определились и краски лица. Потом даже заимелась одёжка. В сосуде образовался второй комплект моей парадной формы, совсем неотличимый от первого. Джинсы Анискина и Шошанин черный плащ (который, кстати, я ей подарил) куда хуже получились. Похоже, что на копирующий дендример я производил самое благоприятное и неотразимое впечатление.

В общем, немного погодя, в колбах появились наши дубли-двойники, один к одному, только уже не крутящиеся, а совсем неподвижные.

– Всё это действительно интересно для павильона ужасов в Луна-парке, но где же обещанный Дыня?

– Да здесь же он, – радость кадровика была беспредельной. – Здесь он, мой кадр.

Свет залил еще один сосуд, в котором находился разыскиваемый Атилла-Дыня. Как бы находился.

– Это, надо полагать, скульптурный портрет. Однако, вы ошиблись, если посчитали, что мы пришли позабавиться вашими кунштюками. Ваши действия уже тянут на статеечку, – грозно напомнил я кадровику.

Похоже, специалист по «человеческим и квазичеловеческим ресурсам» нисколько меня не боится. Придется повышать ставки.

– У меня такое внутри, наверное, это неврозом называется, –

забормотал Анискин. – Еще немного, сорвусь с цепи и всю посуду тут побью. Давайте отсюда сматываться, девочки и мальчики.

– Вам нужен был Дыня, который Атилла. Вот он, и никакого обмана! – голос "гида" звенел от искренности. – Причем тут скульптурный портрет?

Кадровик хлопнул в ладоши, после чего все четыре фигуры... разлепили глаза и произнесли что-то невразумительное.

– Вот зараза, они ж нам замену подготовили, – Анискин, не став мозговать, полоснул лазерным клинком своего двойника. Но сияющее лезвие странно взаимодействовало со стенкой сосуда. Колыхнуло ее, а потом словно впиталось, разбегаясь затухающими огоньками. Скушалось. Никакая это не стенка, а силовой экран. Похоже, что нитеплазменный. Это она умеет поглощать энергию.

Да все же вокруг нитеплазменное! Только нитеплазма здесь мощная, нитеплазма макромира, умеющая притворяться и точно изображать свойства обычной материи, окатывающая вполне обычными гравиволнами мой демонометр.

Тут шериф Анискин совсем несолидно дернул из малоприятного места на выход, как пробка из бутылки с бузой. И мы с Шошаной естественно увязались за ним с позорной быстротой. Однако недавно еще свободный выход тоже оказался перекрыт силовым щитом. От которого нас просто отбрасывало. И светлица соответственно сделалась темницей.

– Нет, нам такую преграду не одолеть, – подытожил Анискин. – Но эту суку мы же можем взять в заложники.

Он аккуратно дотронулся до пиджачного лацкана кадровика – тот как раз сиял от высокого наслаждения. Еще бы, такая сцена.

– Вроде силовым колпаком не прикрыт, – шериф на радостях послал кулак, чтобы угостить в лоб беззащитного, как ему казалось, противника.

Но пока кулак летел, во лбу кадровика обосновалась дыра, то есть, его башка, сделав фокус-покус, превратилась в бублик. А потом весь господин хороший аккуратно расстегнулся – как плащ вдоль молнии – и из прорехи стали дружно вываливаться внутренности. "Плащ" этот расстелился на полу и пополз к выходу, оставляя мокрый след. Пришедшая в нормальный вид голова совершенно ненормально катилась впереди как футбольный мяч.

– Спалю слизняка, – Анискин навел широкофокусный лазерный луч, но тут из плаща выскочило что-то, почти невидимое, голубоватое, и полетело как из пушки в нашего активиста. Тот успел рубануть прозрачный снаряд, однако легковесно отлетел на несколько метров и грузно шлепнулся на

пол.

Замочивший шерифа прозрачный снаряд вернулся в объятия плаща, который поднялся, и вобрав внутренности, склеился снова в нормального кадровика. Затем прокашлялся и стал прощаться:

– Пожалуй, разговор зашел не туда, так сказать, вышел из конституционного поля. Поэтому я вынужден вас покинуть. Всего хорошего, джентльмены. Как говорится у классика, красота спасет мир. Скоро все уродливое в ваших личностях растает как туман, а все прекрасное останется.

Он многозначительно кивнул на наших двойников и спокойно вышел вон – для него силового барьера как бы не существовало.

– Ну, влипли, – Анискин хоть и на полу, но заколотил кулаками и засучил ногами. – Через полчаса эти колобки, срисовавшие на себя нашу внешность, пойдут вместо нас в кабак со своими фальшивыми гафняшками. А нас на мусоропереработку, и колбасу сделают.

– Не бойся, гафняшки они возьмут не фальшивые, а самые настоящие, из наших карманов, – выйдя из ступора, попытался успокоить я добровольного помощника. Вдвоем с Шошаной мы закрепили его на ногах.

– Разве эта кукла сравняется с таким крутым парнем, как ты, – убедительно сказал я Анискину. – Стул и шкаф они могут заменить на двойников, а не тебя. Раз так, то просто попугают нас и выпустят – а мы и не струхнем.

Шериф, скрипнув толстыми подметками, сделал пару приседаний, прочистил носоглотку и опять стал хорохориться.

– Они думали, что Анискина можно уложить каким-то голубоватым студнем, нет, этим его разве что раззадоришь.

– На колбасу, на колбасу, – залопотал вдруг двойник Анискина. – Нет, этим меня только раззадоришь, я ж такой крутой, сто отжиманий и пятьсот приседаний зараз могу сделать...

– Ты, посмотри, – мигом обмяк шериф, – да это же натуральный попугай. И ты говоришь, что он не сможет изобразить меня. Я же не Эйнштейн, много слов не учил, бестолковые словари не читал, поэтому долго стараться не надо. У меня уже голова болит от этого всего.

– Оттого болит, что маленькая, – повторил чью-то шутку дубль Анискина.

– Похоже, они обучаются, слушая нас. Выходит, нам лучше молчать в тряпочку, – заметил я.

– Вам лучше молчать, причем в тряпочку, – повторил мой двойник. И обернулся к остальным дублям, презрительно через

плечо показывая на «оригиналы». – Им пора помалкивать, а нам самое время общаться, дискутировать, декламировать.

«Да этот нитеплазменный колобок в курсе того, что имеется в моем багаже. Небось, изучил "литет мента", паразит этакий», – произнес я тираду, однако внутри себя.

– Паразитизм – тоже форма жизни, не хуже других, – квалифицированно оспорил мой двойник. – Это всегда вершина пищевой и социальной пирамиды. Целые цивилизации существовали сотни лет благодаря умелому паразитированию на чужих ресурсах и чужом труде. Спросите в Лондонском Сити.

– Ну, хватит мысли-то читать, – гаркнул я, но все равно стало зябко не по погоде.

– Какие там мысли. Снимают поверхностные психомагнитные колебания, – заметила Шошана.

– Неправда, – опять возник мой дубль. – Лейтенанта мы досконально изучили. Мы его как словарь пролистали и запомнили. Мы теперь умеем думать, как он.

– Ладно, мальчики и девочки, хватит бодягу разводить, двинули отсюда, – предложил дубль Анискина и уточнил у «оригинала». – Ты к какой бабенке обычно шляешься?

Истинный Анискин в бессильной злобе запустил в двойника шляпу, которая благополучно была водружена на его голову.

И три фигуры двойников – под прикрытием силовых экранов – спокойно покинули демонстрационный зал (цех, камеру пыток).

– Если они мне попадутся где-нибудь без коконов – я им таких звиздюлей накидаю. А твоему дублю, лейтенант, в самую первую очередь, – заскрежетал большими зубами шериф.

– Они рассчитывают никогда не попадаться тебе впредь, – охладил я компаньона. – Кроме того, силовой кокон это их часть.

Анискин сверкнул порозовевшими белками глаз.

– Еще неизвестно, что ты сам за фрукт. Почему это они тебя изучили, да еще досконально? На кого ты вообще работаешь?

– Прекратите свои мужицкие разборки, – встряла Шошана.

– Мой вопрос и к тебе относится, милашка, учитывая, что твоя двойница не проронила ни слова, – огрызнулся шериф.

– Ты страшен в страхе, – польстил я ему, одновременно нащупывая в кармане "телескоп". Вероятно, придется закатать Анискину в лоб, если не устанет бузить.

Однако, уловив, что Шошана превратила свой взгляд в стальной штырь, Анискин переключился на новое направление работы.

– Я пока могу с Дыней разобраться, Атиллой этим сраным в колбе.

Он подошел к силовому кокону, прикрывающему улыбчивого

Дыню, и принялся аккуратно подносить ладонь. Сантиметра за три до "поверхности" пальцы стали тормозить, даже вязнуть, а за сантиметр замерли и уже не пропихивались дальше. При дополнительном надавливании проскочила искра, рука шерифа была отпружинена назад.

– Как будто мы с ним одинаковые полюса магнита, – вздохнул Анискин, растирая и брезгливо разглядывая свои пальцы.

– Эта двуполюсность входит в сущность нитеплазмы, – проявил эрудицию я.

– Ой, какие мы догадливые. Теоретики прямо. – Анискин сплюнул и растер. – Прежде надо было котелком варить. Хотя бы намекнул, что неладно тут, а то: демонометр, демонометр...

А что если допросить дубля Дыни.

– Ты нанимал старателей для нападения на караван? Или этим занимался тот настоящий Дыня?

– Вопрос поставлен в оскорбительной форме. Я и есть самый настоящий. Материалы, из которых состоит тело, не имеют никакого значения. Я мог бы переписаться даже в метаново-водородное тело, похожее на пузырь, с хромосомами, состоящими из кристаллов льда, но остался бы прежним Атиллой С456. Имеющий разум, а не кашу в голове, меня поймет.

– Дыня, я охотно верю, что совсем неважно из чего ты сделан. Главное, что ты делаешь. Люди, бежавшие с прииска, благодаря тебе не раззвенели всей Космике, чем занимается там концерн «Мираж». И на прииске, сдается мне, не только гафний копали, там размножается Плазмонт, производит споры нитеплазменная грибница!

А потом долго молчавшая Шошана положила одну руку на мое плечо, а другую на плечо Анискина. Так что Дыня оказался между нами. А дальше он затрясся словно его сдавливало со всех сторон, потом швырнуло из наших объятий в сторону выхода, где он снес преграду и исчез.

Анискин тут опомнился и решил первым выскочить в коридор, он уже истошно завопил: "За ним, пока не захлопнулась мышеловка-а-а!" Я едва успел ухватиться за клетчатую рубаху:

– Только по-тихому.

– Ну ты, пусти... – перестал контролировать себя Анискин и уже хотел зацепить мой нос своими пальцами, я же намеревался, поддав коленом в пах, переключить компаньона с войны на мир.

– Если будете вести себя как дураки, я вас оставлю тут навсегда, – пригрозила рассвирепевшая предводительница. – Просто без эмоций и мыслей идите за мной.

– По-тихому отчалить не выйдет. Нас ждут. Но есть план, –

сказал помудревший Анискин. – Опустошаем обойму плазмобоя, складываем кучку из металловодородных боезарядов прямо здесь, в уголке. Затем направляем на них лазер-шмазер. Секунд двадцать кучке на нагрев хватит, а потом она разбомбит палубу. Все аварийные и пожарные датчики тут же завопят. Но нам только этого и надо.

И Анискин принялся реализовывать безумный план Анискина. Когда долбануло, я даже решил, что шерифа мы потеряли, накрыло беднягу. Сразу пар повалил вонючий, гарь от паленого пластика. И свист надрывный.

– Разгерметизация получилась на славу, – сообщил шериф, растирая кровавые сопли кулаком. – И по физиономии прилетело.

Свист рывком перескочил на два тона ниже. И ветерок задул неслабый. Конечно же, зажглись аварийные панели и замигали лампочки.

– Сейчас сюда хлынет уйма народа. А нам бы спрятаться, – продолжал руководить Анискин

Устраивая наше счастье, на глаза попались створки встроенных в стены шкафов с пожарным оборудованием. В один из них запихнулись мы с Шошаной, в другом засел орлом дородный мужчина Анискин.

Первой на место происшествия ворвалась аварийная команда. Шошана выключили трех из них, без всякой возни, одним тычком – знает же они физиологию мужиков. В клубах пара и дыма свершился обряд переодевания.

Мы обрядились в комбезы аварийщиков. И вскоре вместе с ними оказались на технологическом уровне платформы. Кругом ветвились пульсирующие трубы и оптоэлектронные кабели, стояли насосы и емкости для всякого кала, который будет выброшен, когда город поползет из нынешнего местоположения в другое. Только мы искали аварийные внешние люки – есть и такие на случай большой катастрофы.

И нам повезло, что мы были в гермокомбезах. Один ненадолго захваченный в плен аварийщик выдал без особых пыток код активации аварийного люка. И мы благополучно вывалились наружу на меркурианский грунт.

Теперь нам предстояло путешествие под стальным небом, сложенным из донышек платформ. Там и сям спускалось на почву громадье колеса, покрышка шириной в два метра, всего колес в одной тележке – пятеро. Такие полноприводные тележки имелись в центре платформы и по бокам. Меркурианскую землю от металлического «неба» отделяло метров пять. Соответственно впечатление создается, что находишься в какой-то бесконечной унылой пещере.

Однако, когда придет черед городу переезжать, платформы расцепятся, встанут гуськом или свиньей, включат свои моторы и потянутся на новое стойбище.

Ну, это потом, а сейчас надо снова попасть в город. Естественно, через пропускной пункт. А запасов дыхательной смеси в гермокомбезе, снятом с аварийщика, имеется лишь на час.

Всего удобнее было путешествовать, переползая по самому "небу". Под днищами тянулись монорельсы для удобства ремонтных работ, за них цеплялись подвижные крюки на колесиках. Вот на крюк и надо было набросить страховочный конец и двигаться как бы на перевернутых четвереньках, отталкиваясь руками и ногами от дна платформы.

До КПП мы добрались под завязку кислорода. Вылезли из-под городского днища, как три опарыша. Проникли через входной пандус на приемную площадку для техники. Контрольные сканеры само собой не засекли у нас никаких расщепляющихся материалов, тех самых, что по правилам должны выгружаться из тракторных реакторов на загородной топливной станции. Поэтому мы смело присоединились к веренице граждан водителей, пропускаемых через боксы.

Офицер городской стражи, угрюмо сидящий в боксе, как паук в своих тенетах, приклеил к липким пальцам наши персон-карты. Потом неприветливо спросил:

– Откуда прибыли?

– Долина Вечного Отдыха.

Он погонял какую-то информацию по экрану терминала.

– У меня нет справки с топливной станции, что вы оставляли там расщепляющиеся материалы. Номер вашего вездехода?

– У нас уже нет никакого номера. Авария, господин офицер.

– Тоннаж и модель вашего транспорта? – не унимался страж ворот.

– Я же говорю, авария. Мы не за рулем. Без транспорта мы.

Брови офицерика взмыли волной.

– Вы хотите сказать, что прибыли в Скиапарелли пешком?

– А то. Оцените наш изможденный вид. Только не совсем пешком. Мы потеряли машину из-за гравитационного шторма в пятидесяти километрах от Скиапарелли. Пропало всё нажитое непосильным трудом! Такое еще случается. Хорошо хоть кислородные баллоны успели спасти.

– Странно. Никаких извещений о шторме нам сюда не поступало.

– Извещения... Вы же знаете, как работает на Меркурии связная аппаратура. Оттого-то и не поступили, что был шторм.

– Да, я не подумал об этом, – честно признал офицер. Когда зазуммерил вызов у него в наушничках, я расслышал. И тут мне в черепушку будто молния хлопнула. Те двойники, что украли наш облик и наши манеры, могли под нашими именами-фамилиями такого уже наколбасить! У офицера забубнили наушнички и сразу зрачки его глаз зыркнули на нас, потом на ящик стола. Там у него наверняка или сигнализация имелась, или оружие. Точно, накудесили наши оборотни.

Мне и сейчас неловко вспоминать об этом, но я прямо с того места, где стоял, врезал ногой офицерику под кадык. Сидел он удобно, поэтому кувыркнулся назад и, приложившись головой к стене, обмяк. Или притворился обмякшим, не желая больше участвовать в борьбе. Анискин еще бросал изумленные взоры, когда ушлая Шошана подскочила к двери и заперла ее, а я сорвал хайратник с отключившейся головы офицера и приложил к своему уху.

"...После подавления попытки путча бывший лейтенант Терентий К123, фем с неопределенным идентификатором и старатель, известный как Анискин Т890, скрываются в окрестностях города, предположительно нижних. При первой же их попытке проникнуть в Скиапарелли, доложите в управление префектурной полиции и попытайтесь задержать до подхода ОПОН. Допустимо открытие огня на поражение. Начальник префектурной полиции майор Леонтий К300."

– Всё понял, – вежливо отозвался я, а потом пояснил сотоварищам, особенно пораженному столбняком Анискину. – Что-то мы натворили серьезное. Если точнее, наши двойники – о которых мы, конечно, забыли, как о мелком пустяке. Короче, нас обвиняют в попытке путча и ставят вне закона. Из Хунахуна, точнее, из объятий Электробабы, срочно вернулся к жизни начальник полиции Леонтий Мудрый. Что означает...

– Нас кокнут при первой же возможности, не дав времени на разъяснения, что мы на самом деле эти, а не те, – подхватил Анискин, до которого наконец дошло.

– А это означает, что нам пора с Меркурия сматываться, – заключил я.

18

Скиапарелли – городок в общем-то небольшой. Однако из этого не следует, что в нем негде прятаться. Поймать одного не слишком заметного зайца на большом-пребольшом пароходе – уже затруднительно, а если таких пароходов десятки?... Вернее, десятки кораблей меркурианской пустыни. Бидонвилли, кстати, обеспечивают лишь кажущуюся интимность-приватность. Там слишком много подсматривающих и подглядывающих устройств – точечных, пылевых и пленочных датчиков. А также шпиков, в том числе мутантов, с их очами-тарелками на длинных стебельках, не говорю уж о шпионящих слизневиках.

Полости платформ мало подходящи для жизни, если вы, конечно, не плесень какая-нибудь. Но вот мусорозаводы, компрессорные станции, белковые комбинаты, канализационные, утилизационные и регенеративные системы, которые располагаются на специальных платформах – это самое то. Там издревле ютится муташка, из числа самой несоциальной, да вконец разорившиеся старатели, да беглые из "Миража" и "Комбинации". Власти там особо никого не донимают (по-принципу, не трожь фекалии...). Облавы редкостны, потому как начальство боится, что обиженная муташка и прочие асоциалы-маргиналы начнут устраивать диверсии на важных городских объектах.

Да и надо же бомжам где-то жить. Вот они и живут. Жрут всякое падло, включая друг друга, хлобыстают откровенную химию, проверяя рецепторы на чуткость, а прочие части тела на прочность, сношаются по-разному, приторговывают органами-трансплантатами, отрезанными у ближнего своего, работают в качестве живых плантаций органов – а вы не в курсе, что у человека может вырасти член на боку? Любую клетку умеючи можно вернуть в плюрипотентное состояние. Выращенные органы идут на черный рынок, бомжи рано или поздно подыхают и отправляются в чаны-дезинтеграторы белкового производства.

Я видел эти чаны, лучше туда в живом виде не попадать. Похожи они на кишечник какой-то огромной змеюги. Их квазиживые полимерные стенки продавливают труп и орошают его расщепляющими кислотами. Через пару десятков метров покойник превращается в лужу слизи, вернее аминокислот, которые всасываются стенками и, пройдя через капилляры интегратора, становятся чавкающей белковой жижей. А еще немного погодя – хрустящими чипсами с надписью "Съешь меня".

Здесь тоже встречаются юрко ползающие шпионские "жучки"

и малоподвижные "глазки", разбросанные в разведцелях полицией да милициями.

По счастью, пропускной пункт, через который мы пробивались с боем, располагался неподалеку от благоуханной территории комбината, где на механохимических конвейерах собирают сотнями тонн вкусные белки, жиры и сахара, и известного в народе под названием дерьмоконфетная фабрика.

Мониторы, конечно, засекли наши физиономии, когда мы еще сидели в боксе на КПП. Однако, оказавшись на городских улицах, мы опять напялили шлемы. Это нормально, многие старатели, пользовавшиеся дыхательной смесью с повышенным содержанием кислорода, не могут сразу перейти на атмосферу Скиапарелли с пониженным процентом полезного газа.

Мимо катился "клоп" – это наш вид общественного транспорта. Мы втиснулись кое-как в его тесненькую кабинку, и Шошана первым делом вырвала плату с регистратором маршрута – теперь он не сможет фиксировать нашу прогулку и отвечать на запросы управляющего сервера. Правда, автоматическое движение к указанной точке Б. прекратилось и управляли мы теперь "клопом" в четыре руки, прижимая заголенные проводки то к одной, то к другой клемме.

На одном из перекрестков мы выскочили из кабинки, а «клоп», шурша колесиками, стал тупо бодать стену. Забор «дерьмоконфетной фабрики» был уже перед глазами, когда мы заметили прогуливающийся неподалеку от него полицейский патруль. Даже послышались ментовские голоса. Заодно показался патруль и с другого конца улицы. Анискин занервничал, но мне показалось: те копы, что ошиваются у забора не без странностей – мерцают они, что ли? Или это у меня в глазах люрики?

– Похоже, что парни у забора, не парни, а всего лишь объемные мультяшки на аэрозольном экране.

И мы прямиком направились к ненастоящему, как нам показалось, патрулю. Однако же, , и псевдоменты стали к нам поворачиваться, наводя свои пушки.

– Просто видеодатчики, управляющие изображением, на нас реагируют. Настоящие менты таких картинных поз не принимают.

И вот патруль совсем рядом, лучи прожекторов отсвечивают от блях, кокард и болтающихся на поясе наручников-самохватов, дула сквизеров смотрят в упор на наши животы.

– Стой, документы, – гаркает передний коп.

Шошана лезет в нагрудный карман и тут словно толчок в загривок. Я, она и Анискин прыгаем вперед – пробиваем аэрозольный экран и валимся в небольшую канавку у самого забора. Настоящий патруль начинает садить из бластеров, но

энергия летит поверх голов. Тем временем, Анискин, улегшись на спину, рубит лазерным клинком забор – однако пропороть электрошоковую проволоку до самого низу ему не удается.

Анискин, оттолкнувшись от моей спины делает кувырок на ту сторону – у меня чуть хребтина не трескается. После него Шошана показалась легче птички. Потом шериф, прислонившись к дыре в заборе, выставил вперед сложенные черпачком руки. Я с разбега воткнул башмак в "черпачок" и перемахнул через голову шерифа. Не очень ловко получилось, на планете с большей силой тяжести я бы просто воткнулся, как сбитая ракета, "боеголовкой" в землю. А на Меркурии ничего. Ну что ж, добро пожаловать на комбинат.

Затем были скачки через трансформаторные будки и трубы. Появился летучий киберглаз на маленьком пропеллере. Но мне удалось поймать его в перекрестье прицелов и шпокнуть. После меткого выстрела я поскользнулся на жиже явно физиологического происхождения и сильно извалялся в чьих-то отходах.

– Эта гадость может быть зрячей, – напомнила Шошана, – тогда ты стал видимым для обитателей здешних мест.

– Времени чиститься нет. Сейчас скину скафандр. Отвернитесь, я стеснительный.

Пара крысаков пробежала вдоль трубы до полуоткрытого люка. Кажется, нам туда.

Из люка вниз вела веревочная лесенка. Она обрывалась, не доходя до пола метра четыре. Мы непринужденно спрыгнули в бункер, забросанный всяким тряпьем, но, как выяснилось уже внизу, со сплошными стенками из прочной стали.

– Похоже на ловушку типа ведро, – подытожил первые впечатления Анискин.

В ответ на его словесный выпад один из углов "ведра" осветился, явив нам человеческий образ. Я вначале подумал, что это объемное изображение, выданное лазерным проектором. Ведь человек имел металлическую руку. На сгибах запястья и пальцев была хорошо заметна металлическая зернистость.

Однако, когда подошел черед здороваться, я понял, что никакой оптической иллюзии нет. И человек настоящий, и рука его подлинная, хоть его собственная, но металлическая. Чудеса кристаллической механики, без шарниров и соединений.

– Кажется, я вас знаю, – «обрадовал» человек с рукой-железякой. – Вы лейтенант полиции, который страшно набедокурил.

– Это набедокурил не я, а мой двойник, – честно признался я.

– Двойник – роботех или биомех? – решил уточнить

встречающий.

– Хуже.

– Тогда пойдемте. – Он мановением своей железной руки заставил одну из стенок бункера разверзнуться, мы благополучно шагнули в получившуюся дыру и оказались в большой грязной трубе. А дыра за нами аккуратно закрылась.

– Лукавить не стану, – произнес незнакомец. – Иногда здесь проплывает мыло, а затем сточные воды – когда на комбинате моют большие дезинтеграторы или капиллярные блоки, те самые, где собирается белок. Но это раз в неделю. Неплохие, кстати, кусочки здесь можно подцепить на обед. Хотя бывает приплывет из дезинтегратора нерасщепившийся каблук или презерватив, которые трудно употребить в пищу.

– А вы тут один?

– Смешной вы, любителей перекусить на халяву всегда хватает.

Немного поплутав по сточным каналам, добрались мы до фильтров. Возле них, процеживая и отжимая что-то, копошилась муташка, совершенно безобидная на вид, с чувствительными пупырчатыми пальчиками.

– Детишки мои, – удовлетворенно сказал человек с железной рукой.

А за фильтрами ползали довольно гнусного вида студенистые существа.

– Тоже мои дети, – представил их железнорукий. – Клеточные колонии.

– Да вы тут хорошо обжились. Прямо лендлорд.

А студни прямо дружно потянулись к нам, едва мы появились.

Отец достал кусочек сахара, и клеточная колония по имени Дуся сползлась в столбик, даже встала "на задние лапки", чтобы псевдоподиями слизнуть сладкое с руки.

Следующая емкость оказалась чем-то вроде тронного зала. Там имелось кресло пилота, свинченное с какого-то разбившегося космического корабля. Лорд заставил его подкатиться к себе и уселся в довольно величественной позе. По бокам встали сущие бесы – тоже его детишки, наверное. На их головах и загривках не просто шевелились, а по-змеиному извивались щупальца со стрекательными клетками. Бесы опирались на длинные руки, причем были заметны столбики разрядных батарей – а ля электрический скат – на предплечьях.

– Ну, так кто из вас двойник? – продолжил беседу хозяин поместья.

– Дублей слепили в подвалах производственного сектора

"Миража" из нитеплазмы, – якобы охотно принялся объяснять я. – А это другой вид материи. Из невидимой же нитеплазмы состоит живое существо – Плазмонт. Оно прорастает сквозь планету, как грибница, а также сеет разумное, доброе, вечное – на свой взгляд. В виде спор. И похоже он владеет концерном «Мираж».

– Здесь Плазмонта пока нет, – задумчиво произнес местный лорд. – Но он в чем-то прав.

– По-своему, – испуганно напомнил я. – Милорд, нам нужны новые идентичности, начиная с персон-карт. Наверняка, с таким обилием детей у вас это дело налажено.

– С вас кило гафняшек, – деловито ответил он; похоже, ему понравилось мое обращение «милорд».

На следующий день все было готово. В том числе маски для наших физиономий, состряпанные из квазиживой органики. При нас эти мерзкие рожи доставали из банок, где они прорастали на специальных рельефах, долго промывали и даже наводили макияж. Наконец их притерли к нашим лицам и мы стали похожи на представителей царства мертвых. Еще час ушло на программирование мимики через контактный интерфейс. А на пальцы было наживлено полипептидное покрытие с новыми отпечатками.

Мы прилежно упражнялись с новыми членами нашего тела, когда началась облава. Сверху посыпалась щебенка, затрясся воздух – кто-то направленными взрывами пробивался в убежище. Через продолбленные шурфы первым делом прошмыгнули пузыри, на их боках светились надписи:

«Всем оставаться на своих местах. Входы-выходы надежно перекрыты. Сейчас в тоннели будет подан усыпляющий газ. Ложитесь на бок или живот – во избежание удушения рвотными массами – и засыпайте».

Вслед за пузырями в шурфы посыпался красный порошок.

Тут уж все присутствующие бросились врассыпную – тучи порошка стремились прилепиться к любому, кто обладал поверхностным электростатическим зарядом.

За бегущими бросились шестиногие технотарантулы, которые наводились на тепло, запах и силуэт, и от их укусов человек околевал на полчаса. Бесы со стрекающими волосами могли обездвижить тарантулов, но зачастую ничего не могли поделать со змеевидными биомехами, которые их обвивали и поглощали. Елки, еще вчера у нас в префектурной полиции не было и близко такого изобилия спецсредств.

Только чур не меня. Заклинание не сработало. Змеевидный биомех обернулся вокруг меня, кольцо электромышц легло на мою шею, разинутая пасть с зубами-иглами уже наводилась на

тепловое излучение лакомой яремной вены. В последний момент я успел перехватить технотварь за горло левой рукой и сунуть ее ядовитую головку под лопасть вентилятора. На меня брызнули светящиеся органические диоды.

Услышал топот башмаков Анискина – он всегда чувствует в какую сторону бежать – и рванул следом, перепрыгивая через технотарантулов.

Фильтры представляли из себя ребристые цилиндры, под которыми был аварийный проток с ныне раскрытыми клапанами. Едва мы сунулись в него и поползли по склизкой поверхности, как десяток технопауков увязалось за нами с неприятным стрекочущим звуком. Ощущение ужаса в беззащитных лодыжках заставило меня избрать тактику "скачущего крокодила", отчего я выбрался первым из протоки. Следом преодолела дистанцию Шошана. Анискин полз чересчур медленно, из-за большого пуза, отчего его и укусили. Успел выпростать голову из люка и, испустив страшное древнемонгольское ругательство из трех букв, наш шериф дернулся и затих – ясно, что надолго.

А с другой стороны открылся люк, показалось дуло плазмобоя, а следом и сержант Мухин, он хоть и в шлеме, а я его по кряхтению и неторопливости всегда узнаю. Тут я и вступил по правилам драматургии:

– Ни с места... мой резак нацелился на твою шею.

– Рожа незнакомая, но голос известный, – заскрипел пересохшей глоткой сержант. – Очередная проделка лейтенанта Терентия. Надеюсь, одна из последних.

– Ты чего так озлобился, Мухин? Мы что мало с тобой вместе говна съели?

– Ты лучше вспомни, как послал ребят на штурм «Комбинации» и снял группу прикрытия. Семь трупаков – это тебе мало для злобы? А потом скрылся, прихватив всю кассу с наличностью.

– Мухин, разве я мог такое учудить? Зачем мне атаковать «Комбинация», если я сговорился с их генеральным директором не трогать друг друга? Ты же видел, что он, как миленький, явился в управление улаживать дела. Зачем мне было снимать группу прикрытия? Я что, воевать совсем не умею? И если бы спер я кассу, ты бы разве повстречал меня на этой помойке? Правильно?

– Когда уберешь свой резак, тогда будет правильно.

– Рано еще... Теперь попытайся не понять, это может быть сложно для тебя, а хотя бы поверить. Мы с Шошаной и Анискиным отправились в "Мираж" за Дыней и, что интересно, застукали его там. Но обратно вернулись уже не мы! А наши

двойники, слепленные из нитеплазмы. Плазмонт заимствует у нас и внешность, и даже память. Половина персонала "Миража"– это либо оборотни, либо люди, несущие его спору.

– Да, оборотни в погонах, в халатах, лампасах, слыхал такое. Давай я лучше накину на тебя наручники. А ты на суде всё расскажешь гражданам судьям и они тебе, конечно, поверят.

– Меня не доведут до суда, шлепнут «при попытке к бегству».

Внезапно из-за его спины послышался топот и голос:

– Чего ты там закопался?

– Да ничего, тут чисто, только технопауки передрались, – после тяжелой паузы отозвался Мухин и безымянные башмаки затопали дальше.

– Действительно, этот, как ты говоришь, двойник твой, подозрительно себя вел, – забормотал Мухин. – Большинству невдомек, но я ведь с тобой неплохо знаком. Думал, какого-то токсина наш лейтенант объелся. Вот, например, до похода в "Мираж" ты со мной здоровался: «Привет, Мухин-Цокотухин». А после того, вдруг: «Шалом, Цеце-Мухин». Это уже обидно звучит, а ты-то безобидный.

– В общем, мне нужны три чистые персон-карты, две мужские и одна женская, чтоб рост в них был указан метр восемьдесят пять – метр девяносто.

– Ясное дело, лейтенант, хочешь умотать отсюда.

– Я доберусь до Марса, и если мы, люди, еще не просрали все окончательно, вернусь сюда с батальоном внутренних войск. Сам стану главой чрезвычайной администрации, ты – начальником полиции.

– Ничем тебе персон-карта не поможет. Если таковая сыщется, то разве что на какого-нибудь неучтенного покойника. В ней будут его отпечатки пальцев указаны и его внешние данные.

– Забудь об отпечатках и внешних данных. Это я беру на себя. Персон-карты оставь в тайничке, а именно в бачке туалета, того, что в салоне массажных дел "Перед и Зад". Закрепи там получше клейкой лентой, чтоб не смыло.

– Ну, смотри. Если дуришь меня, лично вышибу тебе гнилушки из башки, – предупредил Мухин.

– Не волнуйся, запасная голова у меня тоже имеется.

– Через минут десять вылезайте из этой цистерны, сколько вас там, и по коридорчику дуйте налево до вентиляционной шахты – ее мы уже почистили, – сержант стал выбираться из цистерны.

– Стой, Муха, чуть не забыл. Что помогает против укуса технопаука? – сержант молча бросил мне ампулу и закрыл за собой крышку.

Все правильно, паук может цапнуть и полицейского, если тот, попавшись на пути, запоздает с ответом на запрос "свой-чужой". Поэтому сегодня доблестному ОПОНу выдали антитоксин.

Я зарядил мухинской ампулой шприц-пистолет и впрыснул инъекцию бесчувственному Анискину в шею. Через пару минут шериф стал возвращаться "из полета", вначале открыл бестолковые глаза, затем мы его втянули из фильтра. Технотарантулы уже по счастью ретировались.

– Ой, мутит, – пожаловался Анискин, – как будто вчера засосал литр полимеровки.

– Ничего, тяжело в лечении, легко в гробу.

19

Через вентиляционную шахту мы попали в бункер, где хранился испорченный белковый концентрат, а дальше через мусоропровод наружу.

Но вот уже завиднелась вывеска массажного салона – бутерброд из тел. Заветный бачок на месте, просовываю руку под крышку – есть пакет, не надрал меня сержант.

Нормально подгадал Мухин. Покойник, подаривший мне персон-карту, был довольно похож. Поотращивал я немного на своем фальшивом лице нос и щеки, поднадул губы. Потом аккуратно с помощью Анимы изменил рисунок линий на тех органических накладках, что имелись у меня на пальцах. Схожие манипуляции проделали Шошана и Анискин.

А теперь поиграем. Рядом с салоном на улице стояли игровые симуляторы – с их помощью легче всего связаться с Терешкой малым, который наверняка тоже гуляет с подружкой по сетям.

Встретились в мире «Русские сказки», пришлось играть роль колобка и притягивать любителей сожрать меня шутками да прибаутками. Волка, лису, крокодила.

С крокодилом догадался, кто это.

– Точно не съешь меня?

– Я ж не какой-то чокнутый волк или медведь, чтобы тестом питаться. Хозяин, как тебя угораздило попасть на доску почета: "Их разыскивает полиция, они мешают нам жить"?

– Это был не я.

– Верю, – отозвался Терешка. – Я со своей супругой Спецслужбой проанализировал твое поведение и понял, что это не твое поведение. Тем более, что ты – то есть, твой двойник – ни разу не обратился ко мне за помощью. Вернее обращался, но очень странным мыслекодом, так что я побоялся придти.

– Скажи лучше, как нам трём выбраться с Меркурия?

– Каждый отлетающий имеет право захватить девяносто килограммов багажа, что равно живой массе некрупного гражданина в легком скафандре и в чемодане. Кроме того, я от имени себя и моей супруги могу вам предложить гуманитарную помощь, то есть сумму еще на два билета. Денежки будут ждать тебя в банковском автомате на углу Космист-Федоров-авеню и Азимов-переулка по коду 3-0-18 – на предъявителя такой-то физиономии.

– Да откуда ж у тебя бабки, малой?

– Вообще-то, вопрос невежливый. Но если ты продолжаешь корчить из себя мента, то знай. Эта сумма – есть погрешность в

банковских вычислениях, которая сбрасывается на фиктивный счет в конце файла клиентов, а в конце дня уничтожается. Якобы уничтожается. Поэтому можешь считать, что ты линяешь на свободу с чистой совестью. Ну, пока, хозяин. Конец связи.

Я был тронут. Какой-то пучок оптоэлектронных сигналов и вдруг – настоящий друг. И даже сейчас «хозяином» меня называет.

А потом было совещание с сотоварищами. Кстати, на свалке у южной стены дерьмоконфетной фабрики. Здесь только мы и меркурианские оранжевые крысаки.

– Кому-то надо лететь багажом. И, следовательно, кому-то пассажирами, – объявил я с приличествующей грустью на челе.

– Я всё понял, – затрындел Анискин. – Вы полетите влюбленной парочкой на Марс, попивая джин с тоником, я тоже туда прибуду, но только в виде чемодана с мороженым мясом.

– Ну, почему с мороженым мясом? – возмутился я. – Это неправда. С охлажденным.

– Ладно, не с мороженным, а с тухлятиной. Не знаю уж, что веселее.

– Анискин прав, – заявила Шошана. – Он тянет со скафандром и чемоданом куда более установленных девяноста. И ты тоже перевешиваешь установленную норму. Так что сунуть в багаж надо меня. Меня можно сильно охладить – мой организм сам вырабатывает глюкопротеины-антифризы, предотвращая образование кристаллов льда.

– Сделаем нашей девушке укольчик для замедления жизнедеятельности, наладим кислородную маску. Покемарит она часика три, потом мы ее распакуем и возбудим, – обрадовался Анискин.

– Подожди, а сканирование чемодана? – всполошился я.

– Задекларируем как биоматериал для опытов.

– Но сумеем ли мы через три часа пролезть в багажный отсек, чтобы вызволить Шошку?

– Не нравится, не ешь. Тогда мы с Шошанкой обойдемся без тебя в нашем путешествии, – определился Анискин. – Не больно-то ты нам нужен...

– Да, это весомый аргумент, – вынужден был согласиться я.

20

– Пассажирам, вылетающим на Марс рейсом компании «Клипперные гонки», пройти регистрацию у стойки номер пять. Закончив оформление, немедленно следовать в терминальный шлюз.

Маска Анискина имела откровенно злодейский вид из-за нависших бровей и выдающихся щек, к тому же она излишне улыбалась всем, создавая впечатление, что шериф только-только хорошо поел человечинки. Он первым дефилировал к стойке номер пять знаменитым маршрутом, который хотели бы изведать тысячи меркурианцев.

– Ваш билет, персон-карту и приложите пальчик вот сюда, – проворковала служительница-киска в лучших традициях какого-нибудь земного космопорта. Впрочем, в непосредственной близи топтались, лениво пожевывая пузыристую жвачку, два бугая-полицая, выше наших метра девяноста на целую голову.

– Да, пожалуйста, милая, – Анискин исполнил все, что требовалось, кажется, даже не соображая, какой ужас завис над нами.

– Порядок, счастливого пути, – киска пустила в Анискина интенсивную улыбку и он, сияя, как монетка в одну гафняшку, потопал вперед.

Следующим был я. С персон-картой вроде все обошлось.

– Сударь, поставьте ваш багаж на конвейер терагерцевого сканера.

Чемодан неторопливо поплыл через просвечивающее устройство.

– Что там у вас? – голос девицы стал куда более режущим.

– Сударыня, это образцы белкового саморастущего корма, а я – коммивояжер, хочу торгануть им на Марсе.

– Разумеется, но нам придется попросить вас открыть чемодан.

– Слушайте, девушка, какого хрена? Это не портфель, "открыл-закрыл". Там герметическая упаковка. Если я ее вскрою, груз пропадет. А зачем мне везти на Марс тухлятину? Там, что ли, своей мало? Я же в Бредбериево со светлым лицом пойду на квалифицированный биологический контроль, а вам-то что за радость ерундой заниматься?

– А если какая-нибудь протоплазма расползется по всему кораблю? Я настаиваю на том, чтобы вы открыли чемодан. В противном случае ваш билет будет аннулирован и вы даже не получите назад свои деньги.

– Ладно, утихни. – Я понял, что игра вчистую прокакана. Сейчас беру свой чемодан и улепетываю, теряя билет. Не исключено, что меня в нескольких метрах отсюда задержит полиция и отправит на тщательный досмотр. Тем более, бугаи уже оживились и стали посверкивать глазками-бусинками в мою сторону.

Но в тот гадкий момент, когда я удрученно потянулся к ручке чемодана, лампы по всему залу зарябили, сканер стал жалобно пищать и выдавать отказ.

– Вот зараза, – пришел черед занервничать служительнице ворот. – Какой-то сбой в питании, что ли? Хорошо, проходите. Если чемодан и лопнет, то ваша гадость быстро околеет. Там, в багажном отсеке, температура будет немного отличаться от забортной.

– Конечно-конечно, рад услышать. До встречи, золотце.

Шошана поплыла вместе с чемоданом на багажной ленте в грузовой отсек взлетно-посадочного модуля корабля. А я вслед за счастливчиком Анискиным проследовал в пассажирский отсек второго класса того же модуля.

В первом классе – пассажиры посолиднее, в полукаютах со своими санузлами. А во втором – общий кубрик, вдоль бортов кресла-коечки стоят, но тоже неплохо. Анискин привольно расположился, протянув свои ноги-столбы, через одно место от меня.

И вот уже ускорение стало прижимать мои соки к спинке кресла. Взлетно-посадочный модуль покинул шлюз и стартовал, как обычный планетолет. С единственным отличием, что сперва для экономии топлива его разгоняла катапульта по взлетной эстакаде и потому трясло не очень, хотя ускорение было минимум четыре "же". Но потом, когда аппарат уже отделялся от эстакады, вовсю закряхтел жидкостно-реактивный разгонный двигатель и "живую массу" порядком забросало. В моем желудке недовольно съежился завтрак, а в мочевом пузыре – стакан портвейна. Но все равно, как сладко было знать, что поганая желтая говно-планетка начинает мельчать и удаляться от тебя.

Вот, мы уже на орбите. Поэтому завтрак хочет выйти из моего живота и поздороваться с остальными пассажирами. Взлетно-посадочный модуль тем временем наплывает на основной модуль корабля, давно уже разгоняющийся, чтобы вскоре сняться с рейдовой околопланетной орбиты и лечь на траекторию, уносящую в глубины гостеприимного космоса. Меня чуток бросает вперед, и всё слегка плывет перед глазами – от перепада скоростей при состыковке. Опять чувствуется ускорение – начинаем раскручиваться, набухая орбитальными витками в

сторону Марса – вернее, его будущего места на околосолнечной орбите, где мы с ним и свидимся.

В отсеке меркнет свет. Остаются только маленькие светильнички у изголовья кресла-койки, впрочем тепловидящему и так все видно, хотя в несколько размытом виде. Однако, дамы могут спокойно разоблачаться, не боясь, что кто-то разглядит у них подробности и детали. В тепловом диапазоне порнографии не дождешься. Сейчас большинство пассажиров накушается транквилизаторов и окунется на пару суток в здоровый сон, другие нырнут в мультяшный балдеж, изливаемый через экраны хайратника корабельной фильмотекой или засунут в нейроразъем кристаллик с виртуалкой. Когда-то в салоне первого класса ставили сплошные переборки между пассажирами, но потом выяснилось, что двух-трехнедельное одиночное проживание в ящике нередкого человека превращает в клаустрофоба и шизофреника. Сейчас там от четырех стенок остались только разделительные бортики, вроде тех, что имелись полвека назад в плацкартных вагонах, катавшихся по Земле.

Скоро пора придет черед выковыривать Шошану из багажного отсека. Я убедительным ноющим голосом скажу стюардессе, что забыл в багажном отсеке лекарство, важное для поддержания во мне жизни.

Тут произошла какая-то перемена. Я все-таки немало полетал по космосу и знаю в этом деле толк. Кажется, мы начали терять ускорение. Меж тем оно обязано нарастать непрерывно всю первую четверть полета – ведь корабль-парусник будет подставляться под разгонные лучи новых и новых лазерных станций. А вот несколько раз пихнули в бок маневровые двигатели. Значит, меняется траектория – похоже, мы снова перебираемся на околопланетную орбиту. Это мне уже не нравится. Я подозвал стюардессу.

– Милочка, зачем мы вдруг тормозить стали? Я ведь столько лет копил гафняшки честным трудом и опустил их в кассу за прибытие точно в срок.

– Не беспокойтесь, – отвечала ласково "милочка". – Сейчас я справлюсь у пилотов.

Она подвела микрофончик ко рту и о чем-то тихонько забормотала со своими дружками.

– Одна из разгонных станций забарахлила...

– Поэтому... – любезно вставил я.

– ...Нам, чтобы серьезно не ошибиться со временем полета, придется пристыковаться к станции "Меркурий-3", двигающемуся по экваториальной орбите. После необходимой навигационной подготовки, пересчета полетного плана и прочего, начнем разгон

по другой траектории, – заобъясняла она.

Я почувствовал как опять, слегка толкнув мои внутренние органы, включились маневровые двигатели, которые помогут произвести сближение и стыковку. Только зачем? Ведь насколько я в курсе этих дел, при отказе той или иной лазерной разгонной станции, корабль переходит в специальный режим полета на маршевых двигателях. Их мощности вполне хватает, чтобы дотянуть до следующей "разгонки".

Сейчас мне просить, чтобы кибер слазал в багажный отсек за чемоданом – могут заподозрить в нечистых намерениях или, по крайней мере, предложат обождать до стыковки. Дескать, перетопчешься, не сдохнешь.

– Как хороши, как свежи были розы, – отчетливо пропел я и это стало сигналом тревоги для Анискина.

А я снова нажал кнопку вызова стюардессски. Через минуту она сунула не слишком любезное личико в мои крохотные владения.

– У меня, сударыня, вопрос деликатного характера, – прокряхтел я и закатил глаза.

– У вас что-то болит?

– Вот именно. Болит и просит. Наклонитесь еще пониже, я стесняюсь.

Не дождавшись, когда она склонит свой вырез пониже, тяпнул ее за талию – тьфу, тощая она как ящерка – и утянул в свою койку-кресло. Она как раз взвизгнула в микрофон. В ответ люк рубки распахнулся, выбросив одного из вахтенных офицеров. Соответственно его трепетная шея была моментально ухвачена сноровистой рукой Анискина. Вахтенный потянул плазмобой из кобуры, но Анискин рывком забрал у него оружие. И так мы вдвоем с Анискиным оказались в рубке.

– Сколько членов команды на борту и где они? Сколько пассажиров? Живей ворочай языком, кабан, – обратился я капитану.

– Помимо нас еще четверо членов экипажа в своих каютах. Семь пассажиров в салоне первого класса, четырнадцать в салоне второго класса.

– Сколько остается до стыковки с "Меркурием-3"?

– Сорок минут.

– Отворачивай. Действуй маневровыми движками, ложись на уходящий курс и разгоняйся до третьей космической скорости маршевыми двигателями. И не вздумай дурить. Я, может, не слишком соображаю в вашей системе управления, но в навигации вполне петрю. Эта оранжевая точка на экране – "Меркурий-3" – должна смещаться влево. По дальномеру я стану проверять

приближается ли миг свидания с ней, или наоборот – с соответствующими для тебя последствиями. Вот и курсовые показатели в полярных и прямых координатах, склонение – семь градусов. Так что, если ты не вырулишь в нужную нам сторону, я это заметить смогу. А тот зеленый глаз – акселерометр – даст знать, когда перестанешь "жать на газ". Тогда я посажу тебя голыми яйцами на кофеварку.

Анискин поднял капитана за шиворот и ткнул мордой в сторону пульта управления. Астронавт, злобно озираясь на нас, все же взялся за дело. Пара пинков под ребра – и вахтенный принялся резво наращивать мощность маневровых двигателей. Я же пристально, по-прокурорски, глядел на курсовые показатели и экраны локаторов, изредка упираясь глазами в стереоскоп – где изрядно огорчали меня серебристые очертания проклятого спутника.

– Это пиратство! Первый же корабль военно-космических сил вас настигнет, – тявкнул капитан.

– Что ты понимаешь в пиратстве, извозчик. Пираты требуют взять новый курс, а мы требуем, что вы следовали рейсом по расписанию.

Корабль стал закладывать необходимую маневровую кривую.

– Как по-быстрому попасть в багажный отсек? Не темни, сука, – обратился я к более вежливому бортмеханику. "Сука" выпалил на едином дыхании.

– У нас нет прохода внутри корпуса корабля. Только по внешнему мостику. Багажка за топливными баками, перед отражателями-приемниками лучевого потока. Туда быстрее всего на ранцах реактивных добраться.

Настолько ли астронавт передрейфил, чтоб не брехать? Анискин живенько уже вынимает из шкафчика два скафандра, один бросает бортмеханику, берет еще запасной кислородный баллон.

– Ты тоже одевайся, на поводке побежишь, – грубо рявкает шериф бортмеханику. – Где реактивные ранцы?

– Вы чего совсем? – вспучился капитан. – Да на ранце без подготовки лететь, это все равно, что идти из свинарника плясать "Лебединое озеро". А по мостику любой дурак пройдет...

Насчет ранцев капитан прав, без тренировки можно быстренько стать метеоритом. Но и с мостиком рисковое дело. Бортмеханик, чего доброго, попробует словчить и по дороге как-нибудь спровадить Анискина вместе с Шошаной в открытый космос.

– Слушай, ты, искрожопый, – пытаюсь облагородить я поведение механика, – ты идешь выручать человека, вдобавок

женщину. И если что-нибудь случится, неважно по твоей вине или не по твоей, я всех тут превращу в пар и фарш. Ты станешь у меня вечным памятником крутиться вокруг планеты, то есть превратишься в "Меркурий-5"... А ты, Анискин, свой любимый страховочный конец не забудь.

Когда астронавт и шериф уже отправились через шлюз общаться с космическим пространством, в эфир влез со своими упреками диспетчер движения – заметил все-таки наш отворот в сторону.

– Рейс тринадцать компании «Клипперные гонки». Вызывает "Меркурий-3". Почему не выполняете команду? Немедленно доложите причину отклонения от указанного курса.

Я прислонил микрофон к губе.

– "Меркурий-3". Вызывает рейс тринадцать. Как слышишь меня? Хорошо, надеюсь. Так вот, иди в черную дыру и не оборачивайся. Курс ты знаешь. Славный рейс тринадцать зачисляется в Межзвездный флот.

– Кто вы? Назовите себя, – все еще не унимался "Меркурий-3".

– Я путешествую инкогнито. Прошу, обращаясь ко мне, не забывать слова "мой адмирал".

Капитан корабля сжал руками виски, будто испугался, что его голова сейчас лопнет, как перезревшая груша.

– Кошмарнавтика какая-то. Сколько вас, кретинов таких, на Меркурии? Я всегда говорил, что жить на этой планете нельзя. Солнце слишком близко, влияет на нейронные связи.

– Оставить мои нейроны в покое, а то они могут обидеться, – остановил я его. – Срочно выведи на ближайший экран ту часть борта, по которой топают мой и твой товарищи.

Видеокамеры выхватили Анискина и бортмеханика, которые плыли-плелись словно жуки по мостику где-то в районе пупырчатых топливных баков. Шериф для скорости тыкал неповоротливого борт-механика дулом плазмобоя в копчик. Заодно приходилось продевать страховочный конец сквозь скобы, приваренные к мостику.

Компьютер показал, что наш корабль сейчас подставляется всем бортом станции "Меркурий-3" (продольная ось смотрит на "пятнадцать часов").

– А порезвее нельзя ли развернуться, мастер? У меня ребра зудят от такой неудобной позы.

– Молодой человек, вы не в кровати. И вообще, вам раньше-то приходилось пилотировать космические корабли? – капитан вложил максимум ненависти и презрения в свой вопрос.

– Только меркурианские трактора.

– Так не гавкайте лишний раз.

– Я бы не зарычал ни разу, если бы вы учли наши проблемы. Станция угрожает нам, во-первых, крупнокалиберными плазмобоями, во-вторых, гамма-лазерными установками, в третьих, торпедными аппаратами. Если бы мы развернулись к "Меркурию-3" кормой, сделали какой-нибудь форсаж, да еще выбросили часть груза, который потянулся бы у нас в хвосте, первые две угрозы стали бы призрачными.

– Они не станут стрелять по судну с пассажирами на борту, не дикари же, – с апломбом заявил капитан.

– Смешной ты, – оставалось сказать мне. – Срочно меняй продольную и поперечную ориентацию корпуса по отношению к курсу, чтобы площадь обстрела была минимальной.

Несколько бортовых толчков показали, что капитан все же послушался меня без зуботычин. И тут локатор отметил быструю точку, отделившуюся от пятна "Меркурия-3". Значит, именно торпедой и сунули нам.

– Вот суки, – капитан произнес, наконец-то, правильное слово.

– Есть на борту пассивные или активные системы защиты? – вопросил я. Капитан замялся.

– Давай же быстрее реагируй. Видишь, они не стали вызывать корабль военно-космических сил. Им надо побыстрее уничтожить нас, потому они не пожалели и вас, невинных. Ну что, похожи мы разве на обыкновенных урок?.. Мне хоть стюардессу стало бы жалко, старый ты козел. Вон у нее какая попка. А ножки – поэзия. Хотя, конечно, тощая чересчур.

– Ну, есть, есть у любого гражданского судна кое-что оборонное согласно мобилизационному плану! – выкрикнул как из глубины души старый капитан и набрал код на какой-то панели, которая с немелодичным писком откинулась и открыла тумблер – эту штуку бывший руководитель судна немедленно дернул. Из ниши выехал ящичек с кнопками, которыми капитан и стал орудовать.

Торпеда была уже видна без увеличения – похожая на огонек спички. В стереоскопе эта штука являлась черной безглазой колобашкой. Тут четыре искорки выскочили из нашего борта и, немного вихляя, понеслись по спиралевидной траектории навстречу вражескому боезаряду. На какое-то мгновение мне показалось, что контрракеты пронеслись мимо торпеды. Однако, что-то рвануло и полетело в разные стороны светящимися космами, которые опять-таки взорвались, там и сям, и совсем рядышком. Корпус тряхнуло. Интересно, задели нас осколки от боеголовки торпеды или нет? Впрочем, через секунду на экране все угомонилось – корабль вроде остался целым.

– Против гразера у нас приличный отражатель припасен, – не удержался от хвастовства капитан, раскрывая дефлектор. И тут я, отойдя от азартной игры в "промах-попадание", заметил, чем закончилась для шерифа первая прогулка в космос. Он, бортмеханик и Шошана свалились с покореженного мостка и беспризорно улетали в пространство. Наверное, каким-то шальным осколком перерезало и страховочный конец. Причем, если мужики шевелили конечностями, то фемка после транквилизатора и кислородного голодания – возможно после контузии или ранения – вовсе не шевелилась.

– Если тебе и не жалко своего бортмеханика – я понимаю, таких как он много – то у меня народ ценный. Мне требуется аварийный робот! – зарычал я на капитана.

– Да не могу я заниматься одновременно и маневрированием, и ловлей "блох", – как всегда засопротивлялся капитан.

– Обойдемся без твоих занятий, ты, главное, рули. Включай аварийного робота, быстро.

Монитор показывал, как, слушаясь неловких моих команд, робот-спасатель, выбирается из бортовой ниши, где стоял до поры-времени на манер статуи Аполлона. Где вы человекообразные роботы, про которых столько понапачкано фантастами? Этот роботех оказался по внешности чем-то вроде радиолярии, с двигателями, толкающими в шести направлениях. Но и при достаточно удобном управлении отловить три одновременно разлетающихся объекта, казалось делом безнадежным. Одним глазом я пялился на экран общего обзора с координатной сеткой, другим – через окуляры самого робота, а ухом, наверное, приглядывал за капитаном и вахтенным, чтоб не стали самовольничать.

Вначале мало что получалось, я уж собирался переключиться на одну лишь Шошану. Но тут, как встарь, проклюнулся во мне пространственный полюс, который своими вихрями-вихрами быстренько обшарил окрестности. Должно быть, осознал я нужные симметрии, которые охватывали меня, этих трех беспризорников, парящих в ночи, робота, корабль, даже капитана и стюардессу.

Первого, как ни противно, но пришлось цеплять бортмеханика. Потом уловил Шошану и, наконец, бомбу-Анискина. Шериф даже вскинул руку, празднуя победу. Ну, можно отвлечься, робот на автопилоте дотащит этих трех везунчиков до бортового шлюза.

Теперь пора космическому зайцу проверить работу космического волка. Капитан вроде полностью отвернул от станции, и мы летели прочь от "Меркурия-3", только неизвестно

куда.

– Ну, кэп, мы продемонстрировали друг другу обоюдное мастерство, так что будем взаимно вежливы и предупредительны.

– Мне, по крайней мере, ясно, что ты хитрая бестия – здорово заловил этих летучих мышей, – отозвался капитан, – но что тебе толку в моей вежливости. Все равно тебя казнят за пиратство.

– Если меня казнят, я попаду в Валгаллу. А вас всех сожрут живые нитеплазменные сопли. Еще узнаешь, что это такое.

Тут в рубке показались бортмеханик и Анискин с Шошаной на руках. Оба мужика выглядели неважнецки. Я выхватил фемку из рук шерифа, скинул шлем, расстегнул застежку скафандра.

Лицо у Шошаны белое, ни кровиночки. "Фем", – ахает капитан. Тут я понимаю, что не дышит подружка, и тело холодное, и зрачки на свет не реагируют. А ее Анима сообщает, что отсутствуют сердечные и мозговые ритмы.

Стал делать искусственное дыхание, но от каждого примыкания к ее губам ужас продирает. От того, что ледышки они, и от мысли, чего Шошка натерпелась в багажном отсеке, когда и кислорода под завязку, и нормальный обогрев скафандра закончился, и даже не пошевелиться ей никак. Она же заживо похороненная была... пока я тут борова-капитана разгонял и ускорял.

Стюардесска, хоть похожа на ящерку, человеком оказалась, мигом наладила кибердоктора, который, вколов фемке реанимал, стал искусственную кровь через себя прокачивать, вводя в Шошану питание и респироциты с кислородом. Потом электроды ей прилепил. Только после второго удара током Шошанкина жизнь дала о себе знать. Она была словно паутинка, уносимая ветром. А я ухватился за них своими щупальцами-пульсациями, стал назад тянуть. Наконец, сердце ее встрепенулось. Еще электростимуляция, еще укол реанимала. Возвращается жизнь в Шошанкино бренное – как это сейчас понимаешь – тело. Жизнь вышибает пробки из синапсов, впрыскивает горючее, АТФку, в ионные насосы мускульных волокон.

Сужаются зрачки у Шошаны, и вот уже расправляется гармошка легких, делая первый судорожный вдох и выдох с раскатистым кашлем.

– Есть тут одеяло с вибромассажем и подогревом? – окликаю я членов экипажа.

– Сейчас-сейчас, – с готовность отзывается стюардесска. Мы окончательно стаскиваем с Шошаны скафандр. Стюардесса заворачивает фема в теплую дрожащую ткань. Дивится она Шошане, которая внешне как марсианская дамочка, показывающая модели, только выше на полголовы, стриженая,

как зэк, и мышцы хоть и не бугрятся рельефами да барельефами, но зато туго накручены на тело. Впрочем, и стюардесска ничего оказалась девчонка. Ну, в общем, понятно, о чем думаю я, о чем размышляет стюардесса; может, и в Анискине мысли вроде моих шевелятся. Бортмеханик ни о чем не размышляет, повалился на кресло, прижав шприц-пистолет к шее и зажмурив глаза. А капитан, скривившись, думает, наверное, что лучше бы мы передохли от дизентерийного поноса – столько ему боли головной устроили.

Я попытался разобраться с траекторией нашего удаления от Меркурия. Мы как раз выскочили на солнечную сторону планеты, обшивка разогрелась до нескольких сот градусов, и вовсю фурычила система охлаждения. Назойливый Ярило белым пятном загораживал большую часть экрана, дающего обзор с левого борта.

– Ты, капитан, по-моему, двигатели бережешь. Ты бы о себе побеспокоился, мы тебе больше неприятностей устроим, чем Солнце и все звезды вместе взятые, – подстегнул я космонавта.

– Да какой там с солнечной стороны разгон, световое давление мешает, – вяло огрызнулся капитан и сплюнул прямо на панель управления. – Забыл что ли, разбойничек, нет у меня ядерной установки – закапай в мозги фосфора, он, говорят, помогает от амнезии. Не хочу, чтобы эмиссионная камера гикнулась.

– Есть же резервы скорости. Твой груз нам не ахти как нужен.

– А ну, не бузи, – испуганно рыкнул капитан. – У меня материальная ответственность в отличие от тебя. Шутка ли, десять тонн гафния и сто тонн ванадиевого концентрата... Ладно, злодеи, от чего вы собственно драпаете?

Наверное, решил перевести разговор на другую тему. Однако, я сразу включился и вкратце поведал правду, особенно выделив то, что относилось к удвоению тел, случившемуся в подвале производственного сектора "Миража". Капитан выслушал с кислой физиономией и в качестве эпитафии сказал:

– И ты хочешь, чтобы я поверил в эту оглушительную чушь?

– А зачем «Меркурий-3» хотел угробить нас вместе с твоей посудиной, даже не попытавшись вступить в переговоры-уговоры? Ты же видишь, с собой нет у нас каких-то ценных минералов, деталей сверхмощных квант-компьютеров, пробирок с секретными растворами.

– Этого и не надо. Вы же путчисты, анархисты, понимаешь. Ты же сам рассказал, чего там натворили ваши так называемые двойники – или это все-таки были вы сами?

– Это я-то анархист-путчист? Да я полжизни пробегал с

электрошоковой дубинкой за всякими антигосударственными элементами...

И тут бортмеханик, имевший сейчас озадаченное, если не сказать глупое, лицо, что-то зашептал капитану:

– Зачем вы шушукаетесь при посторонних, ведь это неприлично! – вклинился я в их бормотание.

– У нас неполадки с маршевыми двигателями, – загундосил капитан.

– И что за неполадки, капитан? Почему вас все время надо тянуть за язык? Я ведь могу и за нос дернуть.

– Вы же простой угонщик и ничего не понимаете в ионных двигателях. Их на тракторах не бывает... Ну, скажем так: падение тяги на сеточных электродах. А, значит, проблемы с формированием ионного пучка.

– Эти ионные электростатические – одни из самых надежных.

– Мы, товарищ пират, их не на базаре покупали... В любом случае мы теряем тягу.

Я тут, наконец, обратил внимание на акселерометр. Действительно, все сказанное капитаном – правда.

И вдруг впервые подала голос Шошана, завернутая в одеяло и распушившаяся трубками капельниц.

– Это – Плазмонт.

– Я весьма рад, что наша барышня опомнилась и желает вступить в беседу, – отозвался саркастически (как ему казалось) капитан.

Шошана облокотилась на одну руку.

– Где моя одежка? Мы скоро вернемся на Меркурий.

– Она права? – уточнил я у капитана.

– На данный момент права, – пожал плечами тот.

– Действительно, переменилось как ни странно само рабочее тело, – наконец разобрался бортмеханик. – Как будто больше не ртуть, а что-то с намного меньшей атомной массой. Масса и сейчас продолжает уменьшаться.

– Тьфу, черт, – капитан выдохнул. – Как в цирке, ничего не скажешь.

Шошана учительственно пояснила ему.

– Масса – это лишь количество устойчивых зарядов, а представьте себе заряд не крутящимся облачком, а нитевидный, текучий. Мы валимся на Меркурий, потому что Плазмонт конвертирует материю в принципиально иной вид, нитеплазменный. И дело уже не в бывшей ртути – можете выключить примус, оставшийся от вашего ионного двигателя – просто масса корабля стекает в сторону планеты.

– Ну, зачем мне этот зоопарк... эти фемы... эти Плазмонты?.. –

тяжело выдохнул космический волк.

– Вы мне разрешите воспользоваться вашим борткомпьютером? – решила быть культурной Шошана.

– Да что теперь спрашивать. Ваши товарищи всем тут уже попользовались, – сказал грустно капитан, а Анискин приклеил взгляд к стюардесскиной попке. Девушка как раз суетилась, доставая пиво по его настойчивому требованию.

Шошана оторвала от себя все капельницы и, задрапировавшись одеялом, лишь изредка спотыкаясь, подошла к пульту. Потыркала клавиши и невозмутимо произнесла, словно заговорила о насморке.

– Если ускорение – надеюсь, уже все усекли, в какую сторону оно направлено – будет меняться так же, как и сейчас, мы воткнемся в поверхность планеты через сорок восемь минут, где-то в районе моря Старательские Слезы. Причем с немалой вертикальной скоростью.

– Батюшки, Ньютон грозит костями из гроба... – всплеснул руками капитан.

– Ты нам Ньютоном не тычь. Слышь, капитан Флинт, отдели взлетно-посадочный модуль, выдай струю из его жидкостно-реактивного двигателя, сядь на нее и попробуй оторваться от Меркурия, – прогудел Анискин в красное капитанское ухо.

– У нас ракетного топлива какие-то капли остались, – развел руками бортмеханик.

– Все равно придется отделять взлетно-посадочный. А потом стараться выписать наиболее пологую траекторию снижения, чтоб посадка получилась хотя бы средней мягкости, – распорядилась боевая фемка. – Остальное вы и без меня знаете.

Капитан занялся баллистикой. Затем мужественным, как ему показалось, голосом проквакал по интеркому остальным членам экипажа об аварийной посадке, чтобы они быстренько перебрались из основного модуля во взлетно-посадочный. А стюардесса воркующим голоском оповестила пассажирские салоны, что из-за мелких неполадочек с лазерными станциями разгона придется на пару минуточек вернуться в космопорт Скиапарелли.

Вскоре стыковочные блоки просигналили, что взлетно-посадочный модуль отделился от основного. Впрочем, ускорение от этого не уменьшилось, а даже скакнуло.

– Гафний и ванадий возвращаются туда, откуда они взялись, – мрачно подытожил капитан.

– Как бы и нам не вернуться туда, откуда мы все взялись, – подыграл Анискин.

И тут меня осенило. Есть еще шанс.

– Мастер, послушайте, с кем еще можно связаться, не считая диспетчеров. Вообще-то мне нужна метрополия; центральный департамент полиции, ведомство верховного прокурора, Адмиралтейство, на худой конец Совет Уполномоченных – правительство наше драгоценное.

– Нам только выделена линия дальней связи с управлением рейсовых перевозок нашей судоходной компании, – отозвался капитан. – Но там сочтут ваш рассказ бредом. А что касается ближней связи, то пробуйте сами, не мороча голову другим.

Капитан врубил автонастройку радиостанции с уровнем вызова "крайняя необходимость" и переключился на пилотирование, все более заливаясь потом. Да и тревожные глаза Шошаны получше индикаторов показывали, что вертикальная скорость становится донельзя грозной. Вдобавок мы рыскали и вихляли даже на таком скверном курсе, Плазмонт был как всегда щедр на подвохи.

Однако мне было покамест не до того. С тремя или четырьмя кораблями не получилось устойчивой связи, хотя один из них, судя по матерным требованиям убраться с частоты, был военным. И вдруг в секторе с полярными координатами 01-67-52 отозвалось грузовое судно какой-то занюханной компании, но зато фобосской приписки. Отозвавшийся был шкипером, который лопотал на малайско-марсианском пиджине. Пришлось общаться без "аудио", в режиме бегущей строки, что еще укорачивало оставшийся у меня лоскуток времени. Шкипер на удивление спокойно воспринял мой казалось бы душещипательный словесный выброс, а когда связь уже стала теряться во мраке космической ночи, отстучал – спасибо за фантастический рассказ, вы изрядно поразвлекли меня в конце вахты. So funny и good bye.

Пока я там выступал в роли народного сказителя, компьютер сочувственно дал знать, что даже полумягкая посадка нам не светит. Плазмонт явно хотел всех поголовно угробить, чтобы члены экипажа вкупе с пассажирами перешли в режим вечной тишины.

Сесть, вернее рухнуть, мы должны были в районе сто на сто километров, где-то на плато с говорящим именем Свинячья Шкура. Большей определенности посадочной траектории из баллистических программ выжать не удавалось. Борткомпьютер только бранился и требовал: "Установить постоянный курс... стабилизировать ориентацию корабля относительно курса... взять постоянные пеленги..." А потом и вовсе выдал голубой экран. Капитан пытался, несмотря на нехватку топлива, сбавлять вертикальную скорость жидкостно-реактивным двигателем, задирая нос и садясь на корму. Но тот стал кашлять, дергая

модуль.

Внизу уже была заметна торосистая местность, которую я опознал как Свинячью Шкуру. Дюзовые рули не откликались на команды, приборы несли всякую ахинею, покинула пазы только одна посадочная лыжа, в глазах и то потемнело. Лишь тупо устроенные тормозные бустеры исправно сработали.

– Ставлю на то, что нас будут соскребать бритвочкой со скал и затем измерять в погонных метрах, – и Анискин принялся молиться Йеманье и кому-то еще из культа Вуду, ударяя себя ладонями по ляжкам. Какой же он дремучий, впрочем, как и все старатели.

А я вдруг почувствовал, что вместо шпангоутов трещат мои собственные кости и торосистая терка вместо корабельной обшивки шкрябает мою собственную кожу.

По-моему я завопил, пытаясь остановить развал корабля.

Эта тряска длилась вечность плюс еще какой-то довесок времени. Но все-таки когда-то, в далеком будущем, мы остановились. Минуты три не было слышно ничего, кроме каких-то утробных урчаний и скрипов.

Потом стало ясно – бортмеханик хрипит оттого, что у него поломаны ребра. Капитан оглянулся разбитой физиономией, по которой стекала кровь. Шошана подала голос, чуть менее каменный, чем обычно:

– В пневмопроводах бывало и хуже.

Прорезался голос и у Анискина, какой-то потончавший петушиный. Он выпустил полумертвую от переживаний пигалицу-стюардессу из своих горилльих объятий.

– Я сохранил ей жизнь, но так обнимал, что, кажется, у нас будет ребенок.

А изрядно помятая стюардесса Люся вдруг нашла возможность хихикнуть.

Интерком молчал, бортовые системы не давали о себе знать, за исключением автономного жизнеобеспечения рубки, питаемого аккумуляторами. Не было слышно жужжания даже аварийного генератора. Из всех навигационных и обзорных систем остался только монитор, показывающий унылое пространство перед нами.

Капитан прилепил заживляющую монотерпеновую салфетку к своему разбитому лицу – она мигом впиталась внутрь – и сказал, что его зовут Василий Лукич. Шошана наложила протекторы на сломанные ребра бортмеханика и вручную сделала уколы – кибердоктор разбился вдребезги. Стюардесса подтянула чулки, поправила юбку, сбившуюся из-за объятий Анискина, и причесалась. Мы с капитаном одели скафандры, нахлобучили шлемы, и, убедившись, что шлюз как таковой существует и,

может, даже функционирует, вступили в него. Внутренний люк за нами закрылся, контрольный блок показал герметичность. Ну, пора. Открылся с некоторым скрипом внешний люк.

За ним ничего не было. Ни девятнадцати пассажиров, ни четырех членов экипажа. Остался только остов, ребра шпангоутов, куски обшивки, рваная волосня проводов, обломки аппаратуры. Все люди вылетели из салонов и кают вместе со своими креслами и были перетерты торосам в пюре. Впрочем, к этому моменту совершенно точно они являлись неживыми телами.

21

Обычное дело – связь не фурычила из-за пыли. По траектории падения и линиям естественного магнитного поля мы вполне научно установили, что нашли пристанище (хорошо бы не последнее) на плато Свинячья Шкура. Где-то на куске территории в пятьдесят на пятьдесят километров. Впрочем, об этом можно было догадаться, просто оглянувшись на окружающую местность с мелкой щетиной острых камней. Когда среди корабельного мусора выискался октант, то благодаря мутному глазу нашей луны-солетты, капитану удалось разобраться с долготой. Это вызвало недолгий интерес. В любом случае ближайшие прииски и стойбища старателей – далеко-далеко за горизонтом. Собственно, можно было порадоваться, что нет ни с кем никаких связей.

В Скиапарелли меня вместе с товарищами только одно ожидало – трибунал и виселица-центрифуга. Кто-то из работников эшафота рассказывал мне, что, когда человек отходит в петле, у него почему-то случается эрекция. Выходит, не даром смертушка – женского рода.

Задача выбора упрощалась тем, что пока его и не было. Мы оказались заточенными в рубке, которая со всеми своими закоулками, нишами и панелями, составляла собой одну не слишком большую комнатенку.

В первую ночь (по корабельному времени) шериф еще раскочегаривал аварийный электрогенератор, который должен был работать на остатках водородного геля, и чинил камеры кругового обзора. Но на вторую ночь у паршивца сильно зачесался "гондурас". Анискин поднялся со своего места у пульта, около которого отдыхала вся тройка мужчин, глянул начальственным взором на обзорные мониторы – вокруг была тишь да гладь. Затем пристально посмотрел на встроенный шкаф, где на сваленных скафандрах богатырским сном почивала Шошанка, но решил не рисковать. И направился за импровизированную занавеску, где в нише из-под кибердоктора находился будуарчик стюардессы Люси. Анискин накануне ей это гнездышко на отшибе и устроил. Дескать, остальные люди тут грубые, перебьются без удобств, а Люси де Флориньяк (почти коньяк), марсианской француженке, комфорт и уют потребны больше, чем всякому быдлу. Видно и эта пигалица очаровалась нашим заботливым кабаном, потому что уже через пять минут после начала свидания послышались страстные девичьи вздохи.

– Aniskine, cesse tes brusqueries, salle cochon. (Анискин, отвяжись, Анискин, ты – форменная свинья.)

И голос шерифа:

– Я не свинья. Я просто иначе не умею. Меня хорошим манерам не учили.

И снова девичье:

– Cochon, cochon...

Капитан нарочито захрапел и Анискин наконец угомонился.

Наутро, само собой, капитан был зол необыкновенно и я понял, что пора.

– Ладно, я на разведку, хотя и здесь по идее неплохо – кислорода на месяц, жрачки на два, если съесть друг друга по очереди, то вообще надолго хватит. Ну, кто отважно со мной?

– Я, – рапортовала Шошана. Но затем наступило тягостное молчание.

– Ну, я, я, – сказал разочарованным голосом Анискин, – не оставаться же мне с этими занудами. – И он зарезал взглядом капитана.

– Молодец, шериф, – одобрил я. – Наконец ты стал различать пользу дела и пользу тела.

– Moi aussi, – неожиданно поддержала Анискина новая подружка. По-моему, она решила, что мы торопимся на ближайшую остановку общественного транспорта.

Тут с нами увязался и капитан, не желая оставаться в роли няньки при травмированном бортмеханике.

Его, не испрашивая согласия, погрузили в глубокий целительный сон, а группа, состоящая из пяти человек (трое "своих", двое "сомнительных") выступила в поход. Кислорода и питания захватили столько, чтобы пятерым на пять суток хватило. Естественно, по ходу дела стюардессу от ноши пришлось освободить по причине хрупкости, да и жирняга капитан оказался почти пенсионером, поэтому основная тяжесть навьючилась на "своих".

Останки космолета лежали в довольно глубокой впадине, метров по пятьсот в длину и ширину, поэтому мы карабкались вначале в гору. Когда поднялись, перед нами открылась долина куда большая, и малышка Люси вдруг заявила, тыкая пальчиком в эту низину, едва подсвеченную мутным глазом меркурианской луны:

– Je vois les maisons. Un grande ville, en realite. (Гляди-ка, дома, большой город, в натуре.)

– Ерунда, киса, здесь не может быть ничего такого. На Меркурии полностью отсутствуют секретные города и даже деревушки. Это вам не Марс, – выразился Анискин голосом солидного мужчины, покрывающего залипухи своей маленькой глупышки.

Спустились мы еще пониже, метров на сто. Теперь всякий видел скалистую гряду. Когда мы углубились в проход меж двух утесов, скалы были все-таки каменными глыбами. Однако, метров пятьдесят спустя, я не мог ручаться, что здесь не стоят оплавленные и потекшие от большой температуры постройки. А чуть погодя нельзя было с чистой совестью отпихнуть утверждение, что все вокруг – не вполне естественного происхождения. Хотя и в таком случае большим искусством тут не пахло.

Да, окрестности смахивали на городище. Вроде тех, что как-то уцелели на Земле со времен царя Гороха.

Вот мы уже вступили на улочки подозрительного города. Стены "домов" были щербатые, какие-то невнятные, без всякой лепоты, будто очень древние, вместо окон – темные проемы а-ля глазницы черепа. Пыль уже не стояла столбом, а, словно из почтения, висела пеленой чуть выше крыш. И хоть она казалась более плотной, чем раньше, мрак не сгустился, напротив, пространство меж "домов" было подмазано легким светом.

– Cette ville est construite par les anciens mercuriens (Город воздвигли древние меркурианцы, больше некому), – выдвинула "гипотезу" глупышка Люся.

– Это очень похоже на правду, учитывая, что через несколько месяцев он попадет на солнышко и пропечется до приятной температурки в тысячу градусов. А особо благоприятное воздействие на архитектурный стиль окажет солнечный прилив... – возразил я.

– Все-то он знает, – хмыкнул в мой адрес капитан Лукич. – Может, городок этот из такого материала, что его ни жара, ни холод, ни прилив с отливом не берут.

– А кто тогда в нем жил-то, седовласка? Товарищи со стройным телом из керамики, кремнийорганики и огнеупорных сплавов? – отрубил я, но вспомнил лорда с его железными деталями.

– Чем дальше мы пробираемся, тем приличнее сохранились дома. Может, тут какое-то защитное поле действует? – отразил выпад капитан.

Я отколупнул несколько кусочков от стены и сунул их в походный анализатор – который убедительно показал, что строительный материал состоит из веществ, изобильно имеющихся на Меркурии: кремния, алюминия, и тугоплавких металлов, вроде титана.

Как известно, Меркурий – место для для множества параллельно действующих чудес. Вдруг здесь действительно постарались древние меркурианцы? Например, когда-то мы все

давали зуб на вырывание в защиту тезиса о безжизненности Юпитера. А потом обнаружили там в атмосфере стада здоровенных живых пузырей из металлоорганики с четко просматриваемыми вожаками, мечущими молнии. Еще немного погодя зонды засекли на ледяных глыбах-материках что-то смахивающее на постройки. В них проживали – в отличие от своих диких, влекомых ветрами собратьев – тяжелые сплюснутые пузыри, которые общались друг с другом посредством разрядов. Часть "разрядных" слов удалось декодировать. И первой расшифрованной фразой была такая: "Чтоб завтра представил объяснительную (дословно: исполнил танец раскаяния), иначе шеф (испражняющий молнии) публично унизит тебя (наденет тебя на себя)".

– Voila, voila, смотрите туда, – киска Люська потыкала пальчиком в промежность меж двух грубых стен, закрашенную более интенсивным светом.

Через эту щель виднелась улица, полная нормальных красок – которые впрочем несколько "плыли" в глазах наблюдателя – с красивыми домами, черепичными крышами и разноцветными стенами. Мы с минуту будто подсматривали в замочную скважину, с туманом в голове от ошеломления. Люся не выдержала первой, заторопилась к этой красоте, следом потрусил, потряхивая жирком, упитанный капитан, затем потянулся Анискин с кислородными баллонами.

Пришлось и нам с Шошаной почесать за ними. Вот граница между ночью и днем, шажок вперед, и я, последний из группы, оказался на настоящей улице, прямо как старого земного города. Меркурий остался позади в виде несуразного темного пятна меж двух домов.

Над головой царило идеально голубое небо, мостовая была выложена брусчаткой, а дома трех-четырех этажные, изящного позднеготического стиля. Все это сейчас сверялось с образами, некогда перебравшимися в мою голову из видеокнижек и исторических мультиков, которыми нас усердно в воспитательных целях потчевали в "Мамальфее".

Сделав еще шаг, я почувствовал тяжесть. Гравитация была побольше, чем та, которой мог похвастать Меркурий, и пробуждала дополнительные мысли о Земле.

– Анализатор шепчет, что вокруг нас настоящий воздух. Кислорода двадцать процентов, азота и углекислого газа чуть больше, чем в Скиапарелли, то есть земная норма, остальное – инертные газы. Давление обычное для куполов, температура двадцать Цельсия, – дрожащим от возбуждения голосом сообщил Анискин. На его шлеме поднялся светофильтр и было видно

озадаченно-глуповатую и одновременно радостную физиономию.

– Ну и что с того? Может, поскидаем скафандры и айда босиком? – попробовал я пристыдить недисциплинированных последователей.

– Скидать не скидать, а неплохо бы подышать через воздушный фильтр, – делово предложил Анискин, – вот я засосал воздух анализатором и вижу, что микроорганизмов нет. Яда с токсинами тоже. Даже пыль отсутствует.

– Ты бы ума где-нибудь засосал.

И все-таки этому анализу можно доверять. Стандартный атмосферный анализатор по очереди отфильтровывает частицы, которые превышают в размерах один микрон, одну десятую микрона и так далее. Командуй не командуй, а Анискин переключил свое дыхание на атмосферу и с песней двинулся вдоль улицы, заглядывая в узкие окна, за которыми пока ничего не проглядывалось. Даже запел: "Только пуля казака во степи догонит..."

– А дурости и догонять не надо. Она всегда при тебе.

Тут еще эта коза Люся заявляет:

– La temperature de l'air est normale. Я устала и хочу снять этот дурацкий скафандр.

Пока я до нее добирался, щелкнули, отстегиваясь, крепления шлема – контрольные блокировщики при таких параметрах атмосферы не стали мешать – и метелка рыжих волос с радужной фотоникой на кончиках окунулась в сомнительный воздух подозрительного города.

Я хоть и добежал, но застыл от замешательства. А она, пользуясь моим остолбенением, берется за застежки – раз, два – и скафандр сползает к ее ногам. Разоблачилась! В итоге, на поверхности Меркурия появляется еще одно тело, причем раздетое – на радость публике. Правда, Люся быстренько из герморанца вытаскивает и напяливает на себя черный обтягивающий костюмчик – мы все прихватили запасные шмотки на случай ночевки под куполом. Ну, что с ней делать, не казнить же, подобрал я еще ее скафандр и стал поразительно похож на одногорбого верблюда.

Улицы делаются уже, дома выше, я же плетусь в конце странной процессии. Впереди вытанцовывает дамочка в обтягивающем стройности и выпуклости ткани, под которой ничего. Следом капитан Лукич, он тоже скинул скафандр и переодел свое толстомясое тело в трико, но хотя бы тащит манатки сам. За ним Анискин без шлема, зато в скафандре и с двумя кислородными баллонами. Потом Шошана, в шлеме, скафандре, с баллонами, но с открытым воздухозаборником. А

вот и я, полностью экипированный, навьюченный, дышащий только из своих баллонов, выдыхающий только в регенератор.

От этого есть повод слегка сшибиться с катушек. А то и просто придти в буйное помешательство. Кто-то вбухал миллионы гафняшек и сделал город из мультиков. Чтобы отдыхать здесь в свое пресыщенное удовольствие? Или?..

Люся отвлекла меня, притормозив у какого-то дома.

– Quelle jolie maison! Какая прелесть!

Красивый домишка, ничего не скажешь, удачно косит под старину. Верхние этажи нависают над нижними, витражные стекла хватают белый свет и бросают пятнистую радугу на разноцветье пола, составленного из мраморных плиточек. Рисунки витражей все время меняются – то пузатые кораблики, бегущие по волнам, то сельские лошадки, бредущие по пажити, а то и колбаски с окороками висящие на крючочках.

Пока я заглядывал внутрь, Люся – мерзавка недисциплинированная – заскочила в дверь.

– Стой, егоза, кому говорю!

Как же, ноль внимания. Приходится тащиться следом. Вот кухня, утварь на полках и печь в изразцах, за железной дверкой бьется настоящий огонь. В печурке, конечно, не подлинные полешки, а ныне модные на Марсе стилизованные брикеты из какой-то высококалорийной химии, которая даже дыма не дает. Сияет большой чайник, в кастрюльках булькает некая снедь, источая завлекательные запахи (Люся поводит носиком с упоением). Ничто не пригорело, плита, конечно, программно-интеллектуальная, хотя всякая автоматика совершенно незаметна.

Вот гостиная, дубовые стены, гобелены на них повисли и картины под старину, однако, в отличие от музейных экспонатов – со слегка "живым" изображением. У мужика на портрете лыбится рот и моргают хитрые глаза, а гобеленовые рыцари медленно поднимают на нас мечи. Птички, запечатленные на ковре, немного прыгают и слегка попикивают. Еще тут стулья с высокими спинками, сундуки резные и шкафчики в антикварном стиле. Только, в отличие от настоящих средневековых, они сами подъезжают к тебе и подставляются под зад или сами раскрываются, поймав твой взгляд. Значит, в них понатыкано будь здоров всяких датчиков и электроприводов. Есть камелек с вечно тлеющими угольками, где то один, то другой вспыхивает – в приличных домах на Марсе именно такими балуются. Книжки здесь, ясное дело, пижонские, в какой-то свинячьей коже, изображающей древность. Только страницы не порвешь, сами перелистываются. В том месте, куда взор падает, буквы

становятся больше и рельефнее.

Следом коридор, за одной из высоких дверей спаленка а-ля "барокко", которая и мне нравится. Там кровать под балдахином. Аккуратно заправлена, покрывалом прикрыта. Но когда Люська к ней подходит, покрывало благодаря микроактуаторам стягивается само. Наша дуреха с продолжительным мурлыканьем растягивается под балдахином и всем видом показывает, что поход у нее закончен.

– Это что такое, – грозным голосом говорю я.

– Ля-ля-ля, Терентий, ты – русский медведь. Причем шатун, с пробкой в заднице. Все, я устала гулять.

– Нам пора.

– А мне тут нравится. Monsieur Aniskine, оставайтесь со мной.

Попользоваться всем благолепием, да еще вместе с мадмуазель Флориньяк – неискушенный и неизбалованный красотами жизни Анискин даже покраснел и запыхтел от предвкушения.

– Это рискованно, Анискин-дружище, – честно предупредил я его. – Вдруг вся лепота – чистой воды надувательство или мухоловка? Можно заработать в любой момент пинок и очутится непосредственно голым задом на Свинячьей Шкуре. Кроме того, Флориньяк – это далеко не коньяк. Надоест.

– Но не брошу же я Люську здесь, – торжественно заявил Анискин.

– Это почему? Трудно бросить только самого себя.

– Я не мастак объяснять такие вещи. Короче, желаю быть рядом с ней. Кроме того, я не тороплюсь на центрифугу в Скиапарелли.

Я бросил Люсин скафандр на кровать и строгим оком оглядел присутствующих. Капитан, по-моему, тоже не прочь был здесь задержаться и как-нибудь пристроиться к любовничкам.

– Третий – лишний, пойдемте с нами, мастер, – потянул я его за рукав.

А на улице добавились звуки, превеликое множество звуковых волн. Гомон, гогот, рев скотины, ржанье лошадей, бреханье собак. Трепотня о том о сем, приказы, грубости; в язык я, к сожалению, не врубился, и остался он непонятным. В отсутствие живых людей звуки сами казались живыми. Они появлялись из ничего, как бы ниоткуда. Технические фокусы? Наверное.

Кто-то дал нам ласковое небо, воздух, приятное тепло, веселенькие домики, в точности скопировав одну из самых дружелюбных сред для обитания. Кто-то достаточно прочувствовал наши запросы и готов услужать. Кто-то хочет нам

понравится и приглянуться. Безусловно, ему требуется что-то взамен. Но что именно, у кого спросить?

Мы свернули за угол и оказались на пристани. Плескалась о сваи вода, солнце золотило свод небесный, подмазывало под импрессионистов рябь морскую. У пристани стояла бригантина, на которую были перекинуты сходни. На берегу, невзирая на отсутствие людей, громоздились мешки, корзины, бочки.

Капитан уставился безумным взором на неожиданное судно и вдруг мешки сдвинулись с места, бочки покатились, а на самой бригантине принялись подниматься паруса.

– Она слушается меня! – в один легкий прыжок тучный капитан перемахнул на борт корабля.

Через минуту он уже был на мостике. Наверное, повинуясь его приказам, натянулся грот, затем и стакселя. А там и другие паруса, фамилий и имен которых я никогда не знал. Замелькали ручки штурвала, сходни съехали на берег и бригантина со скрипом начала отваливаться от пристани. Это судно напоминало некогда модные на Земле парусники типа "летучий голландец" для богатых причудников, нашпигованные роботами и сервомеханизмами, которые были хорошо замаскированы и не мешали иллюзии.

– Куда вы? – крикнул я капитану. – Вода – это же не ваша стихия.

– Я – капитан, первый после Бога, потому не намерен отвечать на глупые вопросы, – и Василий Лукич отключился от нас.

22

– Взглянем на нарисованную мной план-карту. Из нее ясно одно. Когда мы идем вперед, то город не заканчивается, когда назад тоже самое – мы словно крутимся в колесе, встречая самих себе, потому что время становится здесь пространством.

Мы с Шошаной сидели под портиком древнегреческого стиля. На площади перед портиком высилась статуя мускулистого длинноногого кудрявого красавца со смутно знакомым лицом.

Мы в своем "возвращении назад" (тут закавычено, потому что перлись мы невесть куда) уже прошли китайский город, где было много бумаги, картона, огоньков и изогнутых линий. Миновали и что-то традиционно русское: с башенками теремов, резными наличниками, крылечками, крутоизогнутыми коньками, золотыми луковками куполов. Хоромы, высокие горницы, избы, риги, харчевни, крытые изумрудным дерном, казались узорчатой филигранью, омытой золотистыми водам – в лучах невидимого но ласкового светила. Скафандр снял даже я, уложив его в заплечный мешок – на блуждания в подсунутом нам мире никакого бы кислорода не хватило.

– Ты-то сам хочешь вернуться? – резонно поинтересовалась Шошана. – Ведь прав был Анискин, в Скиапарелли нас в лучшем случае повесят, в худшем, отведут встречать рассвет. А здесь можно жить неограниченно долго и, по-моему, довольно счастливо.

– И даже написать книгу по архитектуре.

Сейчас и ежу понятно, что мы в объятиях Плазмонта. Да чего там ежу – инфузория туфелька догадалась бы, что мы угодили в полностью обустроенный нитеплазменный иномир.

Заодно можно было понять, что гостеприимный наш хозяин существовал всегда, и вся история землян в нем. Своими соблазнами и чудесами он приобретал наши души, за пучок пятачок, лишь какие-нибудь монахи активно сопротивлялись ему. Когда очередная цивилизация вроде Атлантиды пропадала в пучине инфляции и цунами, он приобретал ее по дешевке оптом. Поэтому его частенько принимали за Князя Тьмы. Ну и однажды кто-то неловкий провез спору в своем нутре прямо на Меркурий. Подозреваю, что это был основатель корпорации «Мираж» Сим Симсон, он же Семен Семенович Альтшуллер из Одессы, первый оцифрованный человек. Я ведь обеспечивал безопасность его визита на Меркурий. Лицо скульптурного красавца на площади очень даже напоминает Семена Семеновича, хоть тот не был ни длинноногим, не мускулистым, ни кудрявым. «А что такое

Одесса?» – спросила Шошана. «Город, прославившийся развитием денежных отношений», – ответил я. Иначе, как объяснить замечательную карьеру Сима Симсона, от полного нолика, торговавшего пиратскими копиями «виндов» на одесском Привозе, до главы крупнейшей транскосмической корпорации. Благодаря ему нитеплазма обрела настоящий интеллект и стала существом, субъектом, Плазмонтом. Благодаря нитеплазме он научился максимизировать прибыли и минимизировать издержки, создавать не только идеальных работников, но и идеальных потребителей. Ресурсы не стоят ему ничего, ведь нитеплазма паразитирует на живой и неживой материи. Мечта поэта. Всякие хитропопые монополисты, вроде Билла Гейтса, которым он когда-то завидовал, теперь ему в подметки не годятся.

Демона может одолеть только демон. Вакансия победителя пока открыта.

23

Пикси Манан мог бы присягнуть на старинной святой книге с застежками, что более тяжкого рейса у него не случалось. Хотя шкипер был не зелен, отнюдь. О чем свидетельствовала седина, вернее большая проплешина. Красные прожилки на носу и в глазах тоже говорили о многом. Причем, не только о пристрастии к рисовой водке баюцзю.

Впрочем, начало рейса было самое заурядное. Шкипер Манан забросил на Меркурий, вернее, на орбитальный комплекс "Меркурий-4" пятьсот тонн снабженческих грузов, принял навалом молибденовый полуфабрикат в чушках и платину в слитках. После окончания грузовых работ грамотно оформил приемо-сдаточные документы, получил от диспетчера полетное задание и мотнулся на "челноке" в орбитальный Хунахуна, чтобы отрешиться от трудов и скучного течения времени. Провел там трудную ночь в стальных и электрических объятиях двух мутанток. В триста трудовых мозолистых гафняшек обошелся этот индустриальный отдых.

На следующее утро, грустно разминая помятые кости, Пикси выслушивал техника, оттестировавшего бортовые системы, и инженера по силовым установкам. Те нудно рассказывали, как всю ночь спасали погибающий из-за дефектов корабль своими аварийно-ремонтными работами. И шкиперу, невзирая на стремительно падающее настроение, оставалось только предоставить назойливым людям свою кредитную карточку.

В отличие от рейсовых грузо-пассажирских судов трамповое корыто "Bloody Killary" не было приспособлено под извоз пассажиров. И, чтобы мотаться сюда и туда, где подворачивался удачный фрахт, имело маршевую двигательную установку, горячим сердцем которой был реактор типа "ядерная лампа" с газовой активной зоной.

Таможня разрешила выход в космос и, не медля, два буксира стали ускорять кровавую старушку "Killary" до третьей космической, выводя заодно на необходимую траекторию. Тем временем урановая плазма набирала требуемую температуру в 5000К, чем запрещено было заниматься в космопорте. Буксиры отцепились на скорости пятнадцать километров в секунду, далее ядерный двигатель должен был разогнать суденышко до тридцати километров в секунду и благополучно отключиться. Когда судно уже накрутило восемьдесят тысяч километров на пути от Меркурия, вышел на связь некто с рейса 13 судоходной компании "Клипперные гонки" и неожиданно понес какую-то ахинею. Когда

связь наконец оборвалась, шкипер Манан проверил свои навигационные и баллистические параметры, потом "Меркурий-4" прогудел ему своим мощным передатчиком, что судно, с которого поступила ахинея, находилось в пиратских руках и недавно разбилось где-то на поверхности планеты.

Вот только после этого Пикси вплотную задумался над услышанной в эфире ерундой. Почему упал рейс 13? Пираты вряд ли жаждали посадки на Меркурий, уж скорее им хотелось как-нибудь оторваться на маневровых двигателях от планетного притяжения. Даже если по беспросветной тупости пираты стали бы направлять корабль в сторону планеты, автоматические пилотные системы не позволили бы ему свалиться вниз со стационарной околомеркурианской орбиты. Значит, рейс 13 был сбит или каким-то другим образом уничтожен властями Меркурия. В любом случае, прежде всяких ликвидаций, власти обязаны были связаться с Адмиралтейством или хотя бы базой Меркурианской эскадры. И вояки наверняка бы предложили куда более надежные и безопасные средства перехвата судна и обезвреживания пиратов. А так было угроблено двадцать восемь человек.

Но раз меркурианские власти оказались столь заинтересованы в немедленном изничтожении пиратов, значит, те в натуре знали какую-то тайну. Тайну, способную навредить алчным акулам капитализма из "Миража" и "Комбинации".

Манан давно невзлюбил эти две компании, потому что они редко нанимали мелких частников вроде него для перевозок своих грузов. А если и нанимали, то по-хамски ужимали сумму фрахта вполовину. И некуда было деться от этой олигополии; если благородно откажешься, то полетишь обратно порожняком.

Пикси решил сохранить основную и резервную записи своего разговора с рейсом 13, а по прибытии на Марс аккуратно приложить их к своим рапортам Адмиралтейству и Департаменту Торгового Флота.

Однако, едва он решился на такой поступок, стала подличать силовая установка. Нагло и беспричинно потянулась вверх температура в активной зоне реактора, примерно на сто градусов каждые десять минут. Это означало, что буферный газ аргон скоро перестанет защищать прозрачные стенки «ядерной лампы» и урановая плазма начнет, замутняя, лихо конденсироваться на них. Ох, лихо. А, соответственно, «лампа» уже не сможет излучать и разогревать водород, пока что пышущий из дюз. В итоге... жутко подумать, хоть глаза зажмурь – чертова «лампа» страшно бубухнет, из нее рванется на волю сто тысяч джиннов, и Пикси сам превратится в плазму, размазывающуюся по просторам

космоса...

Ближайшие станции и корабли сейчас за безднами тьмы и им не успеть со своей помощью.

Ничего не поделаешь и не попишешь, система аварийного сброса урановой плазмы на судах типа "Killary" не была предусмотрена, как впрочем и беспардонные прыжки температуры. Пикси перекрыл клапана на системах подачи ядерного топлива, но это помогло слабо. Увеличил впрыскивание аргона, но урановая плазма уже пошла вовсю смешиваться с инертным газом, отчего буферный слой приказал долго жить.

Пикси с тоской вспомнил свою верную подружку, стройную полинезийку Беллу Абрамовну – почему она называла себя полинезийкой? Наверное, уже не сбыться их стародавней мечте устроить маленькую ферму на Каллисто под небом, полным Юпитера, и разводить полипептидных слизней на продажу.

От образа "небо с Юпитером" поплыло некоторое успокоение, которое развернуло метущийся шкиперский разум в странную сторону: а что, если раздолбать саму прозрачную кварцевую стенку "ядерной лампы"?

Пикси сперва испугался сам себя, потому что никто никогда даже не намекал, каким кайлом можно прошибить эту стенку. Испуг испугом, но либо попробуй раздолбать корабль самим кораблем, либо помирай.

Отделить передний отсек – тот самый, что с рубкой и системами жизнеобеспечения – потом перейти в основной отсек и вручную отработать с маршевым и маневровыми двигателями. Выписать, наращивая ускорение, такой крюк, чтобы в итоге впилиться в оставшийся на старой траектории передний отсек. Вот тогда, возможно, будет продавлена не только гармошка радиатора, но расколота сама «ядерная лампа».

Но даже в случае победы, Пикси затем добрые миллионы километров придется куковать на открытой палубе, имея вместо хвоста длинное облако горячей урановой плазмы. Однако, шкипер понятия не имел, о чем тут еще думать. Вообще Манан не умел долго держать в напряжении мозговое вещество, его мимолетные мысли напоминали редкие очереди электрических разрядов. И шкипер стал кропать на скорую нитку.

Сперва Пикси наспех рассчитал рабочий график: когда отделяться переднему модулю; когда врубаться и вырубаться вспомогательным двигателям, чтобы основной отсек выписал маневровую траекторию. Затем он испустил сигнал бедствия, вытащил штыри стыковочных блоков, напялил скафандр, прихватил дополнительные кислородные баллоны и аварийные комплекты питания, ну и отправился через шлюз наружу. Возле

грузового трюма (что в основном отсеке) имелся запасной пульт, применявшийся на стоянках для тестирования. С него Пикси и стал запускать один за другим жидкостно-реактивные маневровые двигатели. Есть расстыковка, есть маневр.

С вероятностью "фифти-фифти" реактор мог взорваться еще до пересечения с передним отсеком, или вообще не свидеться с ним в пространстве. Однако, на сей раз Пикси повезло – так же как когда-то с Беллой Абрамовной – курс на столкновение оказался удачным. Может за минуту до того, как реактор обязан был рвануть, передний модуль впилился в обшивку основного отсека, промял радиатор, свинцовую и циркониевые оболочки двигателя – и «лампа» треснула. Из трещины брызнула ослепительная урановая плазма. Пикси, находившийся с другого борта, успел вползти в приемный шлюз грузового трюма, и какие-то двести градусов жары скафандр отлично стерпел. Однако тело схватило такую дозу радиации, что ионизировавшаяся жизнь начала быстро расползаться по швам.

Шкиперу почему-то все более мнилось, что после летального исхода он обязательно попадет на Юпитер и воплотится в металлорганическую медузу, для которой тамошний холод и бешеный ветрило являются весьма ласковой средой. Манану даже казалось, что его душа отчасти переселилась в эту тварь. Наверное, приятный бред начался оттого, что Анима стала исполнять свою знаменитую "отходную", принуждая железы выбрасывать все большие порции эндорфинов и прочих внутренних наркотиков.

Спустя три дня крейсер лунарской эскадры отцепил опухшего, как несвежая сметана, сизого, покрытого язвами Пикси от разрушенных обезглавленных останков "Killary" и еще через три дня доставил в Эдуардыч-Сити, префектура Луна. Шкиперу пофартило. Его лучевую хворь крутые космиканские доктора полечили полной заменой костей, накопивших радиоактивные изотопы, на титано-керамические трубки, заполненные пробирочно выращенными кроветворными клетками. Получив из Эдуардыч-Сити рапорт шкипера Манана , Адмиралтейство в течении четырех дней рассматривало его все пристальнее, а на шестой день высочайше повелело: расследовать официально, срочно направить в префектуру Меркурий адмирала Никодимова-Солярного. Итого, между катастрофой рейса 13 и прибытием крейсера с адмиралом был трехнедельный разрыв.

24

Вокруг чудной пейзаж, напоминающий момент пробуждения от сна к яви.

Окружающая среда, закончив радовать нас многообразием, скатилась к заурядному лабиринту. Совершенно не излучающие стенки, ничего не означающие направления. Совсем бестолковое движение, куда ни пойдешь, смещаешься к центру. Этот лабиринт хавает любой импульс твоего движения, говорит «спасибо», и полученную энергию расходует на то, чтобы ты никуда не смылся.

Относительно недавно (в прошлом веке, пять минут назад) один из коридоров показал фокус. Он размягчился и по нему лениво потекли продольные, поперечные, диагональные волны, перламутровые как шампунь. Наверное, это напоминало деятельность какого-то внутричеловеческого органа. Будь на моем месте хирург, он бы оценил. Тем не менее, действовал коридор завораживающим и даже успокаивающим образом. Я заставил себя и фемку напялить скафандры – а вдруг нам перекроют кислород. Затем Шошана вяло шагнула в сторону «шампуня», коридор сделал глотательное движение и утянул ее. Она почти не сопротивлялась, потому что Плазмонт наверное напоминал ей «материнское вещество».

На какую-то секунду Шошанино лицо исказилось волевым противодействием. Я поспешил на выручку, но мгновение спустя выручать было уже некого, коридор окончательно заглотил фемку. Напоследок ее лицо совершенно разгладилось и стало отрешенным.

– Ну, сволочь Плазмонт, выходи, проявись как-нибудь! Эй ты, куча соплей, слышишь меня? Мы, состоящие из атомов, молекул, тел, групп, мы все равно разотрем тебя как дерьмо по палубе. Потому что мы сложнее тебя. Мы разнообразнее, в нас больше симметрий, мы подобны Вселенной, слава фрактальной размерности. В каждом из нас сидит весь космос, а кусок от тебя – просто кусок. Простое может попаразитировать на сложном, но одолеть – никогда!

И после такой пламенно-революционной речи я понял, что наступает светопреставление – пока что для меня лично, а не для атомно-молекулярной жизни. Плазмонт обиделся. Из-за какого-то невидимого поворота выскочил и помчался на меня клубок черной нитеплазмы с ухораздирающим визгом. Я бросился наутек. Однако, как я ни увиливал и не маневрировал, клубок догнал и охватил меня. С головы до пяток. Затем протек вовнутрь скафандра. Кажется, больно не было, когда нитеплазма

расчленяла меня. Она сразу блокировала болевые центры, чтобы я не зашелся в коме, а присутствовал при собственном уничтожении.

Взгляд – его предстояло потерять последними – путешествовал по телу и наблюдал, как краснела и трескалась кожа, жир и кровь превращались в варево, обугливались и рассыпались в порошок кости. Фонтаном вырывались внутренности, на лету становясь дымом. Затрещала и лопнула, как перезревший арбуз, голова. Скафандр, надувшись, гейзером выпускал через клапана пар избыточного давления, будто кит. И вот свет погас.

Но какая-то точка, приютившая сознание, скиталась беспризорно среди тумана, в который превратился мой организм. Сколько такое блуждание продолжалось – не знаю. Время для меня – оставшегося без количества и размера – имело не больше значения, чем алгебра для таракана. Я ощущал, как наводится сияющий чернотой зев трубы и начинает втягивать оставшуюся крошку.

Я было решил, что накрылся, что ничего не осталось от моих полей и сил. И когда совсем уже расстроился, вдруг – обана! Откуда-то издалека, может от самого батюшки Юпитера – хвала громовержцу – пришла подсказка. Дескать, даже в той жалкой убогой точке, которой я сделался, имеется полный набор полюсов. И, правда, в малюсенькой точке, оставшейся от меня, в одном узелке, было ВСЕ!

Есть полюс устойчивости, из него выдавливается плотная сила с просверками огня – все необходимое для образования камня. Хоть сейчас могу стать меркурианской скалой с вяло текущим временем в жилах. Вот начинает бурлить воздушная сила, тянущая вширь и вверх. Этого достаточно, чтобы сделаться растением где-нибудь под куполом. Наконец, растормошил я полюс огня и потекли потоки энергии, я почувствовал, что могу шевелить своими членами, как животное. А потом стали расходится по телу водяные потоки, связывающие все силы, дающие цель каждой пульсации.

Теперь я почти-человек, образ готовый к воплощению. Такими были граждане Адам и Ева прежде, чем выпасть сияющими яйцами из райского гнезда и начать свое прорастание в материи.

Но как выйти из нитеплазменной ловушки, которая любое наше движение превращает в гравитационное искривление?

И тут необычайно мощная пульсация пролегла ко мне. Неужели, Юпитер? – ведь я родился под небом, наполовину состоящим из его красных и голубых красок. Я сразу попробовал

сфокусировать собой эту силу, как линза солнечные лучи.

Трудно прикончить врага, который обложил со всех сторон. На меня обрушились сотни тонн грязи, в то же время она была плотной, мускулистой и кусачей. Спохватившаяся ловушка бросилась со всех сторон, пытаясь уплотнится и раздавить меня.

Перед тем, как она бы расплющила меня, я заметил в своей руке клинок, будто металлический, рассекающий, но и водянистый, текущий, но и огненный, рвущий. В нем, наверное, сочетались выбросы разных полюсов.

Я сделал выпад с воплем: "Конец тебе, гондон". Рубанул с оттягом. На сей раз Плазмонт не смог отнять у меня импульс. Клинок сумел преодолеть нитеплазму под нужным углом и рассечь каналы ее устойчивости. Мускулистая грязь лопнула и выбросила меня. Оплывали и скатывались линии, сжимались стены, съеживались потолки, рассыпались в пепел портики и колонны, таяли дома с причудливо изогнутыми крышами, растекались сопельным как сопли дворцы, исчезали, как сигаретный дым, голубое небо и синяя вода, последним исчезла скульптура Семена Семеновича Альтшуллера.

Я уже увидел тропу, которая, преломляясь, как луч через слоеное стекло, уводила к Юпитеру и предлагала начать новую жизнь в его ласковых и теплых морях. Я был готов двинуться вперед, но сам нажал на тормоза. Все-таки не хочу оставлять Плазмонта наедине с Меркурием. Да и Юпитер-батюшка будто надоумил меня: вот распавшееся на точки твое тело, хватай, пока не поздно. Я прошел по стопам воплощения гражданина №1 Адама, одновременно сделался камнем, растением, животным и, наконец, самим собой. Это был своего рода большой и чудесно симметричный взрыв, когда двум половинкам мозга стали соответствовать две половины задницы, ну и так далее.

Из всех, с кем я посетил заколдованный городок, этот жутковатый Диснейленд, нашлась одна Шошана, и потому лишь, что мои пульсации еще отражались, еще бились в ней. Какая-то оплывающая стена выпустила ее.

Я был донельзя истощен, от меня просто остался огрызок, когда мы с фемкой шлепнулись на торосистую поверхность Свинячьей Шкуры. От других членов разведгруппы – ни следов, ни плевка, ни задоринки. Анискин, капитан, Люся – от всех них сохранились только памятники в моем сердце.

Шошана не совсем еще очухалась, а я слишком вымотался. Мы перевалили через косогор и стали съезжать чуть ли не на заднице в долину, где валялись обломки рейса 13.

Когда мы спустились вниз еще метров на пятьдесят, на высотке позади нас закачала головами шеренга бойцов. А на

другой стороне долины образовалась еще одна цепь. Вдобавок из приземлившегося планетолета вылез отряд в десять двадцать каблуков. А во мгле над нами возник полицейский коптер и забил в глаза напряженными лучами прожекторов. Солидная облава – скооперировались ОПОНы чуть ли не со всей нашей планеты.

– Полный аншлаг. Огни рампы, восхищенная публика, зрители едва ли не над головой висят.

– Недолго тебе позировать осталось, – прорезался голос старого друга Рекса. – Застыть на месте, никаких быстрых движений, не то мигом разнесем в пук и прах ваш дуэт.

Раскоряка-коптер плюхнулся неподалеку от нас. Из него сразу высыпала шобла. Бойцы с лазерными прицелами остались у борта, украсив наши лбы красными световыми пятнышками. Другие подскочили скопом и, вывернув наши верхние конечности, насколько это было возможно и даже больше, потащили к аппарели. Такой веселой кучей-малой мы с Шошаной попали в коптер, где с нас сдернули шлемы, скафандры, даже хайратники отняли. После чего кинули нам какие-то драные робы и накрепко приковали к скамье. А вокруг плотно уселся десяток полицейских. Среди них был Мухин – значит, его не прихватили, чему весьма рад.

– Ребята, вам не тесно? Парочка могла бы пройти вперед, парочка назад, – обратился я к бойцам для снятия некой напряженности.

Тут появился Рекс и впаял мне по физиономии открытой ладонью – для яркости красок на щеке. Вот так "снял" напряженность!

– Как ты думаешь, почему он такой грубый? – справился я у Шошаны. Моя подружка неожиданно пожалела Рекса.

– Просто его в детстве часто стегали по попе.

Кто-то из полицейских гыкнул. Неджентльмен Рекс приготовился запаять и Шошане. Я неожиданно почувствовал полюс огня, который выбросил в сторону обидчика небольшую порцию острой энергии. Похожей на стрелу. Даже звон тетивы послышался. Рекс в ответ закачался, схватившись за виски, и упал на руки близь находящихся ментов. Его быстро уволокли, и путешествие в целом прошло спокойно. Мы с Шошаной даже смогли прислонится друг к дружке спинами.

В Скиапарелли нас встречал двойной кордон полицейских и представители общественности – ясноглазые посланцы «Комбинации» и «Миража». На выходе из ангара меня с Шошаной уже рассадили в разные «клопы». Мы только успели соприкоснуться взглядами. На мгновение мне показалось, что мы вдвоем плывем на лодочке по какому-то тихому озерку. Свидимся

ли мы еще с тобой, подруга дней суровых, а если и встретимся, то в каком из миров?

Привезли меня не в префектурную тюрьму, а в управление полиции, где сунули в мрачный пещерного типа подвал – там даже головизор отсутствовал. Интракорпоральный сетевой коннектор мне просто проткнули иголкой, теперь мне Терешке-младшему даже последнее напутствие не сказать. Единственным развлечением были до поры до времени тараканы с генами земляники, которые в темноте сползались пожевать белковых сушек и были весьма приятны на вкус. (Знаю-знаю, марсианам такое развлечение не придется по нраву.) Но вскоре в подземелье показался человечек скромного, какого-то не меркурианского вида – наше население в общем-то отличается внушительными размерами.

– Вы, надо полагать, адвокат? – обратился я.

– Я – помощник прокурора, – с достоинством представился тщедушный. – Меня зовут Калл Поппер.

– Ранее прокурору помогал господин с другим именем, менее звучным. Надо полагать, и прокурор сменился. Ну, да ладно. Сколько дней будет продолжаться следствие, когда суд?

Человечишка просеменил вдоль и поперек камеры.

– Об этом уже не надо беспокоиться. Вы должны меня правильно понять. На Меркурии в связи с обстоятельствами, которые вам известны, введено было чрезвычайное положение. И следствие, и суд прошли для вас заочно. Осталось только одно – привести приговор в исполнение.

Некоторые от такого известия истерично смеются или производят дефекацию, то бишь обделываются. Или совмещают первое и второе. Некоторые, то есть я, побывав на том свете, у Плазмонта, иронически заявляют:

– Интересно, куда торопились? Судья опаздывал в уборную? Или, может, планета закрывается на ремонт?

– Как бывший работник правоохранительных органов вы должны понимать, что таковы законы чрезвычайного положения, – воззвал к моим должностным чувствам маленький Поппер.

– Ну, и на что можно надеяться в результате исполнения приговора?

– На смертную казнь через повешение, – сказал человечек без всякого злорадства, но с чиновной щеголеватостью – дескать, чем я, простой таракашка, однако, занимаюсь. Плазмонту совсем не требовалось осеменять Поппера, он и так был готов услужить.

– Может, это и не положено, но шепните мне в порядке личного одолжения, господин Поппер, какое наказание определено Шошане.

– Смертная казнь через введение летальной дозы яда, – чтобы покрасоваться страшными словами, человечек даже нарушил инструкцию, ту самую, которая запрещала передавать сведения о судьбе подельников.

– Я просто поражен гуманизмом. Когда всё будет готово для изъятия из обращения моей жизни с помощью примитивной балки и грубой веревки?

– Я думаю, ждать недолго, господин Терентий К123. Но во всяком случае вам предоставлено время на то, чтобы подать прошение о помиловании главе чрезвычайной администрации майору Леонтию К300. Сделать это надо не позднее, чем завтра, а послезавтра вы уже получите ответ.

Я вспомнил майорские глазки, то бегающие, то смотрящие недвижно куда-то через твое плечо, заодно его слова, наполненные радением за отчетные показатели, а также его идеально черные башмаки. Фанат – это тот, кто ставит форму выше содержания (цитата). Майор был фанатичным борцом за эти самые идеальные башмаки, отчетные показатели и мир-дружбу с "Миражом" и "Комбинацией".

– Человек, который жмотился мне выдать лишнюю премию, вряд ли расщедрится в своем ответе. Рассчитывать тут не на что и незачем. А у Шошаны?

– У нее такое же право. Есть ли у вас какие-нибудь просьбы ко мне? – больше ничего интересного для себя заявить Поппер не смог и решил закругляться.

– Так, последняя просьба должна быть чрезвычайно содержательна. Спойте мне, Поппер. Пожалуйста.

– Я не умею, – по-моему, помпрокурора даже застеснялся своей певческой беспомощности.

– А вызвать космотеистского жреца можно?

– Он в отпуске.

– А, в Хунахуна. А православного батюшку?

– Такую услугу мы не оказываем.

– А как насчет того, чтобы мне радостно смотреть информационную программу меркурианского широковещания?

– Это пожалуйста. Головизор вам принесут.

В запасе осталось три дня, на большее чрезвычайники поскупились. Я был даже рад, что суматоха закончилась и мне уже не надо спасать меркурианских балбесов – чтоб их демон сожрал! да жевал побольнее. Для начала я решил почувствовать Шошану. Попробовал отключиться и разглядеть окрестности. Можно было убедиться лишний раз, что мои сверхспособности в значительной степени провоцировались Плазмонтом – я паразитировал на нем, так же как и он на мне. Теперь же я едва-

едва растормошил пространственный полюс. Слабенький вихрь стал раскручиваться по спирали.

Вначале окрестности напоминали то, что наблюдается в темной комнате – некоторая рыхлая мгла, испещренная прожилками. Плазмонт уже вовсю присутствовал в городе, его скользкие и сосущие щупальца образовывали плетенье над моей головой. Однако среди прожилок затесалось одно волоконце, по которому приходило ко мне мягкое дружественное биение. Вот и все, что мне осталось от Шошаны.

И тут очередной выпуск новостей удостоился моего пристального внимания. Вернулся снабженческий планетолет из Порт-Ананаса – летучий фургон спешно вывалил там груз и еле унес лыжи, набившись беженцами, как консервная банка горошком. Грунт возле Порт-Ананаса был похож на ленту, или даже на плод южного воображения – змею Ананту, которая спирально вползала куда-то внутрь планеты. Причем мобильные платформы города, как ни карабкались упорно против течения, все равно неумолимо съезжали вниз. Однако возле места происшествия не было замечено ни сейсмической активности, ни повышенной радиации, ни тепловыделения.

Все-таки, чем отличается Космика от Земли – у нас нельзя скрывать серьезные природные происшествия от публики, потому что события разворачиваются слишком быстро. И если публика чего-то не узнала вовремя, то неожиданные события могут весьма отрицательно сказаться на ее здоровье.

И если пострадавшая публика частично уцелеет, то она потом тех, кто укрывал важную информацию, живыми в стенку вобьет. Разгонится на тракторах и – трах-тарарах. Ничем не остановишь.

Через полчаса передали с Равнины Будды, что и там поверхность почла возможным заскользить по-змеиному.

Еще пару сигарет спустя кибердикторы передали: орбитальные спутники пронаблюдали, что на ночной поверхности Меркурия нарисовалась хорошая язва. Между Равниной Будды и Порт-Ананасом образовалась воронка непонятной глубины и диаметром километров в пятьдесят. Странная безмолвная воронка. Раскручивается с приличной скоростью, а не слышно ее – не окатывает сейсмическими волнами остальную планету.

Похоже, Плазмонт распоясался и собрался сожрать Меркурий, вернее вывернуть его наизнанку. Для сторонних же наблюдателей будет казаться, что планета как бы вымаралась из Солнечной системы, оставив лишь зону искажений, слабенько излучающую сверхдлинные волны и более ничего. А в вывернутом Меркурии, лишившемся атомов и молекул, в этой сверхколбе, Плазмонт устроит экспериментальный полигон для Новой Жизни.

Вот опять новости. Воронка на ночной стороне с чавканьем заглотила поселок 3-62. На солнечной половинке Меркурия проклюнулось еще одно жерло-жрало и тоже взялось за планету.

Но вот цензура-таки осела на доступном мне широковещании полным затмением – начальники решили рискнуть будущим здоровьем. Вместо сообщений с меркурианских полей кибердиктор заявил, что широковещательная компания «Мы-Меркурий» куплена корпорацией «Мираж» и скучные передачи заменены на свежие сериалы, сгенерированные творчески могучим ИскИном Спилберг-3.

На экране замелькали сразу четыре, потом шестьдесят четыре сериала, синтезируемые в режиме реального времени. «Я убью тебя, крошка, для твоего же блага».

Стало скучно, киношные эффекты явно уступали тому, что мог сгенерировать Плазмонт совершенно наяву. Поэтому ни много ни мало я попытался своими силами прощупать самочувствие бедного Меркурия. Для начала представил его маленьким теннисным мячиком, который стал кататься в сфере действия своих полюсов – без особой надежды на успех. Но планета, как бы сама откликнулась на мой зов, наверное, по причине своих страданий. Мячик разбух, сделался громадиной, чем-то геометрически невнятным, туманностью, составленной из тяжелых и легких вибраций разных полюсов. Был братишка Меркурий скреплен многообъемной гравитационной сетью, которая разбивала непрерывность истечения сил на устойчивые ячейки. Ячейки субнуклонов, атомов, молекул.

Какой-то зубастый гад прогрыз сеть в двух местах. Там пропали ячейки сети и безвольно хлобыстали наружу силы. Меркурий "истекал кровью".

Планета напоминала пузырь, к которому присосался червяк сразу двумя своими концами. Пузырь худел, червяк быстро набухал как пиявка, усиленно занимающаяся кровососанием.

Тут, отрывая меня от наблюдения за печальной картиной, замок на двери защелкал и вошло двое унылых типов в униформах прокуратуры.

– Как, уже, что за нетерпляк? А право на испрошение помилования? – само собой, возмутился я.

– Мы просто должны перевезти вас в другое место для содержания под стражей вплоть до принятия решения главой чрезвычайной администрации или до времени исполнения приговора.

Нормальная дубовая фраза. Но почему-то раздражает. Сказали бы, например, что надо съездить на примерку пенькового галстука. Ладно, суть одна. Когда Леонтий станет выносить

мудрое решение, я уже пару дней буду отдыхать в морге с дыркой между лопаток. И с биркой на шее "Ликвидирован при попытке к бегству". Пара веселых санитаров будет сноровисто фасовать мои внутренности по пакетам, а умница-доктор займется опытами по пересадке моих мозгов киберу, занимающемуся уборкой мусора и освежением сортиров. А стайка студентов-медиков пробежится мимо со словами: "Ничего интересного. Никакой патологии".

Когда меня выводили из здания, повстречалось трое опоновцев и Муха в том числе.

– Куда тебя, злодей? – не удержавшись, крикнул он. – Говорят, что ты только подал прошение о помиловании.

– Им кажется, что я потребляю слишком много кислорода.

Меня уже пинками запихивали в "воронок", однако я, упираясь, как баран рогами, еще протрубил зычным голосом:

– Мне так жаль, что я не попаду здоровый и жизнерадостный демону в брюхо, не смогу доставить ему радость. А вы ребята посыпайте себя солью и перцем – ОН действительно дружит с теми, кто вкусен.

Тут меня угостили по затылку и я улетел в нутро "воронка". Транспорт типа катафалк двинулся в последний мой путь-дорогу. Я уже рассчитал: сейчас свернут к мусорозаводу, там остановят, откроют дверцы, вышвырнут на мостовую – и пшик в спину из плазмобоя или чирик по шее лазерным резаком. Потом за руки за ноги (голову за нос) бросят труп обратно в машину и поедут отчитываться за проделанную работу.

Мы стали взбираться почему-то в гору – раньше вроде никаких холмов не было, неужели Скиапарелли наклонился? – а потом и вовсе остановились, пожалуй, не добравшись до мусорной зоны. Вот как им невтерпеж, мясникам.

Ну, что пора молиться Йеманье и четыреста одному духу Ориша по примеру Анискина?

Тут дверца открылась и первым делом показался сопровождающий, который наводил на меня плазмобой с гарканьем "Вылазь". Он, наверное, ожидал, что будущий труп станет упираться, артачиться. Вместо этого я резво, боком кувыркнулся вперед. Струя плазмы шарахнула над ухом, но я успел целым припасть к мостовой.

Плазма снова пшикнула, но организм не пострадал! Вместо этого меня подняла за шиворот крепкая рука. Неужто решили убивать красиво, чтоб я, стоймя, с матюгами ("так умирает русский лейтенант "), встречал смертельный исход?

– Включайся скорее, Терентий, – вдруг стал уговаривать кто-то.

Я озираю окрестности. Вот так так, рядом сержант Мухин и

еще двое полицейских, Митя и Алеша, оба мамальфейцы, наш клан. А мои сопроводители раньше меня переехали на тот свет, оставив на память свои невеселые трупы. Один валяется, прошитый плазмобоем, рядом с моим каблуком, второй, порезанный бластером – у открытой дверцы кабины, голова его укатилась в сторонку.

– Видеокамера, та, которая в "вороньем гнезде", показывает, что горизонт все выше и выше становится, – пожаловался Мухин. – А потом он сделается таким тесным, что в него можно будет вставить пробку.

– Хвалю. Ты просто научился читать мои мысли.

– Ты единственный, кто может нас как-то вытащить из этой передряги.

– Никого я выручать не стану, пока мне не достанете Шошану. Она у меня – для ясности – как силовая установка и рубка у корабля.

– Вот зараза, – непонятно в чей адрес выразился Мухин и длинно сплюнул. – Живо в машину. Ее уволокли сразу после тебя в госпиталь Скорой Помощи. Там видимо и собираются прикончить до наступления положенного срока.

Хорошо хоть мои доблестные спасатели использовали для догонялок не "клопа", а куда более скоростной "таракан-патрол". И госпиталь был всего в двух кварталах от места только что случившейся разборки. В Скиапарелли все рядом. Въехав на первый этаж с главного пандуса, мы вломились в здание через один из боксов.

– Укромное местечко тут есть в подвале рядом с судебным моргом, куда ни врачи, ни больные, само собой, не ходят, – подсказал коп Алеша. – Была тут у меня знакомая медсестренка.

Около трупохранилища пришлось снять санитара – ударом электрошоковой дубинки по затылку.

Мы пробежались табуном по моргу, мимо покойников в пластиковых гамаках, сделанных из охлаждающей пленки. В ней жмурики вылеживаются до той поры, пока не становится ясно, кому они еще понадобятся – производителям кормов или трансплантологам.

А выйти не можем, стена как будто отталкивает нас, обратно к жмурам.

– Это иная физика, правый заряд. Двигайтесь очень аккуратно, как бы скользя на лыжах, не отрывая подметок, не передавая ей энергию движения.

Ребята застыли, изумленно свесив нижнюю губу на подбородок. Но когда я умело заскользил, они тут же переняли мой стиль движения. И даже стали перекатываться вдоль стены –

истерично посмеивались, но подражали.

А в конце дверь. Но как ни дергай, не открывается. И жмуры позади словно начали притягиваться к нам на своих каталках.

– Слушай мою команду. Ничего не надо дергать. Вы не на работе. Просто положите ладони на дверь. У нее левый заряд. Поэтому очень мягко, нежно, почти мысленным усилием потяните ладони на себя, как будто к ним прилип листик тонкой бумаги.

Сотоварищи удивились, однако же в столь безвыходном для себя положении были безропотны. И мы успешно устранили очередной препон. Следующий коридор сворачивал через двадцать метров за угол. И тут… чу, кто-то переминается за углом. Я предупредил соратников, приложив ладонь ко рту.

За углом был выставлен охранник, спиной к двери типа диафрагма. Похоже, не человек, а нитеплазменный конвертант. А когда я выскочил из-за угла, то сразу осознал – видимая часть конвертанта ничего особого из себя не представляет. Его силовые линии сходится в фокусе, который куда ближе ко мне, чем сама фигура.

Я выстрелил из Мухинского плазмобоя в этот узел напряжения, и охранник расфокусировался, затрясся, растекся соплями в пространстве.

– Как так? – не смог удержать изумление Мухин.

– Видимое не всегда реально. И наоборот. Прошу, господа.

Оторвавшуюся от охранника руку приложили к чувствительной панели в центре двери-диафрагма. Она, как и полагается, открылась, а за ней было что-то вроде процедурного кабинета. Столик на колесиках со всякой медицинской мишурой. Господин в белом комбинезоне, вставляющий ампулу в шприц-пистолет. Наверное, врач-палач. Господин в форме прокуратуры с бумажкой в руках – ему, должно быть, поручили засвидетельствовать летальный исход. И Шошана в кресле, несколько смахивающем на гинекологическое, с мощными захватами на руках, ногах, шее и голове.

– Вот и ваш черед настал, голубчики, – удовлетворенно произнес я. Господину из прокуратуры, который пытался боксировать, я просто вмазал ботинком по тестикулам. Врачу-палачу провел апперкот, поэтому он свалился на свой столик и покатился на нем в угол. Мухин же быстренько разомкнул захваты, держащие Шошану.

– Впервой такую фемку вижу. И, наверное, в последний раз, – отметил Муха. После чего все положительные – как мне кажется – персонажи двинулись вперед. Трое полицейских в форме, лейтенант-расстрига в полосатом костюмчике смертника и фем в

рубашке на голое тело.

25

У ангара полицейского управления стояло ментов человек двадцать и еще с десяток прочих лиц. Среди прочих я увидел изобретателя нитеплазменного детектора Викентия с сынишкой…

Мухин попросил меня помолчать пару минут и сам закатил такую речугу, какую я от него не ожидал. Раньше-то он мастер был рассуждать разве что, как заживет на пенсии, выращивая грибы в марсианских тоннелях, долго и нудно, так что уши увядали. Сейчас кратко и энергично изобразил из меня великого воина, почти святого, единственно знающего, как уконтрапупить нитеплазму, за что корпоратократы из «Комбинации» и «Миражи» злодейски сговорились меня лишить жизни.

Не знаю, все ли Мухину поверили, но когда кое-кто в толпе подвинулся, освобождая мне дорогу, остальные не стали упорствовать и расступились. Хотя, повторяю, к этому моменту нервы, аксоны и ганглии были у всех на взводе.

И я, встав на ящик, провел импровизированный митинг.

– Братки, господа и товарищи. Посмотрите на меня, я не самоубийца и отнюдь не законченный придурок .Однако я рискую, когда нет других вариантов. Мы все готовы рискнуть, если нам угрожает верная хана. Вы все слыхали о том, что творилось в аномальных зонах. Так вот, это были лишь цветочки. Теперь аномальная зона – вся планета. Я и моя подружка – она красивая, правда? – мы единственные среди собравшихся, кто съел собаку на этом деле. К чему веду, пора с Меркурия удирать. Иначе нет шансов дожить до получки.

– Я за лейтенантом, – высказалось доверенное лицо, то есть Мухин, следом, в краткосрочном референдуме, посыпались новые "да". В итоге, все почли за лучшее забраться в оставшиеся два коптера. В последний момент запрыгнули на борт и Терентий-Младший со своей женушкой Спецслужбой, точнее записались они в жировую ткань одного упитанного инфо-контрабандиста, в его липосомы, которые с помощью наноманипуляций были переделаны в цепочки мемоцитов стандартной емкостью в один гигабайт.

Вот створки внешнего шлюза разошлись, и коптеры стали взмывать вверх. Я сидел рядом с пилотом в первой машине. Шошана – во второй. А когда поднялись метров на триста, вертикальная скорость начала по-быстрому падать, хотя пилоты давили на дроссель, выжимая из моторов все большая мощность.

А еще стало заметно, как Скиапарелли целиком стал проседать в какую-то воронку.

– Жать на газ не стоит, – сообщил я пилотам. – Демон питается той энергией, которую мы тратим. – Снижайтесь помаленьку и двигайтесь вдоль склона.

Линия горизонта стала напоминать горлышко опрокинутого кувшина. Поверхность замкнулась со всех сторон, и с боков, и сверху. Спектральный анализатор показывал, что эта странная твердь ничего не излучает и не отражает, зато лихо поглощает волны во всех диапазонах.

И вертикальная, и горизонтальная скорости стали нулевыми. Мы зависли. Пейзаж вокруг был по-прежнему совершенно абстрактным, типа "черный мешок". Только небольшое излучение в виде сверхдлинных волн слегка украшало его. Мы висели в центре ничего.

– Кажется, конечная остановка, – заметил Мухин и помрачнел, видать задумался, что не светит ему честно заработанная пенсия на Марсе.

А вот лицо у Шошаны прямо засветилось. Значит, почувствовала центр симметрий. И сразу подключила меня. Меркурий как раненный колобок лежал у меня на ладони.

Мои пульсации стали как пальцы, бережно ощупывали его раны – колотые, резаные, выворачивающие – откуда уходили силы к стае пиявок, к Новой жизни. И я стал обрывать эти сосущие рты.

– Сдвинулись, – послышался далекий грохочущий голос Мухина. – Набираем ускорение.

И в самом деле, лихо тронулись – всего несколько минут потратили на разгон до первой космической скорости.

Забортная жаркая мгла почти моментально налилась бешеным светом – фильтры обзорных мониторов едва успели сработать – и стенки туннеля перестали быть абстрактными и размытыми. Сработали спектральные анализаторы.

– Просьба сохранять спокойствие, мы – на солнечной стороне Меркурия, под нами кипит свинец.

И тут между нами и неуемным светилом пристроилась туша военного крейсера. От одной его тени стало прохладно и весело на душе. Распахнулись приемные шлюзы ангаров, и два коптера были втянуты на борт корабля как мухи пылесосом. Еще с полчаса нас аккуратно и умело охлаждали пенными струями. Но когда нам разрешили распахнуть люки и выпрыгнуть на палубу, где пены было по колено, потрескавшуюся обшивку коптеров не стоило трогать даже пальцем.

Появился некто в чине полковника космической пехоты, а с ним несколько дюжих парней в беретах, украшенных мерцающими Горынычами.

– Есть тут лейтенант Терентий К123?

– Ну, я. Ладно, пусть меня по-человечески приговорит трибунал и после принятия внутрь стопки "язвенной" распылит корабельный гразер.

– Вас ждет адмирал Никодимов-Солярный.

Адмирал смахивал на внимательного доктора и в течение получаса я много узнал. О поменявшем кости Пикси Манане. О расторопных ребятах из Адмиралтейства, которые выкопали из архивов безумные, как считалось, докладные записки завзятого психа Викентия с окраины обитаемого мира. Об автоматических межпланетных станциях, которые вдруг заметили исчезновение городка Скиапарелли на Меркурии.

Узнал, что на подходе еще один крейсер и вскоре два корабля первого класса будут усердно патрулировать каверзную планету. Порадовался тому, что слово "Плазмонт" уже печально известно и многие ждут от меня подробностей. Услышал довольным ухом, что мое уголовное дело скоро превратится в судебное преследование "Миража" и "Комбинации". А мерой пресечения для меня установлена подписка о невыезде из пределов Солнечной системы. Поскольку теперь ясно, что я не бандит и не брехун, то адмирал лично будет ходатайствовать о присвоении мне звания майор, минуя капитана, и о награждении орденом Юпитера-Громовержца первой степени.

– А как же Плазмонт? Его споры, наверное, разлетелись чуть ли не по всей Космике. – Я все-таки нашел силы забеспокоиться. – Ухитрились же они попасть с Земли на Меркурий.

– Не волнуйся так, сынок. Разработаны уже методы очистки. Помимо двух крейсеров на санацию подряжаем половину флота. А то, что останется от Плазмонта, посадим в аквариум и будем кормить тухлыми тараканами... Ну ладно, вижу по глазам, хочешь перекусить, покурить, мордашку сполоснуть. Отдыхай, заслужил.

Я вышел в коридор. Надо, само собой, помыться для начала, но ноздри привели меня на корабельный камбуз. Там жадно питалось несколько беженцев с Меркурия, уже умытых и переодетых в матросские робы. У большего псевдоиллюминатора с видом на звезды, освежалась пивком Шошана – рядом с ней вился какой-то сержант космической пехоты, понятно, что не слыхавший о female-mutant. Заметив меня, он уважительно произнес:

– Чего-то я тут заболтался, – и отчалил.

– От фемов ничего не осталось, – итог подвела она вполне официальным голосом, но понятно, что внутри нее вулкан. – Я одна.

– А я? Если хочешь, я заменю тебе материнское вещество. А

ты мне – всю организацию фемов. Я думаю – не боюсь употребить столь крепкое слово – что матка предвидела и такой поворот. Может, ты вообще стала вместо нее центром симметрий. Наберешь себе учениц и возьмешься за старое. Я вижу, ты молчишь и соглашаешься. Так что пора замуж – в смысле, за меня.

– Только никогда не зови меня киской и рыбкой. Убью на месте.

– Знаю. Если что, на моей могиле высечешь: "Он пал за киску".

Мы вдвоем обернулись к иллюминатору. Красный глаз Юпитера мерцал устало и мудро, по-отцовски.

СПб., 1994